

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ДЕРЖАВНИЙ ВИЩИЙ НАВЧАЛЬНИЙ ЗАКЛАД
“ДОНБАСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ”
ГОРЛІВСЬКИЙ ІНСТИТУТ ІНОЗЕМНИХ МОВ (ДВНЗ ДДПУ ГІМ)

ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ Г. С. СКОВОРОДИ (ХНПУ ІМ. Г. С. СКОВОРОДИ)

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ І. І. МЕЧНІКОВА

ЛІНГВІСТИЧНИЙ ВІСНИК

Випуск 1

Горлівка
2013

Рекомендовано до друку вченою радою Горлівського інституту іноземних мов
ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (протокол № 10 від 25 квітня 2013 року)

Редакційна колегія:

І. А. Герасименко, доктор філол. н., доцент (науковий редактор) (Україна, завідувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **О. А. Андрущенко**, доктор філол. н., професор (Україна, проректор з наукової роботи, завідувач кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди), **А. Р. Габідулліна**, доктор філол. н., професор (Україна, професор кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **В. А. Глущенко**, доктор філол. н., професор (Україна, ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **Т. М. Марченко**, доктор філол. н., професор (Україна, заступник директора з наукової роботи, професор кафедри зарубіжної літератури Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **С. О. Кочетова**, доктор філол. н., професор (Україна, декан факультету французької та німецької мов, професор кафедри зарубіжної літератури Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **В. І. Теркулов**, доктор філол. н., професор (Україна, завідувач кафедри російської мови Донецького національного університету), **Н. І. Панасенко**, доктор філол. н., професор (Україна – Словачка, професор кафедри германської та фіно-угорської філології Київського національного лінгвістичного університету; професор кафедри англійстики та американістики університету Св. Кирила та Мефодія, Трнава, Словачка), **О. А. Сулейманова**, доктор філол. наук, професор (Росія, завідувач кафедри західноєвропейських мов та перекладознавства Інституту іноземних мов ГБОУ ВПО МГПУ “Московський міський педагогічний університет”), **Н. К. Кравченко**, доктор філол. н., професор (Україна, професор кафедри зіставної типології, теорії та практики перекладу Київського національного лінгвістичного університету), **О. Ю. Карпенко**, доктор філол. наук, професор (Україна, завідувач кафедри граматики англійської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова), **І. М. Колегаєва**, доктор філол. наук, професор (Україна, завідувач кафедри лексикології та стилістики англійської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова), **В. І. Силантьєва**, доктор філол. наук, професор (Україна, завідувач кафедри зарубіжної літератури Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова), **Л. О. Петрова**, доктор філол. наук, професор (Україна, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова), **В. М. Шаклейн**, доктор філол. н., професор, академік РАЕН (Росія, завідувач кафедри російської мови та методики її навчання Російського університету дружби народів), **В. І. Карасік**, доктор філол. н., професор (Росія, завідувач кафедри англійської філології Волгоградського державного педагогічного університету), **М. В. Піменова**, доктор філол. н., професор (Росія, завідувач кафедри російської мови Владимирського державного гуманітарного університету), **О. О. Лещинська**, доктор філол. н., професор (Білорусь, професор кафедри білоруської мови Гомельського державного університету ім. Франциска Скорини), **Л. В. Боброва**, кандидат філол. наук, доцент (США, Пенсільванський державний університет), **Д. В. Василенко**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри практики та фонетики англійської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **Л. І. Дубовик**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри української мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **Н. І. Іванова**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **Л. М. Бражнік**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **Н. В. Дьячок**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”), **О. В. Семенова**, кандидат філол. наук, доцент (Україна, доцент кафедри французької філології Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет”).

Рецензенти:

Петрова Л. О., доктор філол. наук, професор, завідувач кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова (Одеса, Україна), **Лещинська О. О.**, доктор філол. наук, професор кафедри білоруської мови УО “Гомельський державний університет імені Франциска Скорини” (Гомель, Білорусь).

Лінгвістичний вісник : зб. наук. пр. ; [наук. ред. І. А. Герасименко]. –

Л59 Горлівка : Вид-во ГІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. – Вип. 1. – 126 с.

У збірнику розглянуто проблеми сучасного мовознавства на матеріалі слов'янських, германських та романських мов. Значну увагу приділено дослідженню лінгвістики тексту, дискурсології, концептології, опису семантичних, морфологічних та синтаксичних аспектів мови. Розміщено рецензію на навчальний посібник.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, які цікавляться питаннями сучасного мовознавства.

УДК 81 (08)
ББК Ш 81.0

Лингвистический вестник : сб. науч. тр. ; [науч. ред.

Л59 И. А. Герасименко]. – Горловка : Изд-во ГИИЯ ГВУЗ «ДГПУ», 2013. – Вип. 1. – 126 с.

Всборникерассмотрены проблемы современного языкознания на материале славянских, германских и романских языков. Большое внимание уделено исследованию лингвистики текста, дискурсологии, концептологии, описанию семантических, морфологических и синтаксических аспектов языка.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами современного языкознания.

УДК 81 (08)

LINGUISTIC VISNYK

Issue 1

Horlivka
2013

Linguistic Visnyk : Collected Papers ; [editor in chief I. A. Gerasimenko].
– Horlivka : HIFL SHEI “DSPU”, 2013. – Issue 1. – 126 p.

“Linguistic Visnyk” is concerned with all branches of theoretical linguistics (text linguistics, discourse analysis, conceptual language analysis, semantic, morphological and syntactical issues of the language). The original linguistic research is based on data drawn from Slavic, Germanic and Romanic languages.

“Linguistic Visnyk” is meant for scholars, philologists, postgraduates, students and those who are interested in current problems of linguistics.

ЗМІСТ

Теоретичні аспекти вивчення мови

Ю. В. Дорофєєв (Сімферополь). Мовні контакти як фактор розвитку варіативності

О. В. Соловцова (Горлівка). Еволюція поглядів на категорію предикації в науковій парадигмі

В. І. Теркулов (Донецьк). Типологія лінгвальних подій

Н. С. Ушева (Горлівка). До питання про логічні підстави класифікації опозицій

Ю. К. Янко (Горлівка). Поняття “оцінка” в сучасних лінгвістичних дослідженнях

Проблеми лінгвістики тексту, дискурсології, дискурс-аналізу

Н. В. Васюкова (Київ). Теорія релевантності як когнітивна основа рекламної комунікації

О. Л. Колесніченко (Горлівка). Іронія як лінгвістичний феномен (на матеріалі монологів М. М. Жванецького)

М. Ю. Олешков (Нижній Тагіл, Росія). Мовленнєва ситуація як об’єкт комплексного лінгвістичного дослідження

О. А. Сулейманова (Москва, Росія). Порядок розташування означень в атрибутивній групі: когнітивна інтерпретація

І. В. Фірсова (Горлівка). Концептуалізація метафори простору (на матеріалі французької мови)

І. В. Чернишова (Горлівка). Прагматичні особливості висловлювань з темпоральними маркерами оцінності “свого/чужого” простору (на матеріалі англійського тексту Біблії)

А. Г. Чікібаєв (Донецьк). Лінгвістичні прецедентні феномени в навчальних посібниках

Ю. О. Шепель (Дніпропетровськ). Знову про комп’ютерний сленг

Концептуальний аналіз мови

Ю. Л. Дмитрієва (Горлівка). Образно-асоціативний компонент концепту “БЕРЕЗА” (на матеріалі творів С. Єсеніна)

Ю. Ю. Жуков (Горлівка). Мовна репрезентація концепту “ЗАКОН” у німецькій лінгвокультурі

Актуальні проблеми морфології і словотвору

О. В. Арцєбашева (Горлівка). Дієслово у розвідках П. О. Бузука

Н. В. Дьячок (Горлівка). До питання про “нульову” афіксацію в контексті універбалізаційних процесів

А. В. Котова (Харків). Сучасний статус тривалих та перфектних форм в англійській мові

Е. В. Самойленко (Горлівка). Реетимологізація як причина та наслідок появи квазікомполітів

Функційна семантика лексичних та фразеологічних одиниць

І. А. Герасименко (Горлівка). Слова з імпліцитним значенням кольору

О. А. Кудря (Горлівка). Класифікація кольоропозначень в англійській та українській мовах

В. К. Харченко (Белгород, Росія). “Константа багатозначності”

Теоретичні питання синтаксису

Н. І. Іванова (Горлівка). Мовна рекурсія та вставлені конструкції

О. Ф. Таукчі (Горлівка). Про комбінаторні потенції слів у синтаксичних конструкціях

І. С. Святобаченко (Горлівка). Нефінітні форми дієслова як засіб вияву пропозиційно-комунікативного безсполучникового зв’язку

Рецензії. Анотації. Хроніка. Інформація.

В. М. Прохоренков (Херсон). Про синтаксичне ускладнення простого речення. Рецензія на навчально-практичний посібник Ю. І. Беляєва “Просте синтаксично ускладнене речення в сучасній російській мові”: для студ. філол. фак-тів ун-тів. – Херсон, 2013. – 268 с.: рукопис

Відомості про авторів

Вимоги до оформлення статей

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические аспекты изучения языка

Ю. В. Дорофеев (Симферополь). Языковые контакты как фактор развития вариативности

Е. В. Соловцова (Горловка). Эволюция взглядов на категорию предикации в научной парадигме

В. И. Теркулов (Донецк). Типология лингвальных событий

Н. С. Ушева (Горловка). К вопросу о логических основаниях классификации оппозиций

Ю. К. Янко (Горловка). Понятие “оценка” в современных лингвистических исследованиях

Проблемы лингвистики текста, дискурсологии, дискурс-анализа

Н. В. Васюкова (Киев). Теория релевантности как когнитивная основа рекламной коммуникации

Е. Л. Колесниченко (Горловка). Ирония как лингвистический феномен (на примере монологов М. М. Жванецкого)

М. Ю. Олешков (Нижний Тагил, Россия). Речевая ситуация как объект комплексного лингвистического исследования

О. А. Сулейманова (Москва, Россия). Порядок следования определений в атрибутивной группе: когнитивная интерпретация

И. В. Фирсова (Горловка). Концептуализация метафоры пространства (на материале французского языка)

И. В. Чернышова (Горловка). Прагматические особенности высказываний с темпоральными маркерами оценочности “своего/чужого” пространства (на материале английского текста Библии)

А. Г. Чикибаев (Донецк). Лингвистические прецедентные феномены в учебных пособиях

Ю. А. Шепель (Днепропетровск). Снова о компьютерном сленге

Концептуальный анализ языка

Ю. Л. Дмитриева (Горловка). Образно-ассоциативный компонент концепта “БЕРЕЗА” (на материале произведений С. Есенина)

Ю. Ю. Жуков (Горловка). Языковая репрезентация концепта “ЗАКОН” в немецкой лингвокультуре

Актуальные проблемы морфологии и словообразования

О. В. Арцебашева (Горловка). Глагол в исследованиях П. А. Бузука

Н. В. Дьячок (Горловка). К вопросу о “нулевой” аффиксации в контексте универбализационных процессов

А. В. Котова (Харьков). Современный статус длительных и перфектных форм в английском языке

Е. В. Самойленко (Горловка). Реетимологизация как причина и следствие появления квазикомпозитов

Функциональная семантика лексических и фразеологических единиц

И. А. Герасименко (Горловка). Слова с имплицитным значением цвета

О. А. Кудря (Горловка). Классификация цветообозначений в английском и украинском языках

В. К. Харченко (Белгород, Россия). “Константа многозначности”

Теоретические вопросы синтаксиса

Н. И. Иванова (Горловка). Языковая рекурсия и вставки

Е. Ф. Таукчи (Горловка). О способности слов вступать в синтаксические конструкции

И. С. Святобаченко (Горловка). Нефинитные формы глагола как средство реализации пропозиционально-коммуникативной бессоюзной связи

Рецензии. Аннотации. Хроника. Информация

В. Н. Прохоренков (Херсон). О синтаксическом осложнении простого предложения. Рецензия на учебно-практическое пособие Ю. И. Беляева “Простое синтаксически осложненное предложение в современном русском языке”: для студ. филол. фак-тов ун-тов. – Херсон, 2013. – 268 с.: рукопись

Сведения об авторах**Требования к оформлению статей**

CONTENTS

Theoretical Aspects of Language Learning

Y. V. Dorofeyev (Simferopol). Language Contacts as a Factor of Variability

O. V. Solovtsova (Horlivka). The Evolution of Approaches to the Category of Predication in the Scientific Paradigm

V. I. Terkulov (Donetsk). Lingual Events Typology

N. S. Usheva (Horlivka). The Problem of the Oppositions Classification Logical Basics

Problems of Text Linguistics, Discourse, Discourse Analysis

N. V. Vasyukova (Kyiv). Relevance Theory as Cognitive Basis of Advertisement Communication

O. L. Kolesnichenko (Horlivka). Irony as a Linguistic Phenomenon (based on M. M. Zhvanetsky's monologues)

M. Yu. Oleshkov (Nizhniy Tagil, Russia). Speech Situation as an Object of a Complex Linguistic Research

O. A. Suleymanova (Moscow, Russia). Word Order in an Attributive Phrase: Cognitive Interpretation

I. V. Firsova (Horlivka). Conceptualization of "Space" Metaphor in the French Language

I. V. Chernyshova (Horlivka). Temporal Deixis: "One's Own/Alien" Space in the English Biblical Text (Pragmatic Peculiarities)

A. G. Chikibaev (Donetsk). Linguistic Precedent Phenomena in Textbooks

Yu. O. Shepel (Dnipropetrovsk). Revising Computer Slang

Conceptual Language Analysis

Yu. L. Dmitrieva (Horlivka). The Figurative and Associative Component of the Concept "BIRCH" (based on the poems by S. Yesenin)

Yu. Yu. Zhukov (Horlivka). Verbal Representation of the Concept "LAW" in the German Language

Morphology and Word Formation Problems

O. V. Artsebasheva (Horlivka). The Investigation of the Ukrainian Verb by P. O. Buzuk

N. V. Dyachok (Horlivka). "Zero" Affixation in Univerbation Process

A. V. Kotova (Kharkiv). Modern Status of Continuous and Perfect Forms in the English Language

O. V. Samoilenko (Horlivka). Reetymology as the Reason and the Result of Quasi-Composite Functioning

Functional Semantics of Lexical and Phraseological Units

I. A. Gerasimenko (Horlivka). Words with Implicit Colour Meaning

O. A. Kudrya (Horlivka). The Classification of Colour Terms in English and Ukrainian

V. K. Kharchenko (Belgorod, Russia). The Constant of Polysemanticism

Theoretical Issues of Syntax

N. I. Ivanova (Horlivka). Language Recursion and Parentheses

O. F. Taukchi (Horlivka). Words' Ability to Enter Syntactical Structures

I. S. Svyatobachenko (Horlivka). The Non-Finite Forms of the Verb as the Means of the Propositional-Communicative Asyndetical Connection Realisation

Reviews. Annotations. Chronicle. Information.

V. N. Prokhorenkov (Kherson). Syntactical Complications of a Simple Sentence. A Practical Guide Review: Y. I. Belyayev "A Simple Syntactically Complicated Sentence in Modern Russian": for university students of humanities. – Kherson, 2013. – 268 p.: manuscript

Authors

Instructions for Contributors

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ МОВИ

Ю. В. Дорофеев
(Симферополь)

УДК 81-112.2: 81'27

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВАРИАТИВНОСТИ

Система любого языка постоянно подвергается модификациям, обеспечивающим такое фундаментальное качество естественного языка, как изменчивость, и одним из самых значимых стимулов таких изменений является взаимовлияние языков [8, с. 83]. Контакты языков осуществляются не на уровне абстрактных систем, а в сознании носителей языка, в их речевой деятельности, поскольку потребность в новых средствах выражения заставляет не только создавать их, но и заимствовать из других языков. Носители языка принимают или отторгают те или иные инновации, а коммуникативные потребности изначально определяют меру влияния одного языка на другой. Таким образом, степень взаимопроникновения языков зависит от коммуникативных отношений между носителями отдельных языков. Результатами языковых контактов являются многообразные следствия: в одних случаях они приводят к заимствованиям, в других – к интерференции, смешению норм разных языков и, как крайний случай, к функционированию некоторого среднего подязыка (койне, пиджины, креольские языки), в третьих – к языковой ассимиляции, в четвертых – к полилингвизму. В любом случае нет сомнений, что изучение языковых контактов и их результатов позволяет исследовать не только особенности строения языковой системы, но и особенности коммуникативной реализации языка, его развития и функционирования в социуме.

В связи со сказанным мы ставим перед собой целью на примере ряда языков продемонстрировать степень влияния языковых контактов на развитие вариантных форм языка. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: анализ представлений о закономерностях языковых контактов; определение роли заимствований в процессе развития вариантных форм языка; характеристику специфики функционирования заимствований в рамках отдельных форм языка.

Понятие контакта основано на том, что каждый отдельно взятый язык, как правило, не развивается в изоляции. Например, английский язык, несмотря на его автономное развитие, обусловленное географическим положением, в свое время испытал мощное влияние старофранцузского языка и через его посредство латинского, в результате чего лексический состав современного английского языка наполовину состоит из заимствований романского происхождения: *animal* (животное), *barrier* (барьер), *camouflage* (камуфляж), *detonation* (детонация, взрыв), *different* (различный), *enjoy* (наслаждаться), *example* (пример), *genius* (гений), *influence* (влияние), *interfere* (вмешиваться), *message* (сообщение) и др. [7]. В то же время некоторые языки в разные периоды своего развития подвергались значительному влиянию со стороны других систем, например, в русский язык проникли заимствования из немецкого (*авторитет*, *балетмейстер*, *гантель*, *замша*, *импонировать*, *лавина*, *марка*), французского (*авиатор*, *аллея*, *баллада*, *волонтер*, *галерея*, *дублер*, *жанр*, *кабинет*) и других европейских языков [6].

В тех случаях, когда контакты между языками происходят в масштабе целой группы людей, можно говорить об общих для них особенностях языкового поведения, а инновации, основанные на заимствовании единиц из другой системы и распространенные в масштабах всей группы, могут рассматриваться как актуальные и получившие признание в рамках коллектива: многие факторы, дающие языку статус “доминирующего” – его важная роль в общении, его значение для социального продвижения и т. д., – навязываются человеку окружающей средой. Поэтому соотношение между языками часто оказывается одинаковым для многих носителей, участвующих в данной ситуации контакта [3, с. 55]. Ярким примером такой ситуации является экспансия английского языка в славянские. Так, русский и украинский языки в одно время усваивают целый ряд номинативных единиц, при этом адаптируя их к своим грамматическим и фонетическим особенностям: *айсинг*, *бренд*, *бартер*, *бойлер*, *демтинг*, *импичмент*, *лизинг*, *ноутбук*, *спонсор* и т. п.

Результатом языковых контактов в современном мире становятся, по замечанию А. Н. Рудякова, процессы языкового партнерства, которые строятся на заимствовании наиболее

удачных номинаций и конструкций, обеспечивающих развитие конкретного языка, его совершенствование и жизнеспособность: “Язык велик не потому, что он способен отторгать все чужое. Язык, равно как и народ, носитель языка, велик потому, что он, не утрачивая собственной идентичности, способен интегрировать все самое продуктивное, что есть в языках-партнерах” [11, с. 8]. Как показывает пример английского языка, многочисленность заимствований совсем не обязательно ослабляет язык, а скорее, указывает на его открытость, восприимчивость и готовность “сотрудничать” с другими культурами [9, с. 112]. На этом фоне в языках активизируется развитие вариантных форм, которое почти всегда протекает в условиях контактов двух (или более) языков. Это утверждение справедливо как для национальных и региональных вариантов, так и для территориальных и социальных.

В некоторых случаях заимствования являются основой для образования и развития варианта. Так, ряд современных социальных вариантов русского языка образовался благодаря влиянию английского. Самый известный из них – социолект компьютерщиков. Интересным примером такого варианта является также социолект игроков в настольные и компьютерные игры (геймеров): **аддон** (англ. *addon*) – “дополнение, расширение игры”, **аукцион** (англ. *auction*) – “игровая механика, заключающаяся в том, что игроки по очереди делают ставки (деньгами или иными игровыми ресурсами)”, **варгейм** (англ. *wargame*) – “военная игра; игра, моделирующая реальные или воображаемые военные конфликты”, **гик** (англ. *geek*) – “очень увлеченный человек, “повёрнутый” на своём хобби”, **даунтайм** (англ. *downtime*) – “промежуток времени, в течение которого игрок не может предпринять в игре никаких действий и, фактически, “выпадает” из игры”, **гекс** (англ. *hex*) – “правильный шестиугольник, на который нанесено изображение участков местности”, **хоумрул** (англ. *homerule*) – “домашнее правило, дополнительное правило, которое придумано игроками (а не автором игры) и применяется по их желанию”, **драфт** (англ. *draft*) – “игровая механика, заключающаяся в том, что игроки самостоятельно выбирают для себя игровые карты”, **мипл** (англ. *meeples*) – “игровая фишка в форме человечка”, **ресурсы** (англ. *resources*) – “деньги, карты, материалы и т.п., то, что необходимо для выполнения определённых игровых действий”, **тайл** (англ. – *tile*) – “большой жетон в форме квадрата, на который нанесено изображение участков местности”; **филлер** (от англ. *to fill* – заполнять) – “простая и быстрая (в пределах 30 минут) игра”, **юнит** (англ. *unit*) “боевая единица, отряд или солдат” [<http://www.boardgamer.ru/slovar-nastolshhika>].

Случаи заимствований носят системный характер в территориальных вариантах русского языка. Так, в севернорусские говоры из западнофинских языков заимствованы слова *курья* (залив реки), *сахта* (поросшая кустарником болотистая местность), *рада* (моховое болото), *кибас* (грузило на неводе), *лох* (семга после метания икры); из языка коми пришли слова *виска* (ручей, проток), *кулёма* (западня на пушных зверей), *лузан* (охотничья накидка), *орда* (бурундук) [2]. Сходное явление наблюдается в диалекте американского варианта английского языка в Восточной Пенсильвании, куда проникли заимствования из диалекта пенсильванских немцев: *rapertoot* (пакет) (ср. нем. *Tüte*), *sprook* (привидение) (нем. *Spruk*), *clook* (наседка) (нем. *Glucke*), *thickmilk* (кислое молоко) (нем. *dicke Milch*), *getawake* (проснуться) (нем. *Wach werden*) [16, с. 149].

Развитие национальных вариантов английского языка также связано с определенной степенью влияния языков аборигенов, которые обитали в ареалах распространения английского языка в процессе колонизации. Так, для австралийского национального варианта английского языка характерны целые семантические группы слов, использование которых связано с условиями жизни на континенте. Это названия деревьев и растений: *bunya-bunya* (австралийская сосна из породы *Араукария*), *jarrah* (австралийский эвкалипт), *waratah* (цветущий кустарник, произрастающий в юго-восточной части Австралии); названия животных, рыб, птиц: *barramundi* (азиатский морской окунь), *brilga* (австралийский журавль), *brumby* (необъезженная, дикая лошадь), *bulln-bulln* (лирохвост), *coella* (разновидность какаду), *dingo* (австралийская дикая собака), *kangaroo*, *wallaby* (кенгуру), *koala* (коала), *kookaburra* (большой австралийский зимородок), *torwong* (крупная морская рыба), *mulga* (королевская коричневая змея), *rotaroo* (сумчатая крыса), *yabby* (австралийский рак); наименования местных объектов, предметов и жилищ: *billabong* (небольшое озеро, отрезанное от реки), *boomerang* (оружие аборигенов в виде плоского крыла), *coolamon* (судно аборигенов Австралии), *gibber* (местность в пустыне, естественным путем выложенная камнями), *tiatia* (временное жилье у аборигенов), *nullanulla* или *waddy* (тяжелая палка для охоты, используется также для добычи огня), *wurley*

(хижина из ветвей деревьев) [1].

Большинство перечисленных единиц активно используются в речи жителей Австралии. Некоторые слова, обозначающие так называемые “экзотические реалии”, вышли за пределы австралийского варианта и даже английского языка в целом (*кенгуру, динго, бумеранг* и др.). Однако важно отметить, что для Австралии данные единицы не являются экзотизмами, и используются в соответствующем варианте языка не как чужеродные элементы, а в качестве полноправных членов системы, отличающихся только своим происхождением.

Сходная ситуация наблюдается и в вариантах испанского языка Америки, где представлено множество заимствований из языков индейцев: *allacho* (*мотыга*), *apca* (*жареная кукуруза*), *bulina* (*лепешка из фасоли*), *coila* (*ложь, вранье*), *cuaterin* (*удар по голове, подзатыльник*), *desguañangar* (*ломать, портить*), *enchocorarse* (*укрываться, прятаться*), *equipata* (*снег с дождем в высокогорье*), *huasi* (*дом, жилище*), *ilisitle* (*напиток из тростникового сока и трав*), *itira* (*плот*), *llaccho* (*заросли травы по берегам рек и озер*). Многие семемы, служащие для обозначения специфических реалий также впоследствии перешли в другие языки именно посредством вариантов: *lata* (*лама*), *condor* (*кондор*), *alpaca* (*альпака*), *puma* (*пума*), *tapir* (*тапир*), *yaguar* (*ягуар*), *ñandu* (*нанду*), *tucán* (*тукан*), *piraña* (*пиранья*) и др. [5].

Таким образом, некоторые языки и их варианты могут выступать своеобразными посредниками между другими языками, обеспечивая их опосредованные контакты. Так, из языков народов Индии первоначально именно в индийский вариант английского языка попали слова, получившие затем распространение и в других языках: *pepper* (*перец*), *beryl* (*берилл*), *sandal* (*сандаал*), *cashmere* (*кашмир*), *calico* (*коленкор*), *punsh* (*пуниш*), *banyan* (*сорт дерева*), *samphor* (*камфора*), *crimson* (*малиновый*), *hemp* (*конопля*), *indigo* (*индиго*), *jute* (*джут*), *Brahmin* (*брамин*), *bungalow* (*бунгало*), *jungle* (*джунгли*), *loot* (*грабеж*), *khaki* (*хаки*), *rugree* (*тюрбан*), *pinkeh* (*опахало*), *rajah* (*раджа*), *sepo* (*сипай, индийский солдат на службе англичан*), *verandan* (*веранда*), *curry* (*соя*), *coolie* (*кули*), *mango* (*манго*), *pariah* (*пария*) [14, с. 142–145].

Наблюдается и определенное взаимовлияние между вариантами одного языка. М. Т. Дьячок приводит многочисленные примеры заимствований из территориальных вариантов русского языка в социальные, что способствует своеобразию номинативной системы последних: *аноха* (*слабоумный, простофиля*) в диалектах Сибири означает простофиля, дурак, глупец; *базлать* (*разговаривать громко, кричать, распорядиться повышенным тоном*) в северных и сибирских диалектах – громко кричать; *кукла* (*предмет, внешне похожий на продаваемый, пачка бумаги, нарезанная по формату денег, сверху и снизу которой находятся настоящие купюры*) в диалектах – пучок, прядь *мятого или трепаного льна*; *горсть льна, предназначенного для трепания*; *маклак* (*скупщик и продавец краденых вещей*) в северных и южных диалектах – торговец рыбой, перекупающий ее непосредственно у рыбаков; *баланда* (*низкокалорийная похлебка, жидкий суп в тюрьме*) в южных и западных диалектах – *ботвинья, крошка из кваса и лука*; *лох* (*бестолковый человек, потерпевший, жертва шулера*) в диалектах – *лентяй, ротозей, простофиля, дуралей*; *лосось после метания икры* [4].

Результатом систематических языковых контактов является возникновение интерферированных форм. Поскольку такие формы чаще всего относятся к маргинальным явлениям, то момент их возникновения обычно не может быть зафиксирован даже приблизительно, и их изучение начинается, когда их удельный вес в системе становится очень значительным. Для Украины ярким примером такой формы является так называемый суржик, возникший в результате интерференции двух близкородственных языков. Видимо, о явлениях такого рода писал Л. В. Щерба: “Наконец, капитальнейшим фактором языковых изменений являются столкновения двух общественных групп, а следовательно, и двух языковых систем, иначе – смешение языков. Процесс сводится в данном случае к тому, что люди начинают говорить на языке, который они еще не знают. Языковой материал, которому они стремятся подражать, един; языковая система, которая определяет их речевую деятельность, едина. Поэтому они одинаковым образом искажают в своей речевой деятельности то, чему подражают. Если со стороны другой группы по тем или иным социальным причинам нет достаточного сопротивления, то результаты одинаковым образом “искаженной” речевой деятельности, являясь в то же время и языковым материалом, обуславливают резкое изменение языковой системы” [17, с. 30]. Подобное взаимодействие происходит не только между разными языками, но и между их вариантами, и в силу этого является одним из постоянных факторов, определяющих развитие языков.

Негативное отношение к интерферируемым формам языка вполне объяснимо. Как пишет по этому поводу У. Вайнрайх: “Язык может внушать носителям чувство патриотизма, подобное национальному патриотическому чувству, связанному с идеей нации. Язык, будучи неприкосновенной сущностью, противопоставляемой другим языкам, занимает высокое положение на шкале ценностей, положение, которое нуждается в “отстаивании”. В ответ на угрожающий языку сдвиг это чувство верности языку приводит в действие силы, направленные на сохранение языка, оказавшегося под угрозой; в ответ на интерференцию оно превращает стандартизованный вариант языка в символ веры и святыню” [3, с. 57]. Однако история развития многих ныне самостоятельных языков включала этап интерференции (например, история формирования романских языков на основе народной латыни).

Поэтому некоторые современные исследователи не столь категоричны в своих оценках. Так, Т.Ф. Новикова отмечает: “Думается, не стоит столь сурово оценивать это живое языковое явление, наоборот, как нам кажется, эта зона национального языка также нуждается в исследовании и описании” [10, с. 23], а А. Н. Рудяков пишет: “Я призываю изучать это интереснейшее для лингвиста явление. Я призываю разграничить те явления в суржике, которые обусловлены малограмотностью, и те явления, которые обусловлены возможностью для носителя двух языков выбирать самые удачные номинации, самые комфортные способы выражения грамматических значений” [13, с. 8].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Для любого языка естественно стремление к поиску наиболее оптимальных способов выражения своих сигнификатов, которые могут создаваться и в результате языковых контактов. Языки в таких условиях стремятся в наибольшей степени отвечать интересам новых, наднациональных, образований и таким образом расширять сферу своего функционирования и влияния в социуме. Под влиянием языковых контактов активизируется процесс образования и развития вариантов языков (в том числе и интерферируемых). Поэтому обоснованными представляются попытки рассмотреть проблему глобального взаимодействия языков как сущностную характеристику современного мира. В частности, А. Н. Рудяков предлагает рассматривать взаимодействие не языков, но языковых миров (-фоний), которые не существуют в изоляции друг от друга, и поэтому в точках их соприкосновения в каждый конкретный момент не наблюдается существование отдельных языков в чистом виде [12]. Таким образом, контакты языковых миров являются одним из условий возникновения различных территориальных, социальных, региональных, национальных вариантов отдельного языка.

Система номинативных средств всех вариантов отдельного языка формируется, с одной стороны, общими для всего языка единицами, а с другой, характеризуется высоким процентом заимствований из языка жителей, которые населяли и населяют отдельные ареалы до распространения, например, английского, испанского или русского языка. Большинство таких единиц отражают специфические условия жизни новой страны или региона и именуют местных животных, растения, новые социальные отношения, новые отрасли и условия труда. В подобных ситуациях язык выступает как средство объективации социокультурной оппозиции, однако некоторые созданные или заимствованные слова, выражающие понятия, которые представляют достаточный интерес и важность для широкого круга людей, могут стать частью общей инвариантной системы данного языка и даже перейти в другой язык.

В функционировании вариантов наиболее рельефно проявляются закономерности развития языка, поскольку здесь наблюдается взаимодействие мотивированности и немотивированности, конвенциональности и интенциональности языка. Эти характеристики определяют перспективы вхождения инноваций в систему языка; возможности сосуществования в номинативной системе единиц, реализующих общий сигнификат в различных позициях; степень значимости сосуществующих в языке номинативных средств, количество и качество которых может привести к существенным преобразованиям отдельных участков системы.

Литература

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / [Под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской.] – Режим доступа: [http://www.rubricon.com/danz_1.asp].
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. – М.; Новосибирск : Наука, 2000. – 768 с.

3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У.Вайнрайх // Новое в лингвистике, выпуск VI: “Языковые контакты”. – М. : Изд-во “Прогресс”, 1972. – С. 25–60.
4. Дьячок М. Т. Диалектная лексика в современных русских аргос // М. Т. Дьячок // (Наука. Университет. 2000. Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск, 2000. – С. 69–72.
5. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под ред. Н. М. Фирсовой. Издание 2-е, испр. и доп.– М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. – 609 с.
6. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
7. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М. : Издательский дом “Диалог”, 1999. – 416 с.
8. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М. : Изд-во “Прогресс”, 1972. – С. 81–93.
9. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – 6-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 312 с.
10. Новикова Т. Ф. Современные региолекты: проблемы статуса и описания / Т. Ф. Новикова // Лингвистика. – Луганськ : Видавництво ЛНУ, 2011. – № 3, ч. 1. – С. 17–25.
11. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7–10.
12. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика XXI века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь : Антиква, 2010. – С. 8–20.
13. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – № 110, т. 1. – Симферополь, 2007. – С. 7–9.
14. Секирин В. П. Заимствования в английском языке / В. П. Секирин. – К. : Изд-во Киевского университета, 1964. – 152 с.
15. США: Лингвострановедческий словарь: Литература. Театр. Кино. СМИ. Музыка, танец, балет. Архитектура, живопись, скульптура / Авт.-сост. Г. Д. Томахин. – М. : ООО “Издательство Астрель” : ООО “Издательство АСТ”, 2001. – 272 с.
16. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
17. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–39.

Аннотація

Ю. В. Дорофеев. Языковые контакты как фактор развития вариативности

В статті розглядаються закономірності впливу мовних контактів на виникнення й розвиток варіантних форм мови. На матеріалі російської, англійської та іспанської мов визначено особливості засвоєння і функціонування запозичень у різних варіантах мови.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствования, вариативность языка.

Анотація

Ю. В. Дорофеев. Мовні контакти як фактор розвитку варіативності

У статті проаналізовано закономірності впливу мовних контактів на виникнення й розвиток варіантних форм мови. На матеріалі російської, англійської та іспанської мов визначено особливості засвоєння і функціонування запозичень у різних варіантах мови.

Ключові слова: мовні контакти, запозичення, варіативність мови.

Abstract

Y. V. Dorofeyev. Language Contacts as a Factor of Variability

The article deals with the regularities of influence of the language contacts on the emergence and development of variant forms of the language. The peculiarities of penetrating and functioning of borrowings in different variants of the language have been determined on the basis of the Russian, English and Spanish languages. It has been admitted that the process of the formation and development

of the language variants is activated under the influence of language contacts which become one of the conditions for the various territorial, social, regional, national language variants. It has been stated that the system of nominative means of all the language variants comprises common language units and borrowings from the language of some particular areas. Most of these units reflect the specific conditions of a new country or region, name local animals, plants, new social relationships, new social and working conditions. Language reflects socio-cultural opposition though some borrowed words can become part of the general system of the language.

Key words: language contact, borrowing, variety of language.

**О. В. Соловцова
(Горлівка)**

УДК 811.161

ЕВОЛЮЦІЯ ПОГЛЯДІВ НА КАТЕГОРІЮ ПРЕДИКАЦІЇ У НАУКОВІЙ ПАРАДИГМІ

Кваліфікація речення як багатомірної синтаксичної одиниці, структурні компоненти якої перебувають в ієрархічному взаємозв'язку та взаємодії, зумовлює сучасний етап розвитку синтаксичної теорії, який характеризується намаганням лінгвістів систематизувати закономірності репрезентації семантичної структури речення формально-граматичними засобами.

Предикат є організуючим центром речення, який своєю семантико-синтаксичною валентністю прогнозує кількісний та якісний склад субстанційних синтаксем, указує на їхні семантичні функції та відношення між ними. У синтаксичних дослідженнях останніх років проблеми, пов'язані зі з'ясуванням специфіки категорії предикації, співвідношенням предикації і предикативності, набувають особливої актуальності, що засвідчує низка наукових розвідок В. В. Вихованця, К. Г. Городенської, А. П. Загнітка, В. І. Кононенка, К. Ф. Шульжука, І. І. Слинька, Й. Ф. Андерша, М. В. Всеволодової, Н. Ф. Баландіної, Н. В. Гуйванюк, Н. Н. Арват та ін.

Представників різних підходів у дослідженні семантики речення об'єднує визнання ними значущості предиката. За визначенням О. О. Селіванової, предикат – це центральний компонент пропозиції, судження, який виражає зміст події як процесу, стану, відношення, ознаки, притаманних певному суб'єктові. Предикат є мисленнєвим аналогом певної якості відношення в ситуації й репрезентує інформацію про кількість і статус термів цієї ситуації на підставі власної валентності [8, с. 585].

Характерною особливістю речення (мінімальної комунікативної одиниці мови, яка формує і визначає її одиницею повідомлення) прийнято вважати предикативність – граматичне вираження предикації, яка встановлює зв'язок предмета та ознаки певного речення з конкретною ситуацією і відрізняє речення від просто номінативного поєднання слів [4, с. 283]. Предикативність дозволяє реченню поруч із номінативною функцією виконувати комунікативну функцію мови, тобто ставати одиницею повідомлення. Разом з тим предикативність є граматичним вираженням предикації. Предикація встановлює зв'язок предмета й ознаки (у широкому плані) дійсного речення з конкретною ситуацією і відрізняє речення від простого об'єднання слів. Предикація є типовою функцією присудка, що реалізується шляхом позначення дієсловом або прикметником процесуальної ознаки події, яка передається предикативною одиницею. Присудок зосереджує в собі предикативність (модальність і темпоральність) синтаксичної одиниці.

Аналіз категорії предикації як головного засобу формування відносно закінченої думки, репрезентації та повідомлення становить коло наукових зацікавлень представників різних наукових напрямків, що зумовлює необхідність узагальнення наявних у лінгвістиці теоретичних поглядів. Зазначене вище положення становить мету нашого дослідження, зважаючи на значущість кваліфікації предикації як семантико-синтаксичного ядра речення.

Витоки теорії предикації сягають часів зародження людського мовлення і утворення перших суджень. Розвиток мови і мислення зумовлюють ускладнення первісних відношень між судженням та його мовною реалізацією. Різноманітність форм, разом з постійною еволюцією і вдосконаленням умовивидів людини, збільшує можливості структурного вираження останніх на рівні речення в сучасній мові. Як відомо, висловлення, або речення, є одиницею мовленнєвого спілкування.

Таким чином, зв'язок речення з актом предикації було виокремлено ще за часів античності. Так, Арістотель розглядає предикацію як акт мислення, не розмежовуючи речення й судження і власне ототожнюючи їх компоненти. Необхідною складовою речення визнавалася наявність суб'єкта і предикатів, які класифікувалися за логічним принципом і були упорядковані в десятикомпонентній системі універсальних категорій: Сутність (Субстанція), Кількість, Якість, Відношення (Релятивність), Місце (Де?), Час (Коли?), Положення, Стан, Дія, Страждання. Ці категорії стали основою структурних схем речення і можуть кваліфікуватися як універсальні предикати, що уможлиблює їх функціонування як бази для опису пропозиційних функцій, або структурних схем речення, конкретних мов і мови взагалі. Як зазначає Ю. С. Степанов, “вже сам перелік цих категорій, по суті, пов'язаний з мовою і багатий на відношення предикації: ім'я є здебільшого підмет, решта – головним чином присудок або означення у складі деяких можливих висловлень” [10, с. 34].

Представники стоїцизму розглядали речення “як повне самодостатнє висловлення”. Ними було опрацьовано різні класифікації речень-суджень, на основі відмінностей між предикатами. Поділ суджень ґрунтувався на класифікації речень за характером їх дієслівного предиката як найсуттєвішого складника, що утворює речення [4, с. 104]. У середньовічній схоластичній логіці формується поняття предикації як акту пізнання. Саме в цей період було детально розроблено види предикації (деномінативна, пряма, сутнісна, формальна, природна та ін.), проте предикацію загалом кваліфікували як ствердження або заперечення ознаки (предиката) щодо субстанції (суб'єкта), за формулою “S є P” [13, с. 393–394].

За логіко-граматичного підходу до поняття предикації у кожному реченні шляхом логічних операцій виділяли суб'єкт (підмет), тобто те, про що йдеться, та предикат (присудок), тобто те, що саме повідомляють про предмет мовлення. Пізніше почали розрізняти об'єкти (додатки), атрибути (означення), обставини зі значенням часу, умови, мети, причини, способу дії та допусту [3, с. 60].

Лінгвістичні одиниці “предикативність”, “предикація” та “предикатність” О. О. Потебня розглядав як втілення мисленнєвої діяльності, виявляючи універсальні механізми, актуальні для будь-яких аспектів реального життя слова, говорячи про “зв'язування двох одиниць думки; пояснюваного (психологічний суб'єкт) і пояснювального (психологічний предикат)” [7, с. 81]. Предикативний зв'язок (за О. О. Потебнею, “граматична форма особового дієслова”) є головним в реченні. Релевантною ознакою речення, на думку О. О. Потебні, є його предикативність, тобто властивість присудка поєднуватися з підметом для творення речення; головним носієм предикативності з членів речення є присудок, з частин мови – дієслово.

За О. О. Шахматовим, у кожній комунікації є S і P, головний і залежний члени думки; суб'єкт комунікації – це уявлення про субстанцію; предикат виражає ознаку чи комплекс ознак.

Представники психологічного напрямку певною мірою уточнили граматичний аспект предикації тим, що почали розглядати її вираження у нерозривному зв'язку з особовою формою дієслова. Саме в особовій формі дієслова представники аналізованого напрямку вбачали прояв суб'єктивного вольового моменту, який вони висували на перший план при визначенні сутності речення.

У межах психолого-граматичного підходу до вивчення предикації Д. М. Овсяннико-Куликовський визначає предикат як найважливішу частину речення, що є носієм та виразником того руху думки, що називається предикативність (предикація, присудковість) і без якого речення немає. Носієм присудковості (предикативності) є дієслово [6, с. 6]. Таким чином, предикація визначається як розумовий процес приписування ознак субстанції шляхом введення присудка [3, с. 61].

Подекуди вчені розуміють предикацію як відношення між елементами двоскладного речення, насамперед між підметом і дієсловом-присудком, фактично ототожнюючи категорії предикативності і предикації (Є. К. Тимченко, О. Н. Синявський, С. С. Смеречинський, Л. А. Булаховський, А. П. Грищенко, В. Г. Адмоні, Г. О. Золотова, О. В. Бондарко та ін.), або як властивість речення загалом, незалежно від наявності у його складі дієслова (формально-граматичний підхід до поняття предикації). Близьким до розуміння предикативних відношень О. О. Шахматовим є визначення присудковості О. М. Пешковським, який стверджує, що без присудка речення взагалі не може існувати. Поняття присудковості, уведене О. М. Пешковським, не ототожнюється повною мірою з поняттям предикативності. Присудковість, за визначенням О. М. Пешковського, – це властивість (функція) присудка. Категорія присудковості утворюється як сукупність властивостей (функцій) різних форм

присудка. Однак О. М. Пешковський не відмовляється від поняття предикативності як відношення між підметом і присудком. Отже, учений не сформував окремого визначення предикативності, а лише зосередив увагу на одному з боків предикативного відношення, а саме особливій функції присудка-предиката [9, с. 26].

У 70-80-х роках ХХ ст. предикативність послідовно поєднують із морфологічним вираженням, а предикацію розглядають у структурно-семантичному аспекті. Сучасне тлумачення предикативності як багаторівневої синтаксичної категорії в українському мовознавстві пов'язане з концепцією про трьохаспектну структуру речення – формально-синтаксичну, семантико-синтаксичну і комунікативну (І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський, І. І. Слинько, Н. В. Гуйванюк, А. П. Загнітко, К. Ф. Шульжук та ін). Перевага дослідження, що враховує три виміри, полягає у визнанні доцільними всіх поглядів, оскільки вони відображають три аспекти одного мовного явища – речення-висловлення.

Комунікативна категорія предикативності є комплексною категорією, що складається з категорій часу, модальності й особи. І. Р. Вихованець пропонує перейменувати цю категорію терміном “надкатегорія реченнєвої актуалізації”, а також доповнити її категорією актуального членування [1, с. 27]. Предикація ж є семантико-синтаксичним ядром речення, вона стосується суб'єктно-предикатних відношень, абстрагованих від категорій модальності й часу. Таким чином, “предикативність – це граматичне виявлення предикації” [4, с. 283].

На сучасному етапі розвитку лінгвістичної думки утвердилося декілька підходів до поняття предикації. За логічного підходу, предикація розуміється як один з трьох аспектів, або функцій висловлення, разом з номінацією і модальністю. Розмежують логічну і граматичну предикації. Акт логічної предикації виявляється у ствердженні або запереченні чогось [12, с. 223], а граматична предикація має багато різновидів залежно від рівня мови.

Психологічний підхід до предикації визначає аналізовану категорію як психологічний процес утворення речення як результату відображення і зв'язку мови і мислення.

М. В. Всеволодова (комунікативний напрямок) називає предикацією репрезентант висловлення, причому в типових випадках граматична предикація співвідносна з категорією актуального членування речення [2, с. 85].

За формально-синтаксичного підходу (І. Р. Вихованець, Л. С. Бархударов, М. Я. Блох, О. М. Мороховський, В. Г. Адмоні та ін.), предикація ототожнюється з ядром речення, яке утворюється підметом і присудком, і розглядається як термінологічний аналог і синонім предикативності, інтерпретуючись при цьому як співвідношення структурних компонентів – підмета і присудка, які характеризуються відповідними синтаксичними властивостями.

Представники семантичного (денотативного) підходу (В. Г. Гак, І. П. Сусов, О. Н. Старікова та ін.) зосереджують увагу виключно на вивченні предикативності, оминаючи термін “предикація” як такий, що пов'язаний більше з формальною, ніж смисловою стороною. Предикативність розглядається як співвіднесення речення з конкретною мовленнєвою ситуацією, що знаходить формальне вираження в структурі речення і його інтонації.

Таким чином, аналіз основних шкіл і напрямків, які вивчають категорії предикації і предикативності, засвідчує, що ці поняття безпосередньо пов'язані з теорією речення або висловлення. Вивчення предикації в аспекті її значущості щодо формування речення як елементарної комунікативної одиниці має тривалу історію і характеризується наявністю подеколи протилежних думок на її природу. З проаналізованого у розвідці матеріалу є очевидним, що багато дослідників не розмежують понять “предикація”, “предикатність” і “предикативність”, зважаючи на їх взаємну детермінованість. Разом з тим науковці визнають, що основні ознаки речення можуть бути диференційовані лише за умови чіткого розмежування і уточнення понять “предикативність”, “присудковість”, “предикація” і “предикатність” [5, с. 36]. Отже, можна зробити висновок про недостатню дослідженість цього питання, а також необхідність чіткого розмежування аналізованих понять, зважаючи на їх значущість для осягнення лінгвістичного внутрішнього змісту речення, що знаходить відображення в зовнішніх формах його існування. Усі ці фактори окреслюють перспективи дослідження.

Література

1. Вихованець І. Р. Навколо проблем предикативності, предикації і предикатності / І. Р. Вихованець // Українська мова. – 2002. – №1. – С. 25–31.

2. Всеволодова М. В. Синтаксемы и строевые категории предложения в рамках функционально-коммуникативного синтаксиса (к вопросу о предикативности, предикации и членах предложения) // Майя Владимировна Всеволодова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2000. – № 1. – С. 75–95.
3. Гуйванюк Н. В. Типологія наукових підходів до вивчення категорії предикації / Н. В. Гуйванюк, О. В. Кульбабська // Мовознавство. – 2008. – № 4-5. – С. 55–63.
4. Загнітко А. П. Теоретична граматики сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис / Анатолій Панасович Загнітко. – Донецьк : ТОВ “БАО”, 2011. – 992 с.
5. Кульбабська О. В. Вторинна предикація у простому реченні / Олена Валентинівна Кульбабська. – Чернівці : Чернівець. нац. ун-т, 2011. – 672 с.
6. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский. – СПб., 1912. – 322 с.
7. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Глагол / Александр Афанасьевич Потебня. – М. : Просвещение, 1977. – Т. 4. – 406 с.
8. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля. – К., 2010. – 844 с.
9. Сибагатов Р. Г. Теория предикативности (на материале татарского языка) / Р. Г. Сибагатов. – Саратов, 1984. – 208 с.
10. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Наука, 1985. – 334 с.
11. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Юрий Сергеевич Степанов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 360 с.
12. Сучасна українська літературна мова: підручник / [О. Д. Пономарів, В. В. Різун, Л. Ю. Шевченко та ін.]; за ред. О. Д. Пономарева. – К. : Либідь, 1997. – 400 с.
13. Языкознание // Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – 685 с.
14. Thomas J. Meaning in Interaction. An Introduction to Pragmatics / J. Thomas. – Longman, 1995. – 430 p.

Анотація

Е. В. Соловцова. *Еволюція взглядов на категорию предикации в научной парадигме*

В статье рассмотрен лингвистический статус категории предикации в научной парадигме. Проанализированы современные подходы к определению предикации. Представлено соотношение понятий предикат, предикация, предикативность.

Ключевые слова: предложение, предикат, предикация, предикативность, актуальное членение предложения.

Анотація

О. В. Соловцова. *Еволюція поглядів на категорію предикації в науковій парадигмі*

У статті розглянуто лінгвістичний статус категорії предикації в науковій парадигмі. Проаналізовано наявні в сучасній лінгвістиці підходи до визначення предикації. Окреслено співвідношення понять предикат, предикація, предикативність.

Ключові слова: речення, предикат, предикація, предикативність, актуальне членування речення.

Abstract

Y. V. Solovtsova. *The Evolution of Approaches to the Category of Predication in the Scientific Paradigm*

The article deals with the analysis of the linguistic status of the category of predication in the scientific paradigm. Predication has been defined as a speech act that determines the relationship between a subject (with its modifiers) and a verb (with its complements and modifiers) of the sentence with a particular situation. Thus predication differentiates a sentence from an ordinary combination of lexical units. The correlation between the notions “predicate”, “predication”, “predicativity” has been specified in the research. Different approaches to the understanding of predication have been considered: the Scholasticism of the Middle Ages, logical, grammatical, and psychological approaches. The connection between predication and the most important sentence features (integrity, syntactic independence, grammatical completeness, semantic completeness, communicative completeness,

communicative functioning, modality, intonation completeness) has been described in the article. These characteristics are combined with the ability of predication to express a thought, to be the main means of its formation, representation and communication.

Key words: sentence, predicate, predication, predicativity, actual division of the sentence.

В. И. Теркулов
(Донецк)

УДК 81'271.16

ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Процесс коммуникации в моем представлении – это процесс создания через языковой гештальт в момент передачи информации **события лингвального мира**. Я различаю два типа лингвальных событий:

(1) Номинационное событие (НС) – событие, которое предполагает осознание релевантности онтологической и лингвальной реальностей. Например, когда я говорю о вчерашнем снегопаде “*вчера выпал снег*”, и это действительно имело место, я формирую в слове номинационное событие лингвального мира.

(2) Перформативное событие (ПС) – то событие, которое является осознанным приписыванием онтологическому миру порождений лингвальной реальности. Например, когда я говорю, что “*вчера ко мне приходили инопланетяне*”, я нечто желаемое делаю фактом лингвального бытия, который приписывается мною онтологической реальности. Это событие произошло только в слове, но представлено оно в слове как нечто свершившееся в моем физическом бытии.

В акте коммуникации участвуют адресант и адресат. В зависимости от того, как каждый из них интерпретирует ословленное событие, различаются следующие ситуации.

(1) Адресант (НС) – адресат (НС): ситуация, когда событие лингвального мира осознается как событие онтологического мира. Для участников акта коммуникации здесь всегда и всюду семантика текста реализуется как пресуппозиция. Возможны два случая.

Первый случай (модель 1а): ословленное событие действительно имело место в реальности. В этом случае перед нами онтологически оправданная ситуация лингвального мира, онтологическая пресуппозиция, которая отмечается, например, в случае, когда адресант сообщает: *Решение о переносе столицы из Алма-Аты в Астану было принято Верховным Советом РК 6 июля*. Здесь реализуется объективная пресуппозиция, что позволяет адресату принимать это утверждение как правду. Онтологическая и лингвальная реальности сбалансированы – событие лингвального мира адекватно событию онтологического мира, что создает иллюзию простого отражения в языке реальности. На самом деле, приведенное событие вырвано из череды физических действий и переведено в знаковую, словесную форму. Уже это позволяет утверждать, что онтологическое событие продолжило жизнь в слове: если физическое событие произошло в определенное время в определенном месте, то лингвальное событие может повторяться каждый раз, когда повторяется данная фраза.

Второй случай (модель 1б): ословленное событие не имело места в реальности. Здесь перед нами ситуация коллективного лингвального заблуждения и лингвальной пресуппозиции, отмечаемой, например, в случае слепой веры участников разговора в конец света, что часто бывало в конце 2012 года. Следует отметить, что под этот случай подпадает не любой слух, а только тот, который является ложным для соотношения “онтологический мир – лингвальный мир”. Но для участников лингвального события он становится единственной реальностью. Данная ситуация является развитием модели 2 (см. ниже)

(2) Адресант (ПС) – адресат (НС): ситуация манипулятивного воздействия адресанта на адресата. В этом случае событие, существующее только в слове, убедительно представляется знающим о его лингвальности адресантом как реальное. Адресат при этом именно так и воспринимает данное событие. Тут вполне очевиден перлокутивный эффект. Но для нашего исследования он не важен. Важно другое: участники коммуникативного события в этом случае живут как бы в третьей реальности, находящейся на стыке лингвального и онтологического миров. И этот переходный мир для адресанта более лингвален, а для адресата – онтологичен. Таково, например, политическое воздействие политиков, утверждающих, что вся их жизнь –

это неусыпная забота о благе страны, о гражданах этой страны. Есть много других примеров манипулятивного воздействия. Например, в первые недели Великой Отечественной войны почтовые отделения по всей стране без разговоров, подчиняясь приказу – слову, принимали посылки в города, уже оккупированные немцами, чтобы опровергать “вредные слухи”; после Чернобыльской катастрофы украинские партийные власти из кожи вон лезли, чтобы разоблачить слухи об опасной радиации и т.д. Все эти ситуации воплощались в первую очередь в коммуникативных перлокутивных актах. Но для нас важнее то, что определенная категория адресатов во всех указанных случаях принимает перформативную реальность и начинает жить по ее законам. То, что граждане искренне верят политикам, подтверждается результатами их голосования во время выборов; принятие посылок обеспечивало спокойствие граждан и отсутствие паники в первые дни войны; антислухи о Чернобыле способствовали проведению целого ряда опасных для здоровья мероприятий в зараженной зоне – велогонки, парада и т.д.

(3) Адресант (НС) – адресат (ПС). Это случай когда адресант повествует о событии, которое он считает реально произошедшим, человеку, знающему о том, что этого события не происходило в онтологическом мире. Я условно подразделяю такие ситуации на два типа: псевдофакты и псевдотеории.

Псевдофакт (Модель 3а) – это событие лингвального мира, которое возникло в результате действия предыдущего механизма. Существует некий адресант 1 уровня, создающий ПС. Адресат, введенный адресантом 1 в ПС и осознающий ее как НС, становится слепым каналом развития события лингвального мира, адресантом второго уровня, запускающим событие как НС. Например, лингвальное событие конца света распространялось и теми, кто знал, что никаких причин в реальности не существует для данного явления. Они выступали Адресантами 1. Те, кто принял это лингвальное событие как онтологическую реальность (Адресаты 1), стали вести себя в ней так, как если бы можно было предположить ее существование в физическом мире: они стали покупать спички, свечи, консервы и т.д. В то же время, Адресаты 1 стали Адресантами 2, расширяя сферу действия лингвального события в среде адресатов 2 по модели 1б. Однако среди адресатов 2 были и люди, которые точно знали, что конец света невозможен. Они-то и были адресатами (ПС)

Псевдотеория (Модель 3б) – это интерпретация мира, претендующая на научность. Адресантом (НС) будет создатель этой теории. Адресатом (ПС) – человек, знающий, что теория неправильна. Например, рассказ приходившего ко мне недавно человека о том, что все языки мира происходят из русского языка, для этого человека – НС, а для меня – ПС. В этом случае носитель НС является адресантом первого порядка.

(4) Адресант (ПС) – адресат (ПС). Это ситуация, когда оба участника коммуникации воспринимают лингвальное событие как перформативное. Здесь возможны две ситуации.

Первая (модель 4а – **неудачное манипулирование**) – развитие модели 2. Отличие состоит в том, что адресат знает, что создаваемая адресантом ситуация – явление только лингвального мира. Иначе говоря, адресат не поддается манипулятивному воздействию. Например, вот как описывает подобную ситуацию участница одного из форумов. *Мой парень врет, и я это знаю. Что делать? не знаю. Уже 2 года вместе. Раньше я думала, что со временем это пройдет. Я с ним даже поднимала (и не раз) на эту тему разговор, что мол лучше суровая правда, чем сладкая ложь. И вот вчера опять обман. Пусть по мелочам, а обидно! я же просила ....на что он ответил, что сказал то, что я хотела в тот момент слышать...откуда он знает, что я хотела слышать?! не понимаю.. расстаться? Может быть, у кого-нибудь была похожая ситуация? Как вам кажется, перестанет он мне врать когда-нибудь? Спасибо (сохранена орфография и пунктуация оригинала) [<http://www.woman.ru/relations/men/thread/4027710/>].*

Другая ситуация – осознание события обоими участниками как лингвального (модель 4б – **языковая игра**), когда оба участника акта коммуникации интерпретируют некоторые факты как перформативное событие лингвального мира. Есть несколько причин возникновения такой ситуации.

Во-первых, перед нами может быть ситуация декламации поэтического, в широком смысле этого слова, произведения.

Во-вторых, участники акта коммуникации могут развлекать себя языковой игрой, то есть игрой с формой речи, стремящейся использовать возможности этой формы для достижения определенного комического эффекта. Например, из сайта “башорг”:

xxx: Тут же всего один альбом! Почему он так много весит?

ууу: Потому что это металл. Тяжёлый металл.

xxx: на что только не идут девушки ради парней!

xxx: я вот, например, на сумерки не иду...

В-третьих, они могут обсуждать аргументацию будущего спора и т.д.

Схематично модели формирования ситуаций лингвального мира можно представить так.

Схема 1. Модель 1а (онтологическая пресуппозиция).

Онтологическая реальность → Адресант (НС) → лингвальная реальность → Адресат (НС).

В онтологической реальности происходит некое событие, которое описывается адресантом, что приводит к возникновению этого события в лингвальной реальности. В это событие лингвальной реальности погружается адресат. Оба участника лингвального события воспринимают его как онтологическое событие.

Схема 2. Модель 2 (манипулятивный перлокутивный акт).

Онтологическая реальность ≠ лингвальная реальность → Адресант (ПС) → лингвальная реальность → Адресат (НС).

В онтологической реальности не происходит события, которое необходимо адресанту. Последний озвучивает желаемое событие как реальное, что приводит к возникновению этого события в лингвальной реальности. В это событие лингвальной реальности погружается адресат, который воспринимает его как событие онтологическое.

Схема 3. Модель 1б (лингвальная пресуппозиция).

Онтологическая реальность ≠ лингвальная реальность → Адресант 1 (ПС) → лингвальная реальность → Адресат 1/ Адресант 2 (НС) → лингвальная реальность → Адресат 2 (НС).

Продолжение события, реализующего модель 2. Сотворенное адресантом 1 событие лингвальной реальности воспринято адресатом 1 как событие онтологической реальности. Адресат 1 в этом случае становится адресантом 2, вовлекающим в сферу лингвального события адресатов 2, так же, как и последний относящих лингвальное событие к разряду онтологических.

Схема 4. Модель 3 (разоблачение псевдофакта).

Онтологическая реальность ≠ лингвальная реальность → Адресант 1 (ПС) → лингвальная реальность → Адресат 1/ Адресант 2 (НС) → лингвальная реальность ≠ онтологическая реальность → Адресат 2 (ПС).

Разновидность предыдущей схеме, в которой адресат 2 возражает против онтологического статуса лингвального события.

Схема 5. Модель 3 (разоблачение псевдотеории).

Онтологическая реальность ≠ лингвальная реальность → Адресант (НС) → лингвальная реальность ≠ онтологическая реальность → Адресат (ПС).

Разновидность предыдущей схемы, в которой отмечается непосредственная связь между создателем лингвального события, слепо верящим в его онтологическую природу, и тем, кто отрицает онтологическую природу последнего.

Схема 6. Модель 4а – неудачное манипулирование.

Онтологическая реальность ≠ лингвальная реальность → Адресант (ПС) → лингвальная реальность → Адресат (ПС).

Разновидность предыдущей схемы, в которой отмечается непосредственная связь между создателем манипуляционного лингвального события и тем, кто отрицает онтологическую природу последнего.

Схема 7. Модель 4б – языковая игра.

Лингвальная реальность → Адресант (ПС) → лингвальная реальность → Адресат (ПС).

Итак, событие лингвального мира представляет собой явление, мотивированное физическим событием коммуникации – общения между адресатом и адресантом. В сущности, это событие является абсолютизированной языковой интерпретацией онтологической реальности. Коммуниканты, создавая событие, могут по-разному соотносить его с действительностью, объективируя свое знание или представление об объективности. Конечно же, приведенная выше классификация типов таких представлений является предварительной и требует уточнений. Необходимо установить все возможные разновидности каждого из указанных типов коммуникативных ситуаций, что и станет предметом наших дальнейших изысканий.

Аннотація**В. И. Теркулов. Типология лингвальных событий**

В данной статье предлагается типология ситуаций, формируемых словом в лингвальном мире. В основе классификации различие интерпретации факта как номинативного и/или перформационного события адресантом и адресатом коммуникативного акта. Обнаружено 7 схем лингвальных событий.

Ключевые слова: адресат, адресант, номинация, перформация, лингвальная реальность.

Анотація**В. І. Теркулов. Типологія лінгвальних подій**

У статті запропоновано типологію ситуацій, сформованих словом у лінгвальному світі. В основі класифікації розходження інтерпретації факту як номінаційної та/або перформаційної події адресантом і адресатом комунікативного акту. Виявлено 7 схем лінгвальних подій.

Ключові слова: адресат, адресант, номінація, перформація, лінгвальна реальність.

Abstract**V. I. Terkulov. Lingual Events Typology**

The article focuses on the typology of lingual events in the communicative process. The suggested classification is based on the different approaches to the nominative / performative communicative act. The points of view of the addresser and the addressee have been considered. 7 lingual events patterns have been singled out and described in the paper: ontological presupposition, manipulative perlocutionary act, lingual presupposition, imaginary fact disclosure, imaginary theory disclosure, manipulation failure, word play. A lingual world event is a phenomenon, motivated by the physical communicative event, a communicative act between the addresser and the addressee. This event is a linguistic interpretation of the ontological reality. The communicants may interpret it in different ways, depending on their knowledge or understanding of real facts. The suggested classification needs further elaboration. Possible subtypes of the communicative events types should be indicated and analyzed.

Key words: lingual event, typology, communicative act, communicative process, addresser, addressee, ontological reality.

Н. С. Ушева
(Горлівка)

УДК 81'344.32+81'366

ДО ПИТАННЯ ПРО ЛОГІЧНІ ПІДСТАВИ КЛАСИФІКАЦІЇ ОПОЗИЦІЙ

На думку А. Ф. Лосєва, науковці завжди намагаються обґрунтувати логічну природу застосовуваних методів. І хоча на початку розвитку структурної лінгвістики багато дослідників, що працювали в цій галузі, не завжди прагнули до логічної послідовності своїх методів (логічні протиріччя – ознака розвитку молоді науки), все ж науковець стверджує, що “структурна лінгвістика ... з самого початку претендувала на логічну ясність своїх методів” [2, с. 62].

Як відомо, на початку ХХ ст. М. С. Трубецької надав вичерпну розробку категорії фонологічної опозиції та заклав основи загального лінгвістичного вчення про опозиції. Свою класифікацію змісторозрізнявальних опозицій, яку він назвав “логічною”, М. С. Трубецької створив за трьома критеріями: 1) за їх відношенням до системи опозицій у цілому; 2) за відношенням між членами опозицій; 3) за обсягом їх змісторозрізнявальної сили [8].

Метою пропонованої статті є розгляд наявних спроб обґрунтування класифікації опозицій, запропонованої М. С. Трубецьким у фонології, та з'ясування логічних підстав, встановлених мовознавцями, які намагалися застосувати його класифікацію до вивчення одиниць морфологічного рівня.

За оцінкою Ю. С. Степанова, у роботі М. С. Трубецького не було з'ясовано відношення між трьома розділами класифікації. Так, наприклад, сам Трубецької вважав, що лише логічні відношення між двома членами опозиції безвідносно до системи фонем у цілому становлять основу другої частини класифікації. Але висновок О. О. Реформатського щодо можливості

привативних, градуальних та еквіполентних опозицій бути лише одномірними [5, с. 337], говорить про існування зв'язку між двома частинами класифікації (за відношенням між членами опозицій та за їх відношенням до системи опозицій у цілому). Більш того, про зв'язок класифікації за обсягом їх змісторозрізняювальної сили та за їх відношенням до системи опозицій у цілому свідчить теза М. С. Трубецького про здатність нейтралізуватися, що притаманно лише одномірним опозиціям.

Найбільшого розвитку зазнала класифікація за відношенням між членами опозицій, що Ю. С. Степанов пояснює можливістю встановити її природні аналогії з класифікацією понять у логіці і тим самим перейти від аналізу однопланових фонем до аналізу двопланових морфем [6, с. 214].

Р. О. Якобсон був першим, хто спробував з'ясувати логічні підстави систематизації матеріалу в концепції М. С. Трубецького. Проте він, напевно, надав обґрунтування лише одній частині класифікації (за відношенням між членами опозицій). Він писав, що в логіці розрізняють два типи опозицій, маючи на увазі контрарні, члени яких належать до одного й того ж роду та відрізняються ступенем наявності в них однієї й тієї ж ознаки, та контрадикторні, де члени характеризуються наявністю/відсутністю ознаки. Ці два типи опозицій Р. О. Якобсона ніщо інше як градуальні та привативні опозиції М. С. Трубецького, про що вперше наголосив Ю. С. Степанов [6, с. 214]. Р. О. Якобсон зосередив увагу на дихотомічному принципі, який дозволив йому звести спочатку систему голосних до обмеженої кількості бінарних опозицій, далі разом з Г. Фантом і М. Гале застосував його до фонемного складу будь-якої мови в цілому (запропонувавши універсальну систему із 12 бінарних акустичних ознак), потім використав для створення опозитивної граматики (класифікація відмінків російської мови).

Однак логічні відношення між простими судженнями розкриваються в логічному квадраті, де репрезентовано не два елементи, а чотири, відтак і відношення між ними не обмежуються двома видами, які обрав Р. О. Якобсон, а додаються ще субконтрарність (часткова сумісність) та підпорядкування. Ця вчасно непомічена розбіжність потрактування логічних відношень у свою чергу зумовила виникнення значних внутрішніх протиріч під час опису граматичного ладу мови.

На думку Ю. С. Степанова, обґрунтування Р. О. Якобсона стосувалось насправді класифікації опозицій М. С. Трубецького по їх відношенню до системи опозицій у цілому, бо саме ця класифікація базується на категорії кількості елементів, хоча й специфічної кількості – чотиричленної [6, с. 214].

І. І. Ревзін, розглядаючи методи, що використовуються у структурній лінгвістиці, робить висновок, що більшість з них ґрунтуються на логічному принципі виключення третього, тож в ідеалі вони намагаються звести будь-які протиставлення мовних об'єктів до бінарних опозицій, тобто ознака або є наявною в об'єкті, або ні. Звідси прагнення до дихотомічної класифікації на будь-яких рівнях лінгвістичного опису, починаючи з фонологічного [4, с. 63].

Застосування принципу бінарності, дихотомічної класифікації до мовного матеріалу викликало гостру полеміку між мовознавцями.

Занадто механістичне застосування принципу бінарності не раз зазнавало критики з боку науковців, оскільки не надавало змоги вичерпного опису досліджуваних явищ. Окрім того, А. Ф. Лосєв зазначив, що «впровадження принципу дихотомії – безпорадна спроба мислити фонологію діалектично, знайти фундаментально-логічний метод для своєї науки», бо, на його думку, діалектичний принцип єдності протилежностей ще чекає на своє застосування у лінгвістиці [2, с. 73].

Проте лінгвісти (Б. В. Сухотін, І. І. Ревзін, І. П. Сусов та ін.) визнали переваги цього принципу, насамперед простоту у використанні та можливість встановити за його допомогою стабільні й істотні, хоча й занадто загальні та змістовно бідні, ознаки явища. І. І. Ревзін стверджує, що при описі первинних елементів своєї науки лінгвісти мають справу з чіткими бінарними протиставленнями. Отже, принцип бінарності визнається фундаментальним при аналізі первинних компонентів, при цьому він є неадекватним при аналізі багатьох мовних об'єктів, що мають комплексний характер [4, с. 63]. За оцінкою І. П. Сусова, принцип бінарних відносин, що означає опозиційну роздвоєність, двочленність та перебуває в основі структурного підходу, є найважливішим дослідницьким принципом, виробленим науковцями Празької школи [7].

Питання про логічні підстави класифікації М. С. Трубецького також розглядалося Ж. П. Кантіно. На його думку, логічний квадрат з його відношеннями контрарності,

контрадикторності, субконтрадикторності та підпорядкування лише збіднює відношення, які М. С. Трубецької встановив між членами фонологічної системи. Більше того, Ж. П. Кантіно визнає, що логічний квадрат може становити обґрунтування лише для однієї класифікації в системі М. С. Трубецького, а саме за характером відношень між членами опозицій, що, на думку Ю. С. Степанова, не є справедливим [6, с. 63].

Ж. П. Кантіно систематично дослідив можливість застосування класифікації М. С. Трубецького до сигніфікативних опозицій [1] та довів, що типи цієї класифікації відповідають традиційним відношенням у так званому логічному квадраті.

Щодо відношень між двома членами парної опозиції, Ж. П. Кантіно встановлює такі співвідношення: 1) відношення перетину, які охоплюють значну частину опозицій М. С. Трубецького; 2) відношення включення, до яких належать всі привативні опозиції Трубецького, однак, на думку Ж. П. Кантіно, градуальні опозиції також можна віднести до цього типу відношень; 3) відношення тотожності (різні інваріанти як реалізація однієї фонемі); 4) відношення положення поза межами (перебування зовні) охоплюють, як вважає Ж. П. Кантіно, лише деяку кількість еквіполентних опозицій, а саме ті, члени яких не мають жодної спільної ознаки. Таким чином, вони не створюють єдності, що суперечить думці М. С. Трубецького.

С. Маркус наголошував, що в теорії лінгвістичних опозицій, розробленої М. С. Трубецьким на фонологічному рівні та застосованої Ж. П. Кантіно для вивчення граматики або лексики, опозиція – це відношення між великою кількістю лінгвістичних елементів, а не між окремими елементами. У свою чергу великі кількості елементів можуть бути невпорядкованими (напр., фонемами) та впорядкованими (словами, напр.: *кот – ток*). Тож С. Маркус окремо послідовно розглядає логічний аспект опозицій між невпорядкованими та впорядкованими великими кількостями мовних елементів та формулює тезу, що для кожного логічного аспекту характерні свої особливості, які мають бути враховані при дослідженні мови.

Завдяки тому, що відношення між парадигматичними опозиціями можна розглядати також як опозиції, видається можливим встановити підстави для різних частин класифікації М. С. Трубецького. Цими підставами у С. Маркуса є інваріантність щодо пропорційності та інваріантність щодо гомогенності. Перша надає обґрунтування класифікації за відношенням між членами опозицій. Проте С. Маркус уточнює, що еквіполентні опозиції мають бути поділені на еквіполентні, де основа для порівняння членів опозицій непушта, та так звані диз'юнктивні, де основа для порівняння пушта. Диз'юнктивні опозиції розглянуто Ж. П. Кантіно, який назвав їх відношенням поза межами, у М. С. Трубецького їх явно не репрезентовано, хоча, на думку С. Маркуса, учений залучав їх до типу еквіполентних опозицій.

Відношення гомогенності, яке припускає набагато меншу кількість інваріантів, ніж відношення пропорційності, є підставою для розрізнення багатомірних та одномірних опозицій, тобто обґрунтовує класифікацію опозицій за їх відношенням до системи опозицій в цілому. При цьому С. Маркус вважає термін *багатомірна опозиція* невдалим, бо він не розкриває чітко, що мова йде не про тип опозиції, а про тип відношень між опозиціями, відтак учений наполягає на доцільності одночасного поєднання обома термінами: *опозиція* та *відношення*.

С. Маркус стверджує, що Ж. П. Кантіно покращив класифікацію М. С. Трубецького, хоча і використав лише відношення включення та елементарні операції теорії великої кількості. Сам С. Маркус додає відношення еквівалентності, яке він визначає як певне відношення між елементами великої кількості, що має одночасно три властивості: рефлексивність, симетричність та транзитивність [3, с. 61]. У своїй концепції він доводить, що три найбільш важливі лінгвістичні поняття – ряди пропорційних опозицій, ланцюжки гомогенних опозицій та класи дистрибуцій – усі тяжіють до однієї логічної процедури, а саме розкладання безлічі елементів на класи еквівалентності [3, с. 64]. Відношення еквівалентності також наявні у визначенні деяких основних понять лінгвістики, як-от: фонема (С. К. Шаумян), морфема (І. І. Ревзін), відмінок (В. А. Успенський), частини мови (С. Я. Фітіалов) тощо.

Проведений огляд робіт лінгвістів, що намагались виявити логічні підстави класифікації опозицій, свідчить, що типи опозицій, виділені М. С. Трубецьким, відповідають фундаментальним відношенням у символічній логіці. Напевно, цей факт та визнання ідеї лінгвістичного ізоморфізму сприяв подальшому застосуванню класифікації опозицій на всіх мовних рівнях, насамперед морфологічному. І хоча не є повністю з'ясованим зв'язок між трьома частинами класифікації, висновки дослідників свідчать про його існування. Провідні ідеї теорії опозицій було широко

використано в математичній лінгвістиці, під час моделювання мовних систем та розробки теорії і практики машинного перекладу, детальний аналіз чого плануємо здійснити в майбутньому.

Література

1. Кантино Ж. П. Сигнификативные оппозиции / Ж. П. Кантино // Принципы типологического анализа языков различного строя: [сб. научн. работ / отв. ред. Б. А. Успенский]. – М., 1972. – С. 61–94.
2. Лосев А. Ф. Логическая карта методов структуральной типологии / А. Ф. Лосев // Вопр. языкознания. – 1967. – № 1. – С. 62–78.
3. Маркус С. Логический аспект лингвистических оппозиций / С. Маркус // Проблемы структурной лингвистики 1963 / отв. ред. С. К. Шаумян. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 47–74.
4. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы / И. И. Ревзин. – М. : Наука, 1977. – 264 с.
5. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его “Основы фонологии” // Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. – М. : Изд. иностр. лит., 1960. – С. 326–361.
6. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975. – 312 с.
7. Сусов И. П. История языкознания. Учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов / И. П. Сусов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – 304 с.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М. : Изд. иностр. лит., 1960. – 372 с.

Аннотация

Н. С. Ушева. К вопросу о логических основаниях классификации оппозиций

В статье дается обзор существующих работ, посвященных вопросу логических оснований классификации оппозиций Н. С. Трубецкого, которая первоначально была создана для структурного описания фонематической системы, а впоследствии применена на других языковых уровнях, прежде всего, морфологическом. Языковеды доказывают, что типы классификации оппозиций соответствуют фундаментальным отношениям в символической логике.

Ключевые слова: оппозиция, логические основания, контрарность, контрадикторность, субконтрадикторность, подчинение, эквивалентность.

Анотация

Н. С. Ушева. До питання про логічні підстави класифікації опозицій

У статті зроблено огляд наукових робіт, присвячених питанню логічних підстав класифікації опозицій Н. С. Трубецького, яку спочатку було створено для структурного опису фонематичної системи, а згодом застосовано на інших мовних рівнях, насамперед морфологічному. Мовознавці доводять, що типи класифікації опозицій відповідають фундаментальним відношенням у символічній логіці.

Ключові слова: опозиція, логічні підстави, контрарність, контрадикторність, субконтрадикторність, підпорядкування, еквівалентність.

Abstract

N. S. Usheva. The Problem of the Oppositions Classification Logical Basics

The article provides an overview of existing studies dealing with the theory of logical foundations of classification of oppositions developed by N. Trubetskoy, which was originally worked out for the structural description of the phonemic system, and later on was applied to other linguistic levels, primarily morphological. N. Trubetskoy didn't show the connection between the elements of his classification system but it is sure to exist. The first attempt to explain the logical grounds of the classification developed by R. Jakobson seemed to be oriented just on the section in which oppositions are classified according to the relation between their two members, though in the traditional logical square of oppositions four elements and their relations are represented. The usage of this classification has caused some contradictions in grammar description. Cantineau managed to make grounds for Trubetskoy's types of oppositions using four logical relations; however, from his point of view the

relations singled out in the phonological system by N. Trubetskoj were even wider than those of the square of oppositions. Having analyzed the types of oppositions determined in phonology, the linguists, whose works on the problem have been considered, come to the conclusion that the classification of types of oppositions correspond to the fundamental relations in symbolic logic. This must have resulted in a wide application of the classification on all linguistic levels.

Keywords: *opposition, logical foundations, contrariety, subcontrariety, contradiction, subalternation, equivalence.*

Ю. К. Янко
(Горловка)

УДК 81'42

ПОНЯТИЕ “ОЦЕНКА” В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Оценка как универсальная категория человеческого мировосприятия издавна привлекала внимание ученых: как известно, изучением ее природы занимались такие великие мыслители прошлого, как Сократ, Платон, Аристотель. В связи с тем, что оценка трактовалась прежде всего как категория логико-философская, в течение длительного времени ее изучение ограничивалось рамками логики, философии, аксиологии, теологии, этики. И лишь во второй половине XX века оценка оказалась в центре внимания лингвистов, которые принялись изучать ее как феномен, без которого не обходится ни один язык мира. Всестороннему рассмотрению были подвергнуты средства выражения оценки, нюансы оценочной семантики, типы и критерии оценки, специфика оценочных ситуаций и другие аспекты. Исследования эти проводились на материале разных языков, поскольку при всей универсальности элементов модальной рамки оценки (субъект, объект, стереотипы, аксиологические предикаты, интенсификаторы и др.) способы выражения этих элементов в каждом языке заметно отличаются, на что указывает, в частности, Е. М. Вольф.

Целью данной статьи является рассмотрение оценки не только как объекта лингвистического исследования художественной литературы, но и текстов других стилей и жанров. Оценка в тексте выражается комбинировано – дотекстовыми и текстовыми средствами. Из этого следует, что тексты, разные по стилю и содержанию, различаются и по способам выражения в них оценки.

В процессе познания человеком окружающей действительности огромная роль принадлежит оценке. Проявляя активный познавательный интерес к окружающему миру, индивид постоянно оценивает предметы, ситуации, события, поступки других людей, а также свои возможности и результаты своих действий.

Обращает на себя внимание то, что оценка как объект лингвистического исследования рассматривалась до недавнего времени преимущественно на материале текстов художественной литературы. Однако нельзя не заметить, что, будучи категорией универсальной, оценка присутствует в текстах различного содержания, разных жанров и стилей. Поэтому неудивительно, что в последнее время лингвисты, изучающие категорию оценки, заметно расширили область ее исследования за счет текстов профессиональной направленности.

Именно поэтому оценка на протяжении длительного времени является предметом исследования и анализа логиков, философов, психологов и специалистов других областей знаний. Сущностные характеристики оценки, выявленные в человековедческих науках, образуют аксиологический субстрат, который в процессе языковой концептуализации приобретает различные языковые формы – слово, словосочетание, высказывание, текст/дискурс.

В 20 веке категория оценки становится объектом исследования в лингвистике. Основными вопросами изучения оценки в лингвистике выступают понятие оценки, общие и частные классификации типов оценки, способы и языковые средства выражения оценки, ее роль в языке и др. Оценка рассматривается с точки зрения ее функционирования в структуре высказывания и текста, влияния экстралингвистических факторов на выбор типа оценки и языковых средств ее выражения в зависимости от личности коммуникантов и ситуации общения, соотношения категорий эмоциональности и оценочности, эмотивности и экспрессивности и их статуса в значении слова и др.

Очевидно, некоторые элементы оценочной структуры в логике и лингвистике совпадают, однако в отличие от структуры оценки в логике языковая оценка в лингвистике помимо обязательных компонентов предполагает наличие факультативных: шкала, стереотип, аспект оценки. Факультативность данных компонентов объясняется их имплицитным характером, т. е., присутствуя в сознании человека, они не получают непосредственного языкового выражения. В рамках традиционного подхода особенно важным представляется лингвистический анализ оценочных значений, в котором существенную роль играет разделение компонентов структуры оценки на эксплицитные и имплицитные.

Несмотря на обширный круг исследований в данной области, в лингвистике отсутствует общепринятое понимание термина “категории оценки”. При этом существует мнение, что оценка может быть предметом собственно лингвистических исследований. Такого мнения придерживается С. Г. Воркачев, который полагает, что оценка “не имеет анализируемых специфических средств выражения” [8]. Другие исследователи (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Е. Л. Зайцева и др.) не согласны с данной точкой зрения и считают, что определенные слова (“хорошее”, “желаемое”, “приятное”) составляют особую лексико-семантическую группу, которая образует положительный оценочный сегмент в языке. Напротив, слова “плохое”, “вредное”, “злое” и т. д. можно объединить в противоположную лексико-семантическую группу, составляющую отрицательный оценочный сегмент [1, с. 66; 7, с. 9; 9]. Таким образом, категория оценки является одним из основных способов отражения ценностей языковой семантики.

В лингвистических исследованиях, посвященных проблеме роли субъекта в оценочных высказываниях, отмечается, что субъект оценки отличается от субъекта говорения. Первым может быть как автор текста, так и любое действующее лицо. Субъект, порождающий оценочное суждение, определяется как субъект говорения. Другими словами, субъект оценки и субъект говорения могут совпадать и не совпадать. Согласно Е. М. Вольф, оценка может быть высказана от одного определенного лица или от “общего мнения”, т. е. группы лиц, образующих некий социум, а также может быть представлена как не имеющая субъекта и истинная в “реальном мире” [7, с. 8].

Следовательно, субъект оценки может выражать как личное мнение, так и давать оценку от лица социума. В последнем случае для выражения оценки субъект привлекает различные языковые средства, использование которых указывает на отстраненность субъекта речи от оценки [7, с. 12].

Обязательным компонентом в структуре оценки, помимо субъекта, является объект оценки. При этом оценка указывает на установление ценностных отношений между субъектом и объектом. В традиционной лингвистике рассмотрение свойств объекта лежит в основе различных классификаций оценки. Одна из наиболее полных классификаций была предложена финским логиком Х. фон Вригтом. В ее основе лежат такие принципы, как функциональность и компаративность. Фон Вригт производит классификацию оценок по типу оцениваемого объекта и семантики сочетаний с общеоценочными прилагательными *good* и *bad*. При этом он выделяет следующие разновидности оценок: инструментальные (хорошая пила), технические (плохой специалист), благоприятствования (плохой (вредный) для здоровья), утилитарные (хороший вопрос, плохой план), медицинские (хороший/плохой вкус, обед). Более того, Фон-Вригт распределяет аксиологические концепты между тремя основными категориями: 1) собственно оценка (*value-concepts*): хорошее и плохое, добро и зло; 2) нормативные концепты (обязанность, разрешенность, право); 3) концепты, относящиеся к человеческим действиям, поступкам: практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость, потребность [7, с. 27].

Среди основных подходов к пониманию оценки в лингвистике можно выделить следующие:

- функционально-семантический подход, в котором оценка понимается как “такое мнение о предмете, которое выражает характеристику его с точки зрения категории ценности” [1, с. 61]. Сторонниками этого подхода являются многие известные лингвисты, например, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Г. А. Золотова, Е. Ю. Мягкова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.;
- оценка выступает как суждение о ценности, где она рассматривается как высказывание/суждение субъекта о ценности того или иного объекта. При этом в роли ценностей могут выступать желания, нужды, стремления, интересы человека [8]. Данный подход можно

определить как междисциплинарный, так как в нем актуализируются философские, логические и лингвистические характеристики оценки. Некоторыми сторонниками этой точки зрения выступают С. Г. Воркачев, Т. В. Писанова, Z. Vendler и др.;

- оценка как компонент концепта, целью которого является изучение и анализ ценностных характеристик и знаний об окружающем мире в сознании носителей языка, так как “оценка непосредственно отражает общую систему объективных и субъективных ценностей, закрепленных в картине мира человека” [10, с. 153]. Этому мнению также придерживаются В. И. Карасик, В. Л. Наер, М. В. Ляпон, А. В. Кленова.

Несмотря на разнообразие подходов к определению и роли оценки в лингвистике, представляется возможным выделить компонент, в отношении которого исследователи практически единодушны, а именно: она (оценка) носит двойственный, или антонимический характер, так как основу оценочных процессов составляет противопоставление качеств положительности и отрицательности, что является базисным элементом познания человеком окружающей действительности.

По наблюдениям ряда лингвистов, способы обозначения хорошего и плохого в языке не всегда изоморфны, а употребление соответствующих единиц часто не обнаруживает симметрии.

По мнению Черновой, наряду с четкой эмоционально-оценочной противопоставленностью существуют оценочные единицы, потенциально способные реализовывать различную оценочность, а также оценочные единицы, обладающие адгерентной оценочностью, которые могут наблюдаться в контекстном употреблении. При этом возможно приобретение оценочности оценочно-нейтральным словом и контекстно-детерминированной трансформацией оценочного знака.

Таким образом, инвариантность – потенциальная способность оценочного слова реализовывать противоположные оценочные знаки или, в случае оценочно-нейтральных лексем, приобретать положительный или отрицательный оценочный знак под влиянием определенных факторов и посредством определенных механизмов – выступает важным свойством оценки.

Взаимодействие оценок “хорошо” / “плохо” представляет особую проблему для изучения, так как оценочная шкала обладает свойством ассиметрии. На эту особенность оценки обращали внимание многие исследователи в области лингвистики и философии. Например, Ф. Энгельс отмечает, что “...при более точном исследовании мы находим также, что оба полюса какой-нибудь противоположности – например, положительное и отрицательное – столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они, несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг в друга” [11, с. 346].

Н. В. Пазыч указывает, что “оценочные семы лексического значения слова представляют собой положительную или отрицательную характеристики, относящиеся к полярным языковым категориям. Однако эту полярность следует понимать диалектически, учитывая относительный характер положительного и отрицательного полюсов”.

Исследователи по-разному объясняют механизм трансформации оценочного знака в структуре текста. Так, ряд лингвистов полагают, что ведущая роль в этом процессе принадлежит законам, по которым развивается аргументация – ведущая идея, определяющая процесс коммуникации. Она подразумевает, что включенные в текст оценки должны сохранять ориентацию, то есть не противоречить оценочным пресуппозициям, введенным в предыдущем контексте. Знак оценки определяет сочетаемость некоторых глаголов с дополнениями: “Я надеюсь (“+”) на его добросовестность”, но “Я надеюсь на его недобросовестность” – высказывание возможно лишь в случае, если недобросовестность в данной ситуации имеет знак “+” для говорящего. Аналогичный пример: “Я боюсь (“-“) его хорошего отношения” (для меня оно плохо) [7, с. 23].

Рассмотрение оценки в рамках структурного подхода предполагает учет ряда общих особенностей оценки, в частности то, что она неразрывно связана с понятием модальности. В связи с этим особо подчеркивается, что оценка в структуре высказывания представляет собой модальную рамку. Вопрос о соотношении оценки и модальности часто поднимается в лингвистической литературе, где представлено разное видение этой проблемы. Так, Е. М. Вольф полагает, что “любое оценочное высказывание можно отнести к сфере модальности”. При этом она рассматривает оценку как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения.

Существуют специальные средства для ориентации текста в пределах одной оценочной зоны или для ее изменения. Среди них Е. М. Вольф называет модальные слова нарастания и слова обобщения (все, словом, и др.), противительные союзы “а”, “но”, “зато” [7, с. 61].

Другие исследователи рассматривают трансформацию оценочного знака как взаимодействие фрейма и ситуации.

В акте речевой коммуникации слово помещается между фреймом и ситуацией. В случае стандартной ситуации в лексеме сохраняется прототипический оценочный знак. Стандартная ситуация соответствует фрейму, т. е. знаниям и представлениям о данном слове, закрепленным в языковой картине мира. Другими словами, в стандартной ситуации оценка или оценки, включенные в текст, сохраняют ориентацию, т. е. не противоречат оценочным пресуппозициям предыдущего контекста.

Таким образом, ситуация, являясь совокупностью условий и обстоятельств, в которых происходит высказывание, обладает набором признаков. Не все эти признаки релевантны. Релевантными признаками для интерпретации оценочного высказывания, на наш взгляд, являются социальный статус собеседников, степень знакомства между ними, психологические и личностные особенности. Данные признаки входят в состав фрейма. В процессе акта коммуникации происходит сравнение фрейма и ситуации. Стандартная ситуация имеет следующие признаки: социальный статус собеседников – различный; степень знакомства – слабая; личностные и психологические особенности – негативное отношение к употреблению слов с пейоративной окраской; модальность высказывания – отрицательная: пейоратив интерпретируется в своем прямо номинативном значении.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Батури Н. А. Проблема оценки и оценивания в общей психологии. – [Электронный ресурс] / Н. А. Батури. – Режим доступа к работе: [<http://www.voppsy.ru/issues/1989/892/892081.htm>].
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Наука, 1997. – 576 с.
4. Вендлер З. О слове “good” / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М., 1981. – С. 531–554.
5. Вольф Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания / Е. М. Вольф // ИАН СЛЯ, 1981. – № 1. – С. 391–397.
6. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков “хорошо” / “плохо” / Е. М. Вольф // Вопр. языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98–106.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Елена Михайловна Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
8. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к работе: [<http://tpl1999.narod.ru/WEBTL2000/VORKACHEVTPL2000.NTM>].
9. Зайцева Е. Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации): автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Е. Л. Зайцева. – Чебоксары, 2006. – 47 с.
10. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений / Майя Валентиновна Ляпон. – М. : Наука, 1986. – 200 с.
11. Маркс К. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1961. – 827 с.

Аннотация

Ю. К. Янко. Понятие “оценка” в современных лингвистических исследованиях

Рассмотрена оценка как объект лингвистического исследования. Выяснены основные вопросы изучения оценки в лингвистике: понятие оценки, общие и частные классификации типов оценки, способы и языковые средства ее выражения. Выделены основные компоненты структуры оценки – ее объект и субъект.

Ключевые слова: лингвистика, факультативные компоненты, семантика, концепт, инвариантность.

Анотація

Ю. К. Янко. Поняття “оцінка” в сучасних лінгвістичних дослідженнях

Розглянуто оцінку як об'єкт лінгвістичного дослідження. З'ясовано основні питання вивчення оцінки в лінгвістиці: поняття оцінки, загальні й часткові класифікації типів оцінки, способи й мовні засоби її вираження. Виокремлено основні компоненти структури оцінки – її об'єкт і суб'єкт.

Ключові слова: лінгвістика, факультативні компоненти, семантика, концепт, інваріантність.

Abstract

Y. K. Yanko. The Notion of “Evaluation” in Modern Linguistic Studies

The notion of “evaluation”, as a universal category of human perception of the world, has been regarded as an object of linguistic research. It has been admitted that it has become the subject of investigation and analysis of logicians, philosophers, and psychologists. Different approaches to the definition of the notion of “evaluation” have been analyzed. Its dual character has been emphasized. It has been stated that according to the structural approach “evaluation” is associated with the notion of “modality”. “Evaluation” is a modal frame in the structure of utterances. The main issues connected with the studies of “evaluation” notion have been considered: the notion of “evaluation”, general and special classifications of types of “evaluation”, ways and language means of its expression. “Evaluation” has been considered in terms of its function in the structure of text and in speech. The basic components of “evaluation”, its object and subject have been singled out.

Keywords: linguistics, optional components, semantics, concept, invariant.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТУ ДИСКУРСОЛОГИИ, ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

Н. В. Васюкова
(Киев)

УДК 811.161.1'42

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Повышенный интерес современной лингвистики и прикладных гуманитарных дисциплин к изучению рекламной коммуникации обусловлен потребностью общества в осмыслении и концептуализации этого феномена, определении когнитивно-прагматических и лингвокультурологических параметров рекламной деятельности обуславливает соотнесенность фундаментального и прикладного знания, формирование методологических основ междисциплинарного подхода к исследованию рекламы.

Целью данной статьи является определение возможности применения принципа релевантности в качестве когнитивного базиса рекламной коммуникации (на примере рекламы воинской службы). Для достижения данной цели следует решить *задачи*: определить когнитивно-прагматические особенности передачи информации при условии использования моделей теории релевантности, отразить различия функций адресата и адресанта в каждой из используемых моделей, разграничить рекламную и пропагандистскую направленность коммуникации в сфере реализации рекламы воинской службы.

Организация рекламной коммуникации, разнонаправленность ее потоков имеют целью оправдать ожидания получателей рекламных сообщений, обеспечить максимальную степень соответствия запросу адресата, что предполагает создание релевантных сообщений, обуславливающих “эмпирически правдоподобный взгляд на понимание” [8, с. 23]. Теорию релевантности Д. Уилсона и Д. Шпербера [11, с. 249–290; 9, с. 212–257] лингвисты все активнее применяют к исследованию рекламной коммуникации [4; 5], а практики – к ее организации [2; 6].

Теория релевантности Д. Уилсона и Д. Шпербера базируется на том, что передачу информации обеспечивают две модели – *кодovая* и *инференционная*. Согласно *кодovого* модели, адресант и адресат пользуются единой кодovого системой – адресант для кодирования информации, адресат – для декодирования. Согласно *инференционной* модели коммуникации, *очевидность* (*evidence* – ясность, доказательность) намерения адресанта передать определённое значение поддерживается как языковыми, так и неязыковыми средствами; адресат, в свою очередь, определяет очевидность намерений логическим выводением (*инференцией*). “Различия между этими двумя моделями отражают различия между двумя типами значений: условно-истинностным и не условно-истинностным, концептуальным и процедурным, репрезентационным и компьютерационным (вычисляемым), пропозициональным и иллюкутивным. Вместе с тем, это различие в этапах деятельности слушающего – декодировании и инференции” [8, с. 54]. Прагматика релевантности предполагает, что высказывания автоматически создают *ожидания*, которые и ведут слушателя к значению, заложенному в сообщении говорящим. Релевантность в трактовке Д. Уилсона и Д. Шпербера близка *коммуникативной эффективности* – “представляет собой то, что даёт возможность передать новейшую информацию в данном контексте с затратой слушателем минимальных усилий на её получение” [8, с. 56].

Исследователи исходят из того положения, что понятие релевантности есть в сознании каждого из общающихся индивидов (презумпция релевантности) и рассматривают принцип релевантности с когнитивной и коммуникативной позиций. **Когнитивный принцип релевантности** гласит: “Человеческое познание стремится приспособиться к максимализации релевантности” [8, с. 177]. Входные данные релевантны для адресата, “если их обработка в контексте имеющихся предположений (*assumptions*) производит *положительный когнитивный эффект* (например, верный вывод)” [8, с. 179]. В случае рекламной коммуникации положительный когнитивный эффект предполагает заключение адресата о необходимости следовать рекламному посылу, что выводится из контекста рекламы.

Принцип коммуникативной эффективности гласит: “Сделай свой вклад таким, чтобы он

обеспечивал максимальное число контекстуальных импликаций по отношению к издержкам на обработку” [8, с. 181]. Коммуникативная эффективность предполагает минимизацию усилий на обработку данных, что обеспечивает возможность адресанта предвидеть ментальные состояния собеседников и манипулировать ими: “Говорящий может знать склонность собеседника выбирать самые релевантные в своей среде стимулы и обрабатывать их так, чтобы максимализировать их релевантность. Учитывая это, говорящий может быть в состоянии: а) произвести какой-то стимул, который безусловно привлечёт внимание собеседника, б) подсказать ему уместное изменение некоторых контекстуальных допущений и в) подтолкнуть собеседника к нужному выводу” [8, с. 182].

Степень релевантности и последующий эффект коммуникации зависят от степени доверия адресата адресанту. Таким образом, теория релевантности обеспечивает когнитивную согласованность адресанта и адресата рекламы. Именно реализация принципа релевантности отличает рекламную коммуникацию от пропагандистской, хотя, по мнению ряда исследователей [1; 7; 10], рекламная коммуникация имеет пропагандистскую направленность, поскольку в ней мобилизуются “все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей” [7, с. 34].

Тем не менее, при всей видимой близости пропаганды и рекламы, эти виды коммуникации отличаются иллюкутивными установками их создателей. Рекламная коммуникация сводится “к формированию у человека новых потребностей, что не всегда предполагает изменение мировоззрения реципиентов, являющихся потенциальными потребителями. Коммерческая реклама сравнительно редко заказывается от имени государства и правительства. За нее в основном платят частные компании. Именно поэтому язык рекламы в силу экономии средств и газетных площадей является более сжатым и экспрессивным, чем пропагандистские материалы в различных средствах массовой информации” [1, с. 97].

Дж. Личем были выдвинуты 5 принципов [10], которые определяют отличие рекламной коммуникации от пропагандистской. Анализ этих принципов в отношении рекламы воинской службы позволили сделать вывод о наличии у создателей и заказчиков этой рекламы иллюкутивной установки на пропаганду воинской службы и национальных нравственных ценностей.

Таблица

Принципы Дж. Лича

Принципы Дж. Лича	Реализация принципов Дж. Лича в рекламе воинской службы
1. Реклама является до определенной степени частным видом деятельности, так как сообщение неотделимо от торговой марки, которую оно представляет.	Реклама воинской службы преследует государственные интересы, формирует бренд определенного вида/рода войск.
2. Рекламодатель должен завоевывать аудиторию через большие финансовые затраты, и если его товар изначально не подходит аудитории, это будет означать для него крах, в то время как в пропаганде такая степень риска не предусматривается.	В рекламе воинской службы эта степень риска также не предусматривается.
3. В то время как пропаганда встречает либо положительные, либо отрицательные реакции, реклама воспринимается реципиентами с терпимостью, в которую вкрапливаются элементы сарказма и юмора.	Реклама воинской службы встречает как положительные, так и отрицательные реакции, а также рядом реципиентов воспринималась с иронией.
4. Реклама использует язык в конкретных целях, в то время как пропагандисты имеют дело с абстракциями	Реклама воинской службы использует языковые средства в конкретных целях.
5. Пропаганда имеет дело с моральными и этическими принципами, а реклама ограничивает себя естественными человеческими потребностями, такими как выгода, защищенность, физический аппетит.	Реклама воинской службы также имеет дело с моральными и этическими принципами, апелляция к естественным человеческим потребностям носит вторичный характер.

Таким образом, принципы 1, 2 и 4 соотносят коммуникативно-прагматические особенности рекламной коммуникации по проблеме воинской службы с коммуникацией пропагандистской; принципы 3 и 5 определяют промежуточное положение рекламы воинской службы между рекламной и пропагандистской видами коммуникаций.

Итак, отмеченные особенности рекламной коммуникации предполагают выведение условий реализации принципа релевантности на двух уровнях – манипулятивного дискурса и текста влияния (определение Н. Кузьминой [3]). Поэтому данная теория определена в качестве когнитивного базиса рекламной коммуникации, поскольку обе ее модели – кодовая и инференционная – обеспечивают эффективность влияния на получателя информации.

Литература

1. Зирка В. В. Динамизм понятия рекламы как зеркало мотивов и потребностей / В. В. Зирка // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Вип. 4. Т. 1. Сер. Філологічні науки. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – С. 95–106.
2. Катлип Скотт М. Паблик Рилейшнз. Теория и практика / Скотт М. Катлип, Аллен Х. Сентер, Глен М. Брум. – М., 2000. – 624 с.
3. Кузьмина Н. А. Реклама как текст влияния. / Н. А. Кузьмина // Структура и содержание связей с общественностью в современном мире. Вып.3. Филологические науки / Луган. гос. пед. ун-т им. Т. Шевченко. – Луганск: Знание, 2002. – С. 196–215.
4. Кулаева Е. В. Лексическая прагматика англоязычной журнальной рекламы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Валерьевна Кулаева. – М., 2001. – 232 с.
5. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса: монография / Михаил Юрьевич Олешков. – Нижний Тагил : Нижнетагильская гос. соц. пед. академия [и др.], 2006. – 336 с.
6. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов / Георгий Георгиевич Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 1999. – 624 с.
7. Солганик Г. Я. Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. – М., 1980. – С. 34.
8. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / Иван Павлович Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
9. Шпербер Д. Релевантность / Д. Шпербер, Д. Уилсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – С. 212–257.
10. Leech G. English in Advertising / Geoffrey Leech. – London; New York, 1966. – 298 p.
11. Wilson Deirdre & Sperber Dan. Linguistic Form and Relevance // Lingua. 90. 1993. – P. 1–25; Wilson Deirdre & Sperber Dan. Relevance Theory // Handbook of Pragmatics / Ed. by Laurence R. Horn and Gregory L. Ward. – Oxford, 2004. – P. 249–290.

Аннотація

Н. В. Васюкова. Теория релевантности как когнитивная основа рекламной коммуникации

В статье рассматриваются особенности применения теории релевантности в ее взаимосвязи с рекламной коммуникацией в сфере воинской службы.

Ключевые слова: модель, теория релевантности, адресат, адресант, рекламная коммуникация, пропаганда.

Анотація

Н. В. Васюкова. Теорія релевантності як когнітивна основа рекламної комунікації

У статті проаналізовано особливості застосування теорії релевантності у взаємозв'язку з рекламною комунікацією в галузі військової служби.

Ключові слова: модель, теорія релевантності, адресат, адресант, рекламна комунікація, пропаганда.

Abstract

N. V. Vasuykova. Relevance Theory as Cognitive Basis of Advertisement Communication

The article deals with peculiarities of relevance theory application with regard to the advertisement communication in the domain of the military service. Relevance theory seeks to explain the second method of communication: one that takes into account implicit inferences.

It argues that the hearer/reader/audience will search for meaning in any given communication situation and having found meaning that fits their expectation of relevance, will stop processing. In this conceptual model, the author takes into account the context of the communication and the mutual cognitive environment between the author and the audience. It has been admitted that the central insights of the relevance theory formalized in the two-part principle (the ostensive stimulus is relevant enough for it to be worth the addressee's effort to process it; the ostensive stimulus is the most relevant one compatible with the communicator's abilities and preferences) can be applied to the military advertisement.

Key words: model, relevance theory, addressee, addresser, advertisement communication, propaganda.

**Е. Л. Колесниченко
(Горловка)**

УДК 811.161.1

ИРОНИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОЛОГОВ М. М. ЖВАНЕЦКОГО)

Ирония в современных дискурсивных практиках принимает все новые формы и выполняет различные функции, что делает исследования в области данного феномена актуальными.

Цель данной статьи – проанализировать существующие подходы к определению понятия “иронии”, а также рассмотреть некоторые способы создания иронии на материале монологов М. М. Жванецкого.

Проблема определения лингвистической сущности комического сама по себе интересна и актуальна. Чаще всего выделяют четыре основных вида комического: юмор, иронию, сарказм, сатиру. Именно они зафиксированы в авторитетных словарях, справочниках, учебниках. Конечно же, нельзя говорить об однозначных, устоявшихся в науке взглядах на данную соотношенность. Наибольшие споры вызывает вопрос об отнесенности иронии, т. к. не все ученые считают иронию самостоятельным видом комического. Б. Дземидок пишет: “Факт существования переходной формы между сатирой и юмором не означает, однако, выделения иронии в самостоятельную форму комического, аналогичную юмору и сатире” [4, с. 102]. Ю. Т. Чубарян считает иронию “подвидом юмора” [12, с. 112]. Л. И. Гвасалия называет иронию отражением комического в искусстве, определяя ее как механизм выражения комического в искусстве, полагая, что только ирония “дает возможность выявить в искусстве основу осуществления комического” [3, с. 88]. Рассматривается ирония и как один из способов сатирического отражения действительности. Указывая на особенность иронического словоупотребления, исследователь отмечает, что, когда “слова, предложения или целый текст употребляются иронически, у них возникают значения, противоположные тем, которые присущи им в общепринятом понятии” [3, с. 88].

Как видим, ирония – многоплановое и полифункциональное явление, поэтому в научной литературе не сложилось пока единого четкого представления о лингвистической сущности иронии и семантическом механизме реализации имплицитного смысла текста.

Ирония понимается исследователями “как замаскировано-тонкая насмешка, в которой скрытый смысл является отрицанием буквально сказанного” [9, с. 79].

Ирония рассматривается также как “прием, когда говорится противоположное тому, что имеется в виду” [2, с. 66]; “троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному, перенос по контрасту, по полярности семантики” [7, с. 98].

В стилистических исследованиях ирония традиционно определяется как прием, основанный на антифразисе. В. З. Санников указывает, что “самое простое и традиционное понимание иронии сводит ее к антифразису, употреблению слов в отрицательном смысле, прямо противоположному буквальному” [6, с. 36]. Иронию определяют как стилистический прием, в котором контекстуально-оценочное значение слова прямо противоположно его словарному значению.

В. Я. Пропп говорит о близости иронии к парадоксу, “если при парадоксе исключают друг друга понятия объединяются вопреки их несовместимости, то при иронии словами высказывается одно понятие, подразумевается же другое, противоположное ему” [5, с. 114]. Называя иронию одним из видов насмешки, автор указывает на ее иносказательность.

В Словаре литературоведческих терминов под редакцией Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева находим: “Ирония – осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивает. Отличительным признаком иронии является двойной смысл”. Л. И. Тимофеев в своих работах указывает, что ирония приписывает явлению то, что ему недостает, как бы подымает его, но лишь для того, чтобы подчеркнуть отсутствие приписанных явлению свойств. И. Р. Гальперин рассматривает иронию в плане словоупотребления: “Ирония – это стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности / противоречивости” [1, с. 133].

Это определение, как нам кажется, раскрывает языковую природу иронии как стилистического приема: в контексте произведения актуализируется новое значение слова, которое, однако, не подавляет полностью его словарное значение, а воспринимается читателем вместе с ним, так что к предметно-логическому значению слова добавляется контекстуальное ироническое значение. Таким образом, в основе иронического употребления слова лежит двуплановость значения слова.

Итак, ирония трактуется как вид комического, когда смешное скрывается под маской серьезного (в противоположность юмору) и таит в себе чувство превосходства или скептицизма; отрицание или осмеяние, притворно облачаемые в форму согласия или одобрения; стилистическая фигура: выражение насмешки или лукавства посредством иносказания, когда слово или высказывание обретает в контексте речи смысл, противоположный буквальному значению или отрицающий его; и (в узком значении) как троп.

О необходимости разграничения широкого и узкого значения термина “ирония” предупреждает Г. А. Поспелов: “Не надо смешивать ироническое содержание высказываний с их иронической словесной формой, с конкретной иносказательностью слов, с иронией как разновидностью тропов” [9, с. 198]. С.И. Походня пишет о “...необходимости разграничения двух понятий: ирония как средство, техника, стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых единиц языка” [11, с. 97]. Последнее замечание нам представляется чрезвычайно важным, так как в нем говорится о взаимодействии единиц разных ярусов языковой системы с целью создания определенного смысла текста.

С. И. Походня, исследуя сложные формы иронии, устанавливает лексические, синтаксические и текстовые средства реализации иронического смысла, приводит системную классификацию типов иронии, выделяя ассоциативный и ситуативный типы, указывает роль каждого типа иронии в раскрытии идейно-образной структуры произведения.

Ситуативная ирония – явный, эмоционально окрашенный тип иронии, возникающий в результате контраста между ситуативным контекстом и прямым значением слова, словосочетания, предложения. Для реализации этого типа иронии используются средства лексического и синтаксического уровней. Данный тип иронии зависит от линейного контекста, не превышающего рамок абзаца. Ассоциативная ирония – скрытый, тонкий тип иронии, при котором реализация переносных значений происходит постепенно, новые значения возникают градуально, поэтому ассоциативная ирония реализуется в мегаконтексте.

Рассматривая оба типа иронии, фиксируем большую разницу между ассоциативной иронией и теми довольно простыми антифразисными отношениями, которые традиционно именуется в учебниках стилистики стилистическим приемом иронии. На уровне текста ирония не ограничивается выражением насмешки, а передает большую гамму чувств, включая и те, которые, как считалось, присущи только сатире.

Д. Мюкке выделяет три степени и четыре формы иронии. Три степени: явная ирония, скрытая ирония, тайная ирония – определяются в зависимости от степени завуалированности прямого значения. Явная ирония предполагает немедленное осознание прямого значения объектом иронии или читателем. Как правило, этому способствует интонация или ее стилистический эквивалент.

Скрытая ирония базируется на противоречии между скрытым авторским мнением и единым контекстом ситуации, в котором это мнение представлено. Для выявления скрытой иронии читатель должен обладать определенными фоновыми знаниями и знаниями вертикального контекста произведения.

Третья степень, по мнению автора, – тайная ирония, смысл которой не предназначается для уяснения ни объектом иронии, ни кем бы то ни было еще. Тайная ирония очень похожа

на розыгрыш, подшучивание. Кроме подробной классификации степеней иронии, Д. Мюкке предлагает выделить формы, основываясь на отношении автора к своей иронии. Таких форм четыре: безличная ирония, самоуничижительная ирония, ирония инженю, драматизированная ирония.

При использовании безличной иронии автор не афиширует свое личное отношение к ситуации. При самоуничижительной присваивает себе такие качества, как невежество, наивность; он как бы желает узнать, постигнуть что-либо, но притворяется неспособным понять. В иронии инженю автор вкладывает свои слова в уста простака, который видит и понимает те противоречия, которые не способен понять умный. В драматической иронии автор просто описывает ироническую ситуацию или события.

Попытки классифицировать приемы создания иронических высказываний и механизм создания комического предпринимались и предпринимаются многими отечественными и зарубежными исследователями. Проблемы возникают в связи с тем, что часто иронию смешивают с сатирой, гротеском, юмором, абсурдом.

Средства выражения иронии могут быть разноуровневыми: от слов до семантических единств значительного объема. Результатом использования иронии является декодирование адресатом иронического значения, которое передает собой значение любой языковой единицы, прямой смысл которой или стилистическая окраска не соответствует природе денотата. В этом случае ирония представляет собой гораздо более яркую палитру оттенков значений, которая повышает выразительность произведения и его значимость для восприятия.

В рамках лингвистики особое внимание было направлено на поиск так называемых “сигналов иронии”, чтобы попытаться минимизировать возможные ошибки при интерпретации (ироничного) высказывания. Это позволило найти определенные языковые средства на лексическом, фонетическом, грамматическом уровнях, обладающие потенциалом выражения иронии, а с развитием прагматики, к сигналам иронии стали относить и контекст. В своем диссертационном исследовании Ю. Н. Варзанин указывает, что “высказывание является ироничным только в соответствующем контексте, и вне контекста нет ироничного высказывания” [8, с. 16].

Некоторые средства и способы выражения иронического уровня текста постараемся проиллюстрировать на примерах из текстов М. М. Жванецкого.

На игровом антифразисе основан жанр элевации – иронического восхваления: “*Да здравствуют лысые, болезненные люди, вселяющие в нас уверенность*” [16, с. 192]. “*Заместители председателя хороши как никогда. Клиентура жуткая...*” [14, с. 278]. Иронический смысл возникает при восхвалении совсем парадоксальных вещей: “*Эх, застой, Божья благодать! Рай для вороватых, пробивных*”. Не менее парадоксально звучит текст вывески магазина: “*Извините за посещение нашего магазина, простите за покупку. Просим забыть ассортимент*” [17, с. 16]. В некоторых случаях ироничное восхваление “бывает укрыто за простодушием рассказчика”: “*Та что вы говорите, никто, наверное, так не любит наше правительство, как я. Это что-то патологическое*” [15, с. 84].

Как логико-синтаксическое средство создания иронии представлены повторы: “*А как же, – отвечает народ, – естественно! – И отвинчивает, откручивает, отламывает*”; “*А как же – естественно, – говорит народ. – Это так естественно. И откручивает, отвинчивает, отламывает!*” [16, с. 193]. Повтором автор подчеркивает ироничное отношение к “любителям расхищения социалистической собственности”.

Следует отметить, что важным условием реализации иронии является фигура наблюдателя. Наблюдатель может быть как субъектом иронии, замечаящим отклонение от нормы и выступающим как адресант комического произведения, так и адресат иронического высказывания.

Для сатирических произведений в особенности данная связь представляется весьма актуальной, т. к. отмеченные процессы зависят от ряда субъективных факторов: личного культурного уровня читателя, степени образованности, морально-этических, политических и др. критериев его поведения, языковых приоритетов, жизненного опыта и установок, чувства юмора, критического отношения к себе и окружающим. Именно с учетом этих факторов можно воспринимать следующие фрагменты текстов: “*...Ветчина была такая, это как бы мясо, но уже вареное...а к чаю был сахар. Это было регулярно... А еще я застал сыр голландский, творог, это все делалось из молока...*” [15, с. 72]. Читателю, не знающему ничего о жизни в

СССР в 90-е, вряд ли удастся декодировать данный текст, уловив авторскую иронию.

Интересно, на наш взгляд, обращение автора к особенному виду иронии – самоиронии (у Д. Мюкке – самоуничижительная ирония). Глядя в зеркало, герой иронично оценивает свою внешность: *“Откуда у тебя такая глупая рожа?”*; свою жизнь: *“...читать нечего, писать не о чем, пить бросил, к женщинам остыл”*; свое материальное положение: *“... где банкноты, которые нам дало государство на расход?”* [16, с. 94]. Иногда за явным порицанием у автора скрывается “лукавое похваление”: *“Ты нервен, суетлив, ленив, обжорлив, нерешителен, толст... Но ты сумеешь, ты сумеешь описать свой негодный путь”* [15, с. 224].

Анализируя произведения М. М. Жванецкого, мы ощущаем “грустную, горькую” (драматическую) иронию. Особенно показательно это в миниатюре “Сын мой неосуществленный”: *“Итак, что тебе взять у беспутного отца, покорителя маленьких компаний и больших розовых женщин?”* [14, с. 372]. Не менее иронично-грустный взгляд на жизнь наших женщин: *“...запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребенок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится”* [16, с. 247].

Итак, ирония в художественном тексте позволяет автору имплицитно выразить свою мировоззренческую позицию, свое эмоционально-оценочное отношение к изображаемой действительности. Всякий раз, когда обнаруживается противоречие между созерцаемым (данным) и мыслимым (желанным), есть возможность реализации иронии. В отличие от сатиры, которая утверждает правильность мыслимой (желанной) нормы прямо, не допуская многозначности и сомнения, ирония допускает разную трактовку значения. В этом заключается сложность исследования данного феномена. Знание широкого контекста и анализ вербальных и невербальных средств реализации иронии помогает успешно декодировать ироничную интенцию автора. Мы соглашаемся с мнением ряда лингвистов о том, что ирония – это не просто категория комического и не стилистический прием, а особое видение мира, способ мышления.

Обилие лексических, семантических и синтаксических средств создания иронии только подтверждает ее значимость в литературе, речи и культуре общества, что, в свою очередь, делает необходимыми и особенно актуальными дальнейшие исследования в этой области.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Илья Романович Гальперин. – М. : Эдиториал, 2004. – 325 с.
2. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка / Ирина Борисовна Голуб. – М.: Просвещение, 1986. – 66 с.
3. Гвасалиа Л. И. Эстетический феномен комического и ареал его действий в искусстве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 “Эстетика” / Л. И. Гвасалиа. – Тбилиси, 1989. – 188 с.
4. Дземидок Б. О комическом / Богдан Дземидок. – М. : Прогресс, 1974. – 108 с.
5. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / Владимир Яковлевич Пропп. – М. : Лабиринт, 2006. – 256 с.
6. Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней / Владимир Зиновьевич Санников. – М. : Арграф, 2003. – 560 с.
7. Русский язык : энциклопедия / [авт.-сост. Филин Ф. П.]. – М. : Просвещение, 1979. – 431 с.
8. Варзонин Ю. Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию : авторефер. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки” / Ю. Н. Варзонин. – Тверь, 1994. – 23 с.
9. Николина П. А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и ее функции в художественном тексте / П. А. Николина // Рус. яз. в школе. – 1979. – № 5. – С. 79–83.
10. Пospelов Г. Н. Введение в литературоведение / Геннадий Николаевич Пospelов. – М. : Высш. шк., 1983. – 342 с.
11. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии / София Ивановна Походня. – К. : Наук. думка, 1989. – 128 с.
12. Чубарян Т. Ю. Семантика и прагматика речевых жанров юмора / Татьяна Юрьевна Чубарян. – М. : Прогресс, 1994. – 139 с.
13. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1 Шестидесятые / Михаил Михайлович Жванецкий. – М. : Время, 2002. – 253 с.

14. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. Семидесятые / Михаил Михайлович Жванецкий. – М. : Время, 2002. – 382 с.
15. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. Девяностые / Михаил Михайлович Жванецкий. – М.: Время, 2002. – 446 с.
16. Жванецкий М. М. Мой портфель / Михаил Михайлович Жванецкий. – К. : Махаон-Украина, 2006. – 348 с.
17. Жванецкий М. М. Тщательней... / Михаил Михайлович Жванецкий. – М. : Время, 2008. – 448 с.

Аннотация

Е. Л. Колесниченко. Ирония как лингвистический феномен (на материале монологов М. М. Жванецкого)

В статье рассматривается ирония как феномен лингвистики. Анализируются виды, типы иронии. Показаны некоторые средства и способы передачи иронического смысла на примерах монологов М. М. Жванецкого.

Ключевые слова: ирония, антифразис, ситуативная, ассоциативная ирония.

Анотація

О. Л. Колесніченко. Іронія як лінгвістичний феномен (на матеріалі монологів М. М. Жванецького)

Статтю присвячено іронії як лінгвістичному феномену. Проаналізовано види, типи іронії. Розглянуто деякі засоби та способи передачі іронічного змісту на прикладах монологів М. М. Жванецького.

Ключові слова: іронія, антифразис, ситуативна, асоціативна іронія.

Abstract

Y. L. Kolesnichenko. Irony as a Linguistic Phenomenon (based on M. M. Zhvanetsky's monologues)

The article deals with irony as a linguistic phenomenon. Different approaches to the definition of this notion have been considered. Some types and kinds of irony have been analyzed. It has been stated that modern theories of rhetoric distinguish among verbal, dramatic and situational irony: a situation is often considered to be ironic (situational irony) if there is an incongruity between the actual result of a sequence of events and the normal or expected result; verbal irony is a disparity of expression and intention; dramatic irony is a disparity of awareness between actor and observer. Some ways of the creation of irony in M. M. Zhvanetsky's monologues have been singled out. It has been admitted that irony is a complex and multifunctional phenomenon: irony functions as a form of subtle humour; it may add some intellectual quality to a work of art and carry a satirical message. Numerous lexical, semantical and syntactical means serve to create irony in literature and make this linguistic phenomenon an important subject of further investigation.

Key words: irony, antiphrasis, situational, associative irony.

М. Ю. Олешков
(Нижний Тагил, Россия)

УДК 811.161.1

РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Речевое пространство любого дискурса, как правило, во многом определяется прагматическими параметрами коммуникативной ситуации, в рамках которой происходит общение, и дихотомично по своей природе: с одной стороны, оно обусловлено реальностью мира, с другой – зависит от личностного (ментального) отражения этой реальности в сознании конкретного человека. В итоге, ситуативно маркированным в процессе коммуникации оказывается все: каждая коммуникативная ситуация, реализуясь в поле определенной ментальности, “заставляет” собеседников формировать определенную речевую среду (дискурсивное пространство), обеспечивающую текстопорождение и текстовосприятие коммуникантов.

Количество “дискурсивно-речевых пространств” отдельно взятого языка ограничено, что обусловлено фреймовой структурой коммуникации, а также тем фактом, что любому дискурсу присуща этноязыковая специфика на уровне структуры, которая проявляет себя как модель некоторой ситуации. Изучение способов отражения мира в головном мозге человека (ментальных репрезентаций) показало, что обработка массива информации не происходит последовательно, линейно, и это побудило исследователей ввести в научный обиход, наряду понятиями “ментальные пространства” (Ж. Фоконье) и “правила концептуального вывода” (Р. Шенк), термин “фрейм” (М. Минский в теории искусственного интеллекта, Э. Гофман в социологии и др.).

Это понятие эксплицирует решающую роль “контекста” в когнитивных процессах: все, что человек воспринимает и осознает, подвергается своеобразной априорной оценке, предвосхищается. “Уже на довербальном уровне человек оперирует соответствующими фреймами, которые уже определенным образом структурируют информацию” [6, с. 27].

Лингвистическая наука, не всегда однозначно принимая термин “фрейм”, часто использует понятие “ситуация” (коммуникативная, речевая и др.). Так, ситуация в лингвокогнитологии может трактоваться как когнитивная структура в феноменологическом поле человека, основанная на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов, то есть это некая схема речевой ситуации (или класса стереотипных ситуаций), отраженная в сознании участников коммуникации. Выделение подобных структур (схем) позволяет анализировать речевую деятельность в когнитивно-прагматическом, психолингвистическом и других аспектах.

Следует подчеркнуть, что речевая (коммуникативная) ситуация как концептуальное понятие современной науки о языке в последние годы активно изучается лингвистами. В частности, исследуются компоненты учебно-педагогической ситуации [3], учебный монолог в педагогическом дискурсе [4], выявляется структура речевой ситуации в контексте реализуемых директивных высказываний [1], анализируются речевые ситуации спора и недосказанности [5; 13], осуществляются попытки метафорического моделирования [7]. Локальные исследования речевых ситуаций направлены, в итоге, на изучение такого глобального феномена, каковым является дискурсивно организованная устная речь.

В самом общем понимании устный дискурс – это реализация текста в коммуникативно-прагматических условиях речевой ситуации. По Н. Д. Арутюновой, дискурс – это текст, взятый в событийном аспекте (ср. мысль Т. А. ван Дейка о том, что дискурс – актуально произнесенный текст). Всякий дискурс дискретен, так как состоит из высказываний, клауз (по У. Чейфу), проявляющих себя в виде квантов информации, продуцируемых говорящими в ходе речевой деятельности. Эта информационная “цепочка” для лингвиста-исследователя представляет собой устный текст (дискурс) как фиксированный в письменной форме языковой материал (Л. В. Щерба), используя который возможно установить те или иные закономерности в разворачивании дискурсивного процесса, а также выявить различные свойства языковых единиц.

Так как текст – это “зафиксированный” результат дискурсивного процесса, то все синтактико-семантические параметры, характерные для уровней слова и предложения, обусловлены структурой целого дискурса как относительно самостоятельной языковой единицы высшего порядка. Следовательно, в концептуальных представлениях текста/дискурса на уровне связной речи может быть выделена общая система категорий, определяющих природу этой дихотомии. К ним относятся такие, как смысл и значение, цельность и связность, интеграция и завершенность и др., и все они так или иначе связаны друг с другом, проявляя себя в континуумах непрерывности / дискретности и полноты / неполноты дискурсивного процесса.

Любой устный текст достаточного объема может быть разделен на части, которые, объединяясь, сохраняя единство и цельность речевого произведения, обеспечивают логику “расположения” излагаемых событий, фактов, действий. Между описываемыми событиями должна быть преемственность, не всегда эксплицитно представленная посредством существующей грамматической системы – союзами, падежными формами имен, причастными и деепричастными оборотами и проч. Для обозначения таких форм связи И. Р. Гальперин вводит термин “когезия”, которую трактует как “особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность, взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий” [2, с. 74]. Кроме того, целостность текста как продукта дискурсивной

ситуации коррелирует с таким понятием, как “когеренция” (когерентность), причем если когезия рассматривается как формально-грамматическая связанность компонентов текста/дискурса, то когеренция, как отмечает М. Л. Макаров, “охватывает не только формально-грамматические аспекты связей высказываний, но и семантико-прагматические” [10, с. 195], что позволяет дифференцировать когеренцию на глобальную, локальную и тематическую. Особенно важным это представляется для институциональных типов устного дискурса, так как когеренция зависит от таких факторов, как статусно-ролевая структура общения, тип деятельности, социальный институт, степень формальности, фиксированность темы и предварительная подготовленность коммуникантов. Целостность текста/дискурса имеет и *функционально-коммуникативную* основу, так как проявляется на ранних превербальных этапах порождения речи (у говорящего) как нерасчлененный образ-гештальт: цельность продукта речевой деятельности есть результат интеграции речевого произведения на основе замысла (Н. И. Жинкин), внутренней программы речевого действия на каждом этапе коммуникации. По мнению А. А. Леонтьева, “целостность текста не определима лингвистически” [8, с. 28] и соотносится со сферой бессознательного.

В процессе восприятия текста адресатом в психологическом аспекте может быть выделена коммуникативно-ситуативная “составляющая” целостности текста/дискурса, который рассматривается как “замкнутая смысловая система” [9], как определенный смысловой концепт, осознаваемый реципиентом в качестве единого целого. При этом следует учитывать, что в процессе речевого взаимодействия имеют место более или менее структурированные (целостные) формы – ср., например, выступление на судебном заседании и бытовой диалог.

В целом процессуальная модель интеракции обладает рядом характеристик, которые должны быть учтены исследователем.

Каждое высказывание является конечным результатом конструктивного процесса, когда говорящий на основе собственной (имеющейся) коммуникативной компетенции “вырабатывает” языковую структуру, адекватную комплексу своих коммуникативных целей (интенций).

Цели “отдельно взятого” высказывания могут включать передачу информации, стимулирование говорящим создания у слушателя нового концептуального знания, направление внимания слушающего на некоторое “знание” или на отдельные свойства известной ему сущности и др. Некоторые из этих целей выступают как микроинтенции (например, номинация какого-либо объекта с целью изложения информации о нем), некоторые – как относительно самостоятельные, независимые (констатация факта, передача личностного отношения к адресату и др.).

Структура речевого потока говорящего иерархически обусловлена использованием языковых единиц различных уровней: суждений, дескрипций, а также общим планом коммуникации.

В процессе восприятия и понимания высказывания слушающий не просто декодирует языковые структуры говорящего, но осуществляет более широкий процесс анализа, осмысления и вывода и других (невербальных) данных восприятия. В итоге, результаты восприятия со стороны слушающего представляют собой интегрированный продукт анализа а) *высказываний* (включая такие аспекты, как интонация и тон голоса); б) *знаний*, которыми обладает слушающий, включая его модель релевантного «мира» и модель, описывающую говорящего; в) *состояния слушающего в данный момент*.

Очевидно, что эксплицитная информация не исчерпывает все то содержание сообщения, которое может передать текст как продукт дискурсивной практики. Контекстуализация информации в тексте/дискурсе предполагает, что говорящий одновременно с передачей смысла учитывает свои собственные намерения, желания, интересы, цели и планы.

В итоге, адресант как участник интеракции не просто сообщает некоторую информацию, а осуществляет иллокутивный речевой акт, имеющий целью повлиять на возможные будущие действия адресата, изменить его информационное состояние и др. Таким образом, комплексный анализ интеракции (в том числе, и на когнитивном уровне) позволяет воспринимать текст не просто как фактуальное содержание (о чем?), но и как функциональное (для чего?), информационное (что?) и смысловое (как?). Ответы на поставленные вопросы содержатся в различных подходах, методах и способах “проникновения” в суть дискурсивного взаимодействия как социокультурного феномена.

Итак, результатом (продуктом) дискурсивной деятельности коммуникантов в процессе общения является текст как лингвистическая единица, обладающая (наряду со специфическими,

своиственными устному общению, характеристиками) целостностью, что позволяет осуществлять изучение и анализ дискурсивного процесса в текстологическом аспекте.

Такой процесс в целом и тексты как результаты этого процесса могут быть проанализированы в четырех аспектах: *коммуникативно-ситуативном, когнитивном, психолингвистическом (речедеятельностном) и дискурсивно-прагматическом (речеповеденческом)*.

Перечисленные подходы методологически обуславливают четыре уровня описания речевой ситуации как “системного конструкта”, что находит выражение в избранной исследователем стратегии. На каждом из перечисленных уровней может быть выделен предмет исследования и определен круг задач.

Так, анализ *коммуникативно-ситуативных* факторов позволяет рассмотреть речевое взаимодействие как особый тип коммуникативного события, имеющего дискретную природу и характеризующегося совокупностью экстралингвистических параметров. В частности, основными структурными единицами общения (в иерархической последовательности) являются: *коммуникативный акт – коммуникативный ход (макроакт) – трансакция* (подробнее см. [11]). Продуктом (результатом) этого события являются порожденные коммуникантами тексты.

Например (устные тексты приводятся как фрагменты реальных речевых ситуаций на школьном уроке): коммуникативный (речевой) акт – *Кто ответит?*; коммуникативный ход (макроакт) – *Смирнова, прекрати разговоры. Сейчас ты улыбаешься, а как выходишь к доске, там и улыбка, и дар речи пропадает. Я сколько раз тебе говорила о необходимости более серьезно относиться к учебе?*; трансакция (интеракция) – *Учительница: Ну, отвечай, Шаталов. Ученик Шаталов: Если на частицу НЕ падает ударение, то пишется НИ. Учительница: А НЕ? Подождем, пока наговорятся Сидоренко с Петровым (пауза). Все слушаем Шаталова. Ученик Шаталов: НЕ пишется, если под ударением...*

На *когнитивном* уровне обобщения стандартных структурных компонентов речевой ситуации моделируется процесс информационного обмена коммуникантами в границах интеракции на основе пропозициональной синхронизации, типовой пресуппозиции и когнитивного резонанса. Общий пресуппозициональный фонд участников коммуникативного события является когнитивной основой речевого поведения коммуникантов в ситуативно определенных условиях деятельности, что обуславливает адекватную (“системную”) интерпретацию коммуникативного события.

Например: *Николай Александрович Добролюбов – это замечательный русский критик, поэт. Им нельзя не восхищаться. В тринадцать лет он уже имел достаточные знания, которые накопил в впечатлениях от книг. Он основательно читал книги, записывал книгу в реестр. Реестр – это слово можно перевести как читательский дневник. Да? Сначала аннотации к книге у него были краткие, вот такие же, как мы с вами писали. Но потом всё более и более становились подробные отзывы, что привело к тому, что он стал писать критические статьи, то есть с детства он это делал.*

Психолингвистический уровень позволяет продемонстрировать влияние структуры речевой деятельности на порождение, восприятие, интерпретацию и понимание продукта коммуникации (текста), для чего рассматриваются особенности превербального этапа (замысел, коммуникативное намерение) и особенности его речевой реализации в коммуникации. Анализируется комплекс основных параметров, сочетание которых определяет своеобразие и жанровую отнесенность дискурса: категория интенциональности, тип и форма коммуникации, структура высказывания, коммуникативные стратегии и тактики и др.

Например:

Учитель (завершая проверку домашнего задания и переходя к следующему этапу урока): *Так, “лексика”, поставьте точку и проверьте, правильно ли вы написали все слова? Четыре. Садись на место. Оля, надо знать раздел науки уже о языке.*

А сегодня, ребята, мы познакомимся с ещё одним разделом русского языка, который называется “Фразеология”. Откроем сейчас учебник на странице... так, сорок четвертой. Итак, пока ничего не смотрим и не читаем, а думаем. Открыли все: сорок четвертая страница. Проверьте ещё раз: видите, яркими, красными буквами написано – “Фразеология”. Посмотрите внимательно на это слово. Как вы думаете: от какого слова произошло слово “фразеология”? Какие родственные слова можно подобрать? “Фраза” и “логика”, да? То есть самое близкое слово к слову “фразеология” – фраза. Не слово, а целая фраза. Понимаете,

да? Фраза – несколько, то есть слов. Давайте посмотрим: от какого слова произошла наука фразеология? Смотрим в рамочку. Из какого языка слово пришло?

Вданномпримереадресант(учитель)вразвернутомвысказыванииврамкахинформирующего дискурса (форма – монолог) реализует несколько интенций: **управление** – ...*поставьте точку и проверьте, правильно ли вы написали все слова?*; интенции **оценка** – *Четыре* и **убеждение** – *Оля, надо знать раздел науки уже о языке*; интенцию **сообщение информации** – основной объем анализируемого фрагмента.

Дискурсивно-прагматический уровень обеспечивает исследование механизма структурирования дискурса в речеповеденческом (процессуально-динамическом) аспекте. В контексте данного подхода текст как результат дискурсивного процесса является материальным воплощением инициальной установки адресанта. Это своеобразный итог дискурсивной (коммуникативной) ситуации. Таким образом, в лингвопрагматическом аспекте под текстом понимается *развернутая вербальная форма осуществления речемыслительного замысла автора (“говорящего”)*. Так, объем приведенного выше развернутого высказывания учителя позволяет проанализировать особенности информационной “динамики” представленного текста в стратегическом аспекте: говорящий (учитель) реализует свой коммуникативный замысел в процессе перехода от контрольно-оценочной стратегии к информационно-аргументирующей (подробнее см. [12]).

Итак, можно выделить системные аспекты изучения устной речи, находящие материальное выражение в “текстовых” свойствах результата этого процесса: а) внешние по отношению к тексту интегрирующие коммуникативно-ситуативные и дискурсивно-прагматические факторы организации речемыслительной деятельности коммуникантов; б) внутренние (когнитивные) факторы порождения, адекватного восприятия и интерпретации текста / дискурса на речедействительностном уровне.

Литература

1. Богемова О. В. Структура речевой ситуации и выбор директивного высказывания: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.05 / Оксана Владимировна Богемова. – С.Пб., 2002. – 192 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Илья Романович Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. Габидуллина А. Р. Педагогическая лингвистика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Алла Рашатовна Габидуллина. – Горловка: ГГПИИЯ, 2011. – 324 с.
4. Жуланова Е. А. Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Александровна Жуланова. – Екатеринбург, 2002. – 198 с.
5. Иакобишвили И. Словесные способы убеждения в речевой ситуации личного спора: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Инга Иакобишвили. – М., 2007. – 421 с.
6. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / Вадим Борисович Касевич. – М. : Наука, 1988. – 309 с.
7. Кириллова Н. О. Метафорическое моделирование речевой ситуации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Олеговна Кириллова. – Самара, 2008. – 207 с.
8. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста: Сб. статей / АН СССР, Ин-т русского языка. – М., 1979. – С. 18–36.
9. Лурия А. Р. Язык и сознание / Александр Романович Лурия. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / Михаил Львович Макаров – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280 с.
11. Олешков М. Ю. Интенции и стратегии в устном тексте / М. Ю. Олешков // Семиозис и культура: лабиринты смысла: монография / [под общ. ред. И. Е. Фадеевой, В. А. Сулимова]. – Сыктывкар : Коми пединститут, 2012. – С. 110–124.
12. Олешков М. Ю. Когнитивная модель интеракции / М. Ю. Олешков // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Ученые записки. Филологические науки. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – С. 9–14.
13. Шацких Н. Н. Речевые ситуации недосказанности в диалогическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталья Николаевна Шацких.– Барнаул, 2010. – 192 с.

Аннотація

М. Ю. Олешков. Речевая ситуация как объект комплексного лингвистического исследования

Текст как результат речевого процесса может быть проанализирован в четырех аспектах: коммуникативно-ситуативном, когнитивном, психолингвистическом и дискурсивно-прагматическом. Каждый вид анализа позволяет получить интересные данные и является одним из вариантов изучения речевой деятельности.

Ключевые слова: дискурс, текст, речевая ситуация.

Анотація

М. Ю. Олешков. Мовленнєва ситуація як об'єкт комплексного лінгвістичного дослідження

Текст як результат мовленнєвого процесу можна проаналізувати з погляду чотирьох аспектів: комунікативно-ситуативного, когнітивного, психолінгвістичного та дискурсивно-прагматичного. Кожний вид аналізу дозволяє отримати цікаві дані і є одним із варіантів вивчення мовленнєвої діяльності.

Ключові слова: дискурс, текст, мовленнєва ситуація.

Abstract

M. Yu. Oleshkov. Speech Situation as an Object of a Complex Linguistic Research

The article deals with texts as communication systems. It takes into account the form of a text, but also its setting, i.e. the way in which it is situated in an interactional, communicative context. Both the author of a spoken text as well as its addressee are taken into consideration in their respective (social and / or institutional) roles in the specific communicative context. In general it is an application of discourse analysis at the much broader level of text, rather than just a sentence or word. Any text being the result of speech process may be analyzed in four aspects: communicative-situational, cognitive, psycholinguistic and discourse-pragmatic. Every of these approaches results in revealing interesting data and it is a variant of speech analysis. The article provides the overview of linguistic approaches to text and discourse analysis. Although these approaches emphasize different aspects of language use, they all view language as social interaction, and are concerned with the social contexts in which discourse is embedded.

Key words: discourse, text, speech situation.

О. А. Сулейманова
(Москва, Россия)

УДК 81'1

**ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АТТРИБУТИВНОЙ ГРУППЕ:
КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Проблема порядка следования определений в развернутой атрибутивной группе неизменно находится в поле зрения лингвистов, работающих в рамках различных парадигм, в каждой из которых предлагается объяснение на основе господствующих в ней представлений. При этом предлагаемые интерпретации находятся в отношении дополнительной дистрибуции, дополняя и расширяя друг друга. Как представляется, одно из возможных объяснений можно предложить на основе использования теории классов (языковой категоризации), дополнив ее теорией актуального членения.

1.0. Языковая категоризация

Проблемы языковой категоризации в разные периоды развития лингвистической науки регулярно попадают в фокус внимания. При этом в различные периоды ее развития, в зависимости от доминирующих парадигм, акцент делается на различных ее аспектах: так, в период всеобщего внимания к проблемам категории детерминации речь шла о проблемах референции, которая сменяется всеобщим интересом к процессам языковой категоризации в свете теории прототипов.

Интерес к исследованию особенностей языковой категоризации, как известно, имеет долгую историю и уходит корнями в античные теории языка. Поскольку проблема категоризации

непосредственно связана с выживанием человека в окружающем его (часто враждебном) мире (для того, чтобы оперировать объектами и процессами, необходимо классифицировать, т.е., категоризовать их, распределить по классам), она всегда привлекала внимание ученых. Каждый новый объект, поступающий в сферу действия индивида, с необходимостью помещается в некоторый класс и далее с ним взаимодействует таким образом, который принят при “общении” с объектами данного класса. Таким образом, принадлежность к данному классу объектов (правила взаимодействия с которым установлены опытным путем в ходе фило- и онтогенеза) обладает высокой прогностической силой, снимая энтропию и позволяя человеку чувствовать себя комфортно в предсказуемом, и потому уже неопасном, мире.

Понимание категории как основных и наиболее общих понятий наук зарождается в Древней Греции (ФЭ 1960-1970), получает развитие в трудах Платона (он выделял пять категорий) и Аристотеля (десять категорий), далее Кант выделяет уже несколько разрядов категорий, в его работах уже появляется категория модальности (понимаемой широко). В марксистской теории категория получает всестороннее определение, где отмечается ее нетождественность реальной действительности, это изолированная абстракция, существенное обобщение; категории взаимосвязаны и по сути представляют собой законы существования действительности: это ступенька к познанию мира, по которой идет восхождение к более содержательным и развитым сущностям.

Иными словами, категория представляет собой инструмент познания и результат познания, существует на различных уровнях обобщения – есть категории более общие и более частные.

Развитие когнитивной парадигмы стимулирует интерес к процессам языковой категоризации (отнесение объектов к определенным рубрикам опыта – категориям, или концептуальное объединение объектов [2]).

1.1. Описательная сила теории классов и ее роль в процессах языковой категоризации

Проблема выявления когнитивных оснований порядка следования определений в атрибутивной цепочке также принимает вид проблемы языковой категоризации, в частности, регламентируется теорией классов, когда принципы языковой категоризации позволяют интерпретировать эту интересную особенность языка. Особенно актуальна проблема выбора порядка следования определений, в случае если говорящий использует неродной язык. Так, традиционно вопрос о порядке следования элементов в многокомпонентных атрибутивных словосочетаниях предлагается решать на основе статистически установленной семантической закономерности, а именно: прилагательные располагаются в следующем порядке: *размер, объем, мягкость, температура, влажность, тяжесть, форма, возраст, цвет* (Тер-Минасова) – *thick straight blond hair*. В работе С. Г. Тер-Минасовой [6, с. 34] показано, что прилагательные, обозначающие цвет, как правило, располагаются ближе всего к существительному, в то время как прилагательные со значением размера обычно наиболее удалены от существительного, ср.: *little round green tables, big multicolored skirts*. Рассмотрев прилагательные, обозначающие размер, *объем, мягкость, температуру, влажность, тяжесть, форму, возраст, цвет*, С. Г. Тер-Минасова приходит к выводу, что они размещаются по отношению к определяемому в перечисленном выше порядке, ср.: *thick straight blonde hair; short thick blonde hair; fat smooth round face*.

При этом, по ее мнению, возможны отклонения от этого порядка, которые могут быть вызваны индивидуально-авторскими соображениями (стиль, эмпфаза), лексическими особенностями данного словосочетания, ср.: *great tawny-coloured intelligent eyes*. Такое описание не позволяет, однако, объяснить вариативность реально существующих правильных фраз *a fat old lady vs. an old fat lady*.

Анализ текстового материала показывает, что данный семантический фактор не всегда является ключевым при распределении порядка следования компонентов атрибутивного словосочетания, ср.: *a wet dirty cloth vs. a dirty wet cloth* – в речи могут встретиться оба этих словосочетания. Как представляется, вывод о зависимости порядка следования компонентов словосочетания и лексического значения его компонентов основывается скорее на статистических подсчетах, лингвистической интуиции, а не на научном принципе, поскольку аргументации авторами не предлагается.

В частности, некоторые зарубежные и отечественные лингвисты полагают, что синтаксическая структура словосочетания определяется лексическим содержанием его компонентов. Так, А. Хорнби [7, с. 229] указывает на определенную последовательность компонентов в соответствии с их значением: *определители, качество, размер, длина, форма, цвет, материал*,

назначение, определяемое существительное, ср.: *a very valuable old gold watch; those smart brown snake skin shoes.*

2.0. Когнитивные основания категоризации

Как представляется, порядок следования можно задать общим классификационным принципом, составляющим когнитивную основу категоризации мира и его языкового отражения [5].

При анализе исходной именной группы (ИГ) необходимо выявить прилагательное, при помощи которого выделяется четкий, **устойчивый класс** единиц на основе объективных признаков, например, в ИГ *красивый новый двадцатиэтажный дом* таким определением будет *двадцатиэтажный*. Определение *новый* также выделяет **устойчивый подкласс**, а *красивый* выделяет некоторый **подкласс на основе исключительно субъективных критериев**. Иными словами, говорящий руководствуется осознанием того, существует ли данный (под)класс объектов, с одной стороны, и тем, насколько релевантно выделение данного подкласса в данном случае. При этом то определение, которое непосредственно предшествует существительному, и будет выделять некоторый подкласс в рамках данного класса – например, *узкая проселочная дорога* предполагает существование подкласса *проселочных* дорог (в отличие от *шоссейных*), а свойство *быть узкой* не является абсолютно общепризнанным параметром и может быть оспорено: *Какая же она узкая! Вполне можно разъехаться!*

Иными словами, если речь идет о нейтральном контексте, вероятно появление словосочетания *a fat old lady*, поскольку объективно существует класс пожилых женщин, и возрастной параметр более важен. Выражение *an old fat lady* вероятно в контекстах, где речь идет о системах питания, ожирении и под. (параметр менее релевантный и всеохватывающий, чем возраст), и в связи с этим выделяется подкласс тучных дам, среди которых одна пожилая, и говорящий считает это важным.

Таким образом, порядок следования компонентов в рамках ИГ определяется в первую очередь релевантностью выделения именно данного подкласса в рамках некоторого заданного класса объектов. Чем более постоянен признак, тем ближе его расположение обозначающего его слова к определяемому существительному; и чем субъективнее признак, тем дальше от существительного. Говорящий начинает с субъективного: *хорошо отремонтированная светлая трехкомнатная квартира*. Вместе с тем, для говорящего не всегда значима принадлежность объекта к точно заданному классу, и возможна вариативность, ср. *Я хочу найти себе красивого и умного мужа / умного и красивого мужа*, где оба параметра могут быть в равной степени значимыми для говорящего. Ср. тж. возможное *трехкомнатная, хорошо отремонтированная, светлая квартира*, где (через запятую – см. о роли запятой в атрибутивной цепочке работу К. Я. Сигал) в речи агента по недвижимости перечисляются релевантные параметры в порядке убывания релевантности. При этом запятая (в письменной речи), или интонационный рисунок фразы отчетливо маркируют то, что логическая последовательность нарушена *ad hoc*.

Предложенный принцип вполне согласуется с принципами интерпретации данного явления в рамках различных иных подходов. Так, в работе О. К. Ирисхановой [3], которая анализирует понятие “распределение внимания” в комплексных лексических единицах, используя термины *фокусирование* и *дефокусирование*, ср.: существительное *blackmail*, образованное от словосочетания прилагательного *black* и существительного *mail*. В сознании современных носителей языка второй компонент утратил свое первоначальное значение и переместился во вторичный фокус, а первичным (и более коммуникативно-значимым) стал компонент *black*, что полностью изменило значение всего сочетания. Так, присоединение нового компонента позволяет выделить новый подкласс внутри более крупного класса объектов.

В работе Л. П. Крысина [4] также предлагается развернутое обоснование наблюдаемым закономерностям в порядке следования атрибутов. Во-первых, из нескольких прилагательных, сочетающихся с тем или иным существительным, ближе всего к нему то, которое имеет больше общих с ним смысловых черт, чем все другие определения. Иными словами, оно характеризует широкий класс предметов и потому имеет с данным существительным больше общности, чем все другие определения. Так, например, в сочетании *маленькая быстрая буланая лошадь* у прилагательного *буланая* больше общности в смысле со словом *лошадь*, чем у прилагательных *быстрая* и *маленькая*. То есть *булаными* могут быть только лошади, а *быстрыми* – и другие животные (ср.: *быстрый олень, быстрая рыбка*), и действия, свойства (*быстрая езда, быстрая реакция*). Словом *маленький* может характеризоваться еще более обширный класс предметов,

явлений, свойств, ср.: *маленькое расстояние, маленький пузырек, маленькое облако, маленькая удача*.

Во-вторых, слева от определяемого обычно находится такое прилагательное, сочетание которого с данным существительным можно преобразовать в оборот с глаголами-связками *являются, быть*, ср.: *буланая лошадь*, то есть *лошадь, которая является (была) буланой*. Левее стоит прилагательное, сочетание которого с существительным преобразуется в такое выражение, которое содержит слова, повторяющие часть смысла определяемого существительного: *быстрая лошадь*, то есть *лошадь, которая быстро бежит* (смысл глагола *бежать* имеет общую часть со смыслом слова *лошадь*, в толковании этого существительного непременно указывается, что лошади могут использоваться для перевозки тяжестей, для полевых работ, для бега в спортивных состязаниях). Еще левее располагается прилагательное, сочетание которого с существительным можно перефразировать в оборот, содержащий глагольную связку и сочетание “для + это существительное в родительном падеже”: *маленькая лошадь*, то есть *лошадь, которая является маленькой для лошади* (т.е. по сравнению с другими лошадьми или с нашим представлением о том, каков должен быть рост обычной лошади).

В-третьих, согласно наблюдениям Л. П. Крысина, в ряду неоднородных определений одного существительного порядковое числительное ставится перед всеми прилагательными, ср.: *первый большой заключительный концерт, второй прямоугольный равнобедренный треугольник*. Оно имеет более отвлеченное значение, может сочетаться с более обширным классом имен существительных, чем любое, даже самое абстрактное по значению прилагательное.

Далее автор указывает, что если в числе определений есть местоимение типа *этот, весь, такой, всякий, никакой, какой-нибудь, какой-то, наш, ваш*, оно располагается самым первым (или самым левым) в цепочке определений, так как местоимение употребляется вместо любого имени и наиболее абстрактно по смыслу. Поэтому говорят – *эта тяжелая стальная плита, ваш прекрасный большой душистый букет цветов, всякое первое самостоятельное дело, какой-то маленький пожилой усталый небритый человек*.

В итоге Л. П. Крысин предлагает следующую формулу порядка следования неоднородных определений при существительном. По мнению автора, первым ставится местоименное определение, затем порядковое числительное, за ним – оценочное прилагательное типа *хороший, прекрасный, великолепный, отвратительный* и под., затем следует определение, характеризующее величину, затем – форму предмета, за ним – цвет и материал и, наконец, прилагательное, называющее функцию или состояние предмета (или существа) [4]. Такая интерпретация, тем не менее, не обладает достаточной описательной силой для объяснения вариативности фраз типа *a fat old lady* и *an old fat lady, nourishing healthy food* и *healthy nourishing food*.

Таким образом, выводы, к которым приходят О. А. Сулейманова, О. К. Ирисханова, Л. П. Крысин и К. Я. Сигал, совпадают в значительной степени.

2.1. Порядок следования определений

Применим эти аргументы к анализу следующих атрибутивных конструкций: *white healthy teeth* vs. *white healthy teeth*. В нейтральном контексте возможно появление словосочетания *white healthy teeth*, поскольку объективно существует класс людей со здоровыми зубами, внутри этого класса выделяются люди с белыми зубами, что является более важным параметром с точки зрения говорящего. Напротив, в выражении *healthy white teeth* речь идет о классе белоснежных зубов, среди которых могут быть зубы здоровые и не очень. Параметр *healthy* уточняет, какая именно характеристика зубов важна в данной ситуации.

Иными словами, первый компонент в атрибутивной конструкции является главным и наиболее значимым с коммуникативной точки зрения. Если говорить об актуальном членении атрибутивного словосочетания, то первое слово можно определить как рему, последующее определение имеет функцию переходного компонента, а определяемое слово является темой, ср.: *white (P) healthy (ПК) teeth (T); trendy (P) silk (ПК) dress (T)*.

Интересно привести еще одну интерпретацию принципов порядка следования определений в атрибутивной цепочке – она была предложена в работах пражских лингвистов и позже поддержана и аргументирована в диссертации Н. Н. Беклемешевой [1]. Данная интерпретация основана на теории актуального членения.

Впервые актуальное членение к анализу словосочетаний применил А. Свобода, выдвинув предположение о том, что факторы, влияющие на коммуникативную значимость компонента, применимы не только в рамках предложения, но и более “мелкой” структуры, например,

словосочетания. А. Свобода опирается на семантическую схему, разработанную Я. Фирбасом, согласно которой порядок следования компонентов словосочетания определяется их семантикой и имеет следующую последовательность: *носитель качества – качество – уточнение*. Согласно этой схеме коммуникативная значимость компонентов нарастает по мере продвижения коммуникации – от указания на носителя качества к качеству и уточнению характера этого качества. Соответственно, в рамках словосочетания каждый атрибут продвигает коммуникацию на шаг дальше и имеет большую коммуникативную значимость, чем главное слово. Таким образом, в словосочетании *a big brown toy bear* самую высокую коммуникативную значимость будет иметь компонент *big*, выполняющий семантическую функцию уточнения [1].

Предлагаемая в рамках теории актуального членения интерпретация вполне конгруэнтна интерпретациям, полученным в рамках иных теорий, что в известной степени свидетельствует об адекватности полученных результатов, равно как и о валидности и непротиворечивости подходов, на основе которых осуществлены все описания. При этом выделение двух уровней языковой категоризации, связанных с идентификацией объекта либо до уровня члена класса (подкласса) или, напротив, до уровня индивида, позволяет объяснить ряд спорных аспектов языковой системы.

Литература

1. Беклемешева Н. Н. Интерпретация вторично-предикативных структур в перспективе актуального членения : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Н. Беклемешева. – М., 2011. – 285 с.
2. Болдырев Н. Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. – Москва-Тамбов, 2010. – С. 45–60.
3. Ирисханова О. Л. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах / О. Л. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII Типы категорий в языке. – Москва-Тамбов 2010. – С. 78–94.
4. Крысин Л. П. Русское слово. Свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
5. Сулейманова О. А. Некоторые семантические типы субстантивов и местоименные актуализаторы *весь / целый* и *all / whole*: дисс. на соискание...канд. филол. наук 10.02.19 / О. А. Сулейманова. – М., 1987. – 257 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. “Иностр. яз.”] / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Высш. шк., 1981. – 144 с.
7. Хорнби А. С. Конструкции и обороты английского языка [Учеб. пособие : Пер. с англ.] / А. С. Хорнби. – М. : ТОО «Новина» Б. г., 1996. – 334 с.

Аннотация

О. А. Сулейманова. Порядок следования определений в атрибутивной группе: когнитивная интерпретация

В данной статье рассматриваются проблемы языковой категоризации, связанные с попыткой интерпретации порядка следования определений в атрибутивных группах через процессы категоризации, в частности, через теорию классов. Показано, что в основе языковой категоризации на базе данных языковых средств лежат различные когнитивные механизмы, категоризация соотносена с теорией классов.

Ключевые слова: *порядок слов, категоризация, теория классов, когнитивный, семантика, определения.*

Анотація

О. А. Сулейманова. Порядок розташування означень в атрибутивній групі: когнітивна інтерпретація

Пропоновану статтю присвячено проблемам мовної категоризації, пов'язаним зі спробою інтерпретувати порядок розташування означень в атрибутивних групах через процеси категоризації, зокрема через теорію класів. Доведено, що підґрунтям мовної категоризації на основі досліджуваних мовних засобів є різні когнітивні механізми; категоризацію співвіднесено з теорією класів.

Ключові слова: порядок слів, категоризація, теорія класів, когнітивний, семантика, означення.

Abstract

O. A. Suleymanova. Word Order in an Attributive Phrase: Cognitive Interpretation

The paper focuses on the problem of linguistic categorization which is directly related to the word order within an attributive phrase. The word order has been considered in the terms of the theory of classes. It has been demonstrated that the linguistic categorization can be based on different cognitive “mechanisms”. Linguistic categorization is related to the theory of classes. It has been stated that the order of the components within the attributive phrase is determined primarily by the relevant selection of the subclass within a given class of objects. The more constant the feature of the noun is, the closer is the attribute to the noun, and the more subjective the feature of the noun is, the further is the attribute from the noun. The proposed principle is in accordance with some other existing approaches to the interpretation of this phenomenon in linguistics.

Key words: word order, categorization, theory of classes, cognitive, semantics, attributes.

И. В. Фирсова
(Горловка)

УДК 81.373.7; 811.133.1

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Как известно, метафора (греч. “перенос”) – это фигура речи, в основе которой лежит перенос названия лиц, явлений, предметов, действий или признаков для обозначения других объектов по сходству и аналогии. Другими словами, употребление названий не по их прямому назначению. Метафора принадлежит к одному из приемов познания действительности, создания новых художественных образов, образования новых значений. Как следствие, большое количество лексических единиц образовано метафорически. Иногда переносное значение слова вытесняет первичное, и оно больше не воспринимается как слово с переносным значением.

Метафора выполняет в языке различные функции: номинативную, когнитивную, художественную. Это явление не только поэтики, но и языка в целом. Первым, кто противопоставил поэтической метафоре языковую, был известный швейцарский лингвист Ш. Балли, описавший всеобщую метафоричность языка [1, с. 381]. Не стоит забывать о двойственности метафоры. Она является не только средством выражения, но и орудием мышления. Как замечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, данные языковые средства “становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. И если наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой” [6, с. 390].

Метафора прочно вошла в нашу повседневную жизнь, где она, реализуя свою когнитивную роль, служит образным отражением действительности. Как говорит И. Р. Гальперин, “именно метафора, создающая конкретный образ абстрактного понятия, даёт возможность разного толкования реальных сообщений” [4, с. 280]. Поэтому вполне закономерно, что современное исследование метафоры переместилось в область изучения практической речи (термин Н. Д. Арутюновой) и в те сферы, которые обращены к когниции (мышлению, познанию и сознанию), к концептуальным системам. Через метафору ученые пытаются понять процессы создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа. К числу таких универсалий относится категория пространства. Содержание окружающего мира, движение как всеобщее свойство сущего невозможно без данной категории. Пространство – это форма существования материи, которая указывает на протяженность и расположение объектов относительно друг друга. Локализация этих объектов образует структуру пространства.

Пространственные характеристики имеют свою специфику на уровне живой природы и социальной действительности. Имея в виду последнее, уместно говорить о социальном пространстве как определенном отношении человека к миру, исторически обусловленном

особенностями его деятельности и практики. Познание пространства каждым отдельным народом играет весьма важную роль в формировании его национального менталитета. Человек познает мир именно через пространственные значения. “Одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира – категоризация пространства” [5, с. 22]. Язык, тесно связанный с сознанием, вербализует эти знания.

Цель статьи – рассмотреть типы и способы метафорической вербализации концептов посредством пространственных образов-схем; проанализировать недостаточно разработанные в современной романистике концептуальные характеристики словесных форм и синтаксические структуры метафорических выражений с пространственным значением. *Объектом исследования* являются метафоры французского языка с пространственным значением. *Главным источником примеров* стал “Dictionnaire d'apprentissage de la langue française” [8].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что пространственная метафора является едва ли не самой распространенной для описания эмоциональных состояний, и указывают на лингвоспецифичность метафорических выражений такого рода [3, с. 277]. В свою очередь, Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют два типа метафор, рассматриваемых относительно времени и пространства: (а) онтологические, то есть метафоры, позволяющие видеть события, действия, эмоции, идеи и т. д. как некую субстанцию, и (б) ориентированные, то есть метафоры, не определяющие один концепт в терминах другого, но организующие всю систему концептов в отношении друг к другу [6, с. 387–415].

Известны три способа восприятия человеком окружающего мира: перцептивный, репрезентативный и межличностный. Прямое восприятие происходит через образы-схемы [2, с. 150]. Образ-схема – это предконцептуальная зона когниции. Перцепция и концепция не могут существовать обособленно, они неразрывны друг от друга. Перцептуальное (прямое) восприятие идет через образы-схемы, которые затем неизбежно концептуализируются, после чего у них появляется возможность вербализоваться.

Во французском языке имеет место значительное количество метафор, первичное номинативное значение которых указывает на определенное расположение в пространстве (конкретное), а метафорическое – на эмоциональное состояние человека (абстрактное). Базой для формирования метафорических высказываний с пространственным значением является концептуализация образов-схем *haut / bas* (низ / верх), *devant / derrière* (вперед / сзади), *gauche / droite* (слева / справа), имеющих мифологические и религиозные формы, связанные с концептами *счастье / несчастье; удача / неудача; хорошо / плохо* и т. д. [6], и последующей проекцией конкретного домина бытия, связанного с человеческим телом, на абстрактный домин человеческих чувств [7, с. 333–334]. Пространственные образы-схемы *dedans / dehors* (внутри / снаружи); *dessus / dessous* (сверху / снизу); *profond / peu profond* (глубоко / мелко); *central / périphérique* (центральный / периферийный) также являются ключевыми когнитивными бинарными оппозициями в силу того, что они образуют четырехмерность пространства как главное свойство пространственно-временного континуума. Действительно, многие пространственные понятия зависят от физиологии человека, его способностей и восприятия им физического мира.

Исходя из вышесказанного, можно условно выделить две группы концептов, выраженных через пространственные метафоры:

1. Положительные концепты, имеющие первичные образы-схемы, ориентированные на *верх* (*haut*), *вперед* (*devant*), *справа* (*droite*), *сверху* (*dessus*) и вербализованные в метафорах *être aux anges; être au paradis; être au septième ciel; être devant le fruit de nos recherches; être devant la difficulté; être devant la complexité de qqch; mettre devant le fait accompli; ne reculer devant rien; avoir de l'argent devant soi; être (aller) au-devant du danger; être (aller) au-devant des désirs de qq; avoir le nez dessus; mettre le doigt dessus; mettre la main dessus*.

2. Негативные концепты, имеющие первичные образы-схемы, ориентированные на *низ* (*en bas*), *сзади* (*derrière*), *снизу* (*dessous*), *слева* (*gauche*) и вербализованные в метафорах *être au plus bas; être en chute libre; être retombé dans la dépression; être derrière les apparences; avoir les idées de derrière la tête; être dans le trente-sixième dessous; être au dessous de tout; avoir le dessous*.

Видно, что процесс концептуализации образов-схем осуществляется посредством использования когнитивных ресурсов словесных форм. Словесные формы, выражающие

пространственные метафоры, имеют в данных высказываниях следующие концептуальные характеристики:

- глагол с пространственным значением;
- пространственный предлог (*à, devant, derrière, dans, dessous, dessus, en*).

Из всех проанализированных выражений только 2% имеют локативные существительные. С точки зрения структурной организации, описанных в данной работе способов концептуальной репрезентации метафор пространства можно выделить следующие синтаксические модели:

- *Vstat Prép N* (I-1,2,3,4,5,6,7,10,11 ; II- 1,2,3,4,6,7);
- *V Prép Pron* (I-8);
- *V N Prép Pron* (I-9);
- *V N Prép* (I-12,13,14);
- *V N Prép N* (II-5);
- *V N* (II-8).

Итак, метафора – это средство познания окружающей нас действительности и создания языковой картины мира. Она, пропуская через себя, отражает различные стороны физического и культурного опыта. *Проведенный анализ позволяет установить*, что в результате концептуализации первичных пространственных образов-схем появились метафорические выражения, характеризующие чувства и эмоции, в которых пространственные ориентиры *верх (haut), впереди (devant), справа (droite), сверху (dessus)* соотносятся с положительными эмоциями и концептами, а *низ (en bas), сзади (derrière), снизу (dessous), слева (gauche)* – с негативными.

Словесные формы данных метафор преимущественно имеют концептуальные характеристики пространственных глаголов и предлогов, в меньшей степени – локативных существительных. Непространственные существительные в анализируемых выражениях отвечают на вопрос “Где?”, что указывает на употребление выражения в переносном значении. Наиболее распространенной среди исследуемых метафорических выражений является синтаксическая модель *VstatPrépN* (70%), состоящая из компонентов с пространственным значением. *Для дальнейшего изучения являются перспективными такие вопросы*, как способы образования вторичной номинации метафорических выражений с пространственным значением, особенности функционирования в тексте метафор пространства.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Шарль Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 393 с.
2. Блонский П. П. Память и мышление / Павел Петрович Блонский. – С.Пб. : Питер, 2001. – 288 с.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелева. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / Илья Романович Гальперин. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
5. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Елена Самуиловна Кубрякова // Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы). – М. : Изд. РАН, 1997. – С. 22–31.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Джордж Лакофф, Марк Джонсон // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 387–415.
7. Найссер У. Познание и реальность / Ульрик Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 359 с.
8. Le nouveau Petit Robert: dict. alph. et analogique de la lang. fr. Nouv. éd. du Petit Robert de P. Robert. Texte remanié et amplifié sous la dir. de Josette Rey-Debove et Alain Rey. – P. : Dict. Le Rober, 2004. – 1650 p.

Аннотация

И. В. Фирсова. Концептуализация метафоры пространства (на материале французского языка)

Метафора – это явление, которое выполняет в языке различные функции: номинативную, когнитивную, художественную; помогает понять процессы формирования национально-специфического видения мира, его универсального образа. В настоящей статье сделана

попытка рассмотреть типы и способы метафорической вербализации концептов посредством пространственных образов-схем; проанализировать концептуальные характеристики словесных форм и синтаксические структуры метафорических выражений с пространственным значением.

Ключевые слова: метафора, пространство, концепт, концептуализация, образы-схемы, локативность.

Анотація

I. В. Фірсова. Концептуалізація метафори простору (на матеріалі французької мови)

Метафора – це явище, яке виконує в мові різні функції: номінативну, когнітивну, художню; допомагає зрозуміти процеси формування національно-специфічного бачення світу, його універсального образу. У цій статті зроблено спробу розглянути типи й способи метафоричної вербалізації концептів за допомогою просторових образів-схем; проаналізувати концептуальні характеристики словесних форм і синтаксичні структури метафоричних виразів з просторовим значенням.

Ключові слова: метафора, простір, концепт, концептуалізація, образи-схеми, локальність.

Abstract

I. V. Firsova. Conceptualization of “Space” Metaphor in the French Language

Metaphor is a phenomenon which performs various functions in the language: nominative, cognitive, artistic; it helps to understand the processes of the formation of national-specific vision of the world, its universal image. Metaphor serves to facilitate the understanding of one conceptual domain through expressions that relate to another. It is a framework for thinking in language. In this article an attempt to examine some types and means of metaphoric verbalization of the concept “space” in the French language has been made. Two groups of concepts expressed through spatial metaphors have been singled out: positive concepts with “top” image-oriented schemes (*être aux anges; être au paradis; être au septième ciel; être devant le fruit de nos recherches*); negative concepts with “bottom” image-oriented schemes (*être au plus bas; être en chute libre; être retombé dans la dépression; être derrière les apparences*;). The conceptual characteristics of words and the syntactical structures of metaphorical expressions have been analyzed.

Keywords: metaphor, space, concept, conceptualization, image-schemes, locative.

I. В. Чернишова
(Горлівка)

УДК 811.11

ПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИСЛОВЛЮВАНЬ З ТЕМПОРАЛЬНИМИ МАРКЕРАМИ ОЦІННОСТІ “СВОГО/ЧУЖОГО” ПРОСТОРУ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОГО ТЕКСТУ БІБЛІЇ)

Метою дослідження є виявлення прагматичних особливостей висловлювань з темпоральними маркерами оцінності “свого/чужого” простору в англійському тексті Біблії, у зв’язку з чим вважаємо за доцільне проаналізувати категорії дейксису та оцінки. Дейксис витлумачується як категорія, за допомогою якої здійснюється вказівка на учасників акту комунікації, її місце та час. Дейктичні засоби визначають координати комунікативного акту, у ролі яких постають мовець та слухач (“я” / “ми”, “ти” / “ви”), місце здійснення комунікації (“тут”) та її час (“зараз”), а також імпліцитно здійснюється вказівка на особу або осіб, що не беруть участі в акті комунікації (“він”, “вона” / “вони”), місце, яке не є місцем комунікації (“там”), та час, що не є часом здійснення комунікації (“тоді”). Ю. Д. Апресян [1], В. В. Бурлакова [5] та ін. виділяють три основні типи дейксису: персональний (особовий), локальний (просторовий) та темпоральний (часовий). У персональному дейксисі досліджуються особові та присвійні займенники, що окреслюють межі світів першої, другої та третьої особи, у локальному – вказівні займенники та прислівники місця, у темпоральному – прислівники часу.

Ми розглядаємо оцінку як мовну категорію, яка відображає суспільно-особистісне уявлення про добро і зло, про цінність, корисність об'єктів, предметів або явищ та передає позитивне або негативне ставлення суб'єкта оцінки до її об'єкта. Відповідно до цього, головними елементами оцінної структури постають: суб'єкт оцінки, її об'єкт та характер [2; 4].

Проблема оцінності дейктичних маркерів співвідноситься з категорією “свого/чужого”, лінгвістичні засади якої досліджуються такими науковцями, як Н. Д. Арутюнова [3], А. Б. Пеньковский [6] та ін. На думку багатьох з них, протиставлення двох світів – “свого” та “чужого” – має множинну інтерпретацію й реалізується в опозиціях типу “ми/вони”, “я/ти”, “позитивний/негативний”, “близький/далекий”, що зумовлює ставлення до “свого” як нормального, а “чужого” як аномального. З огляду на сказане, саме займенники та займенникові структури можуть служити знаками “свого” або “чужого” простору, набуваючи при цьому позитивного або негативного знаку оцінки.

Задля реалізації поставленої мети запропонованої статті нами було виявлено оцінні речення з темпоральними маркерами “свого” (*now*) та “чужого” (*then*) простору й досліджено їхні комунікативно-прагматичні особливості.

Серед комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких маніфестовано позитивну оцінку, що актуалізується щодо моменту мовлення в англійському тексті Біблії, найбільш чисельним є репрезентативний тип (100%), при вживанні якого мовець переконаний у істинності свого судження, він констатує позитивний стан справ, позитивно-оцінні дії, що відбуваються «зараз», або співвідносить час мовлення з позитивно-оцінними особами і у такий спосіб непрямо оцінює час, що маніфестується прислівником *now*. Репрезентативні оцінні висловлювання оформлено як розповідні речення, що містять оцінні лексичні одиниці, які виявляють емоційний стан комунікантів на момент спілкування і додають висловлюванню оцінного змісту: *And that, knowing the time, that now it is high time to awake out of sleep: for now is our salvation nearer than when we believed* (Romans 013: 011). Адресант позитивно оцінює час, що вербалізується прислівником *now*, за допомогою лексеми *salvation* (deliverance from sin and its consequences, believed by Christians to be brought about by faith in Christ) та словосполучення *high time* (the latest possible time; a time that is almost too late). Використовуючи репрезентатив, мовець упевнений у істинності свого судження та намагається переконати адресата в тому, що “зараз” є сприятливим часом для пробудження, часом спасіння.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації позитивної оцінки моменту мовлення в англійському тексті Біблії, свідчить про те, що у 100% випадків використовуються репрезентативні мовленнєві акти: адресант прямо заявляє про співвіднесеність часу “зараз” з позитивною оцінкою, він упевнений у правильності свого судження та намагається переконати в цьому адресата.

Серед комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких вербалізовано негативну оцінку, що актуалізується щодо моменту мовлення *now* в англійському тексті Біблії, ми виокремлюємо репрезентативні, квеситивні, директивні та комісивні типи. Проаналізувавши приклади фактичного матеріалу, ми отримали такі статистичні дані:

1. Спостерігаємо середню частоту функціонування репрезентативних мовленнєвих актів (68%), при вживанні яких мовець переконаний в істинності свого судження, він констатує негативний стан справ, негативно-оцінні дії, що відбуваються “зараз”, або співвідносить час мовлення з негативно-оцінними особами і у такий спосіб непрямо оцінює час, що маніфестується прислівником *now*: *Little children, it is the last time: and as ye have heard that antichrist shall come, even now are there many antichrists; whereby we know that it is the last time* (1 John 002: 018). Адресант негативно оцінює час, що передається прислівником *now*, за допомогою лексеми, яка вербалізує негативно-оцінну особу *antichrists* (*antichrist* – a person or force seen as opposing Christ or the Christian Church). Використовуючи репрезентатив, мовець упевнений в істинності свого судження та намагається переконати адресата в тому, що “зараз” не є сприятливим часом для людства, бо є часом перед кінцем світу.

2. Квеситиви складають 25% дібраного фактажу (з-поміж яких 92% є непрямыми мовленнєвими актами); директиви складають 4%; комісиви представлено переважно промісивами (96%), вони характеризуються низькою частотою функціонування й складають відповідно 3% матеріалу. Наведемо приклад використання квеситивного мовленнєвого акту: *And Moses said, Wherefore now do ye transgress the commandment of the LORD?* (Numbers 014:

041). Негативну оцінку адресата маніфестовано за допомогою дієслова “пороків” *transgress* (go beyond the limits of what is morally, socially, or legally acceptable), а актуалізація моменту мовлення відбувається за допомогою прислівника часу *now*: мовець незадоволений адресатом, він уживає непрямий мовленнєвий акт у формі квеситиву для маніфестації обурення його вчинками, що відбуваються “зараз”, і це зумовлює непрямую негативну оцінку моменту мовлення *now*. Використовуючи непрямий мовленнєвий акт, адресант має на меті висловити негативну оцінку світу другої особи та виявити свій негативний емоційний стан, зумовлений діями адресата.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації негативної оцінки моменту мовлення в англійському тексті Біблії, доводить, що у більшості випадків (68%) використовуються репрезентативні мовленнєві акти: адресант стверджує про негативний стан справ, негативно-оцінні дії, які відбуваються “зараз”, або співвідносить час мовлення з негативно-оцінними особами, що зумовлює непрямую негативну оцінку часу, актуалізація якого відбувається за допомогою прислівника *now*. Метою мовця є висловлення негативного ставлення до об’єкта оцінки та переконання адресата змінити своє ставлення до певних осіб або речей.

Варто зауважити, що в англійському тексті Біблії нами не було виявлено речень позитивної оцінки з темпоральним маркером “чужого” простору *then*, тому дослідження обмежено виявленням комунікативно-прагматичних особливостей речень негативної оцінки. З-поміж комунікативно-прагматичних типів висловлювань, у яких вербалізовано негативну оцінку, що актуалізується в реченнях з темпоральним маркером “чужого” простору *then* в англійському тексті Біблії, ми виокремлюємо виключно квеситивні типи (100%), представлені найчастіше риторичними питаннями (83%). Наприклад: *Wherefore then didst thou not obey the voice of the LORD, but didst fly upon the spoil, and didst evil in the sight of the LORD?* (1 Samuel 015: 019) Негативна оцінка адресата уможливується за допомогою дієслова *obey* (submit to the authority of (someone) or comply with (a law)), ужитого в заперечному реченні, з цією ж метою використовуються лексеми *spoil* (waste material brought up during the course of an excavation or a dredging or mining operation) та *evil* (profoundly immoral and wicked); дейктичний маркер *then* слугує інтенсифікатором негативної оцінки та негативних почуттів і емоцій з боку адресанта. Використовуючи квеситивний мовленнєвий акт, мовець воліє знати, що підштовхнуло адресата до ігнорування Божих заповідей та негативно-оцінних вчинків.

Інший приклад: *Wherefore then should thy servant be yet a burden unto my lord the king?* (2 Samuel 019: 035). У висловлюванні незгода мовця бути тягарем для свого царя вербалізується за допомогою лексеми *burden* (a load, typically a heavy one). За формою цей непрямий мовленнєвий акт є квеситивом, який може бути трансформовано у репрезентатив таким чином: *Wherefore then should thy servant be yet a burden unto my lord the king? – I do not want be yet a burden unto my lord the king.* Метою мовця є висловлення свого негативного ставлення до того, що інші люди можуть сприймати його як тягар для свого царя, він не згоден з цим, виявляє свій незадовільний емоційний стан, інтенсифікація якого уможливується використанням прислівника *then*.

Комунікативно-прагматичний аналіз висловлювань, що вживаються для вербалізації негативної оцінки в реченнях з прислівником *then* в англійському тексті Біблії, виявляє, що переважає квеситивний комунікативний тип (100%), зокрема непрямі мовленнєві акти, які найчастіше маніфестовано риторичними питаннями (83%). У такий спосіб мовець воліє запитати про інформацію і висловити своє негативне ставлення та емоційний стан (у випадку використання квеситивного типу) або маніфестувати негативне ставлення та виявити незадовільний емоційний стан (у випадку використання непрямих мовленнєвих актів), що свідчить про завуальованість намірів адресанта щодо більш дієвого впливу на адресата. В обох випадках прислівник *then* слугує інтенсифікатором негативної оцінки.

Перспективу дослідження вбачаємо в розгляді лексико-семантичних і синтаксичних особливостей темпоральних маркерів оцінності “свого/чужого” простору задля отримання більш вірогідних результатів та повнішого дослідження категорії “свого/чужого” в різних аспектах.

Література

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
3. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *de, дескать, мол.* К проблеме интерпретации речеповеденческих актов / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 437–449.
4. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти: автореф. дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / О. Л. Бессонова. – К., 2003. – 40 с.
5. Бурлакова В. В. Дейксис / В. В. Бурлакова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 74–88.
6. Пеньковский А. Б. О семантической категории “чуждости” в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985 – 1987 : сборник / отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.

Аннотація

И. В. Чернышова. Прагматические особенности высказываний с темпоральными маркерами оценочности “своего/чужого” пространства (на материале английского текста Библии)

В статье анализируются прагматические особенности высказываний с темпоральными маркерами оценочности “своего/чужого” пространства в английском тексте Библии, в связи с чем рассматриваются категории дейксиса, оценки, “своего/чужого”.

Ключевые слова: положительная оценка, отрицательная оценка, дейксис.

Анотація

І. В. Чернишова. Прагматичні особливості висловлювань з темпоральними маркерами оцінності “свого / чужого” простору (на матеріалі англійського тексту Біблії)

У статті проаналізовано прагматичні особливості висловлювань з темпоральними маркерами оцінності “свого / чужого” простору в англійському тексті Біблії, у зв'язку з чим досліджено категорії дейксису, оцінки, “свого / чужого”.

Ключові слова: позитивна оцінка, негативна оцінка, дейксис.

Abstract

I. V. Chernyshova. Temporal Deixis: “One’s own/Alien” Space in the English Biblical Text (Pragmatic Peculiarities)

The article focuses on pragmatic peculiarities of evaluative sentences with temporal deictic markers and their reference to the category of “one’s own/alien” space in the English biblical text.

Deixis is defined as a category, with the help of which one can indicate the participants of the speech act, its place and time. Deictic means define the coordinates of the speech act, which are the speaker and the listener (“I”/“we” – “you”), the place of communication (“here”) and its time (“now”). The person or people not participating in the speech act (“he”, “she” or “they”), the place that is not the place of communication (“there”), and the time different from the time of communication (“then”) are indicated implicitly. Linguists differentiate three main types of deixis: personal, spatial (local) and temporal. Accordingly, in the personal deixis personal and possessive pronouns are regarded, in the spatial deixis – adverbs of place and demonstrative pronouns, in temporal – adverbs of time. In our research we focus on evaluative sentences with the deictic markers “now” and “then” outlining the boundaries of “one’s own/alien” space.

Evaluation is viewed as a linguistic category, which reflects the socio-personal knowledge of “good” and “bad”, of value, usefulness of objects or phenomena and reflects a positive or negative attitude of the subject of evaluation to its object. In accordance with this, the main elements of the evaluation structure are the subject of evaluation, its object and its positive or negative character.

Personal, possessive, demonstrative pronouns and adverbs of time and place can serve as signs of “one’s own” or “alien” space and acquire a positive or negative evaluation.

The results of the analysis certify the fact that representative speech acts prevail in evaluative sentences with “now” and questions are predominantly used in evaluative sentences with “then”, the latter can be viewed as an intensifier of negative evaluation.

Keywords: positive evaluation, negative evaluation, deixis.

А. Г. Чикибаев
(Донецк)

УДК 81'1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ

Цель статьи – показать, как реализуется прецедентный субтекст в учебниках “Введение в языкознание” и “Общее языкознание”. Этот аспект содержания учебно-научного дискурса в лингвистической литературе практически не освещен, хотя знание имен известных ученых и их трудов должно входить в лингвистическую компетенцию студентов. Этим определяется *актуальность нашего исследования*.

Основную информацию о лингвистических прецедентных феноменах (ПФ) студенты получают прежде всего из учебников. Затем она воспроизводится на учебных занятиях, в процессе самостоятельной работы студентов, на экзаменах и зачетах. Научно-учебные тексты являются, таким образом, связующим звеном в цепи педагогического взаимодействия между создателем учебного пособия и студентами.

Все учебники ориентированы на будущих филологов, обладающих определенными базовыми знаниями, имеющих некоторую лингвистическую подготовку, отличающихся достаточно высоким культурным уровнем – именно поэтому они содержат значительный процент ссылок и цитат. Украинские и российские создатели учебных пособий в сфере филологии подразумевают у студентов запланированный государственным стандартом объем фоновых знаний, в то время как западные авторы “стараятся не обременять слушателей большим количеством названий, имен, цитатных компонентов. Зато в текстах последних прослеживается большой объем аллюзивного материала, предполагающего фоновые знания не столько предметных [в нашем случае, лингвистических. – А. Ч.] текстов, сколько фактов действительности, определенных реалий и исторических событий” [3, с. 15].

Впервые студенты знакомятся с именами лингвистов в учебниках “Введение в языкознание”. Одни ученые упоминаются эпизодически (*Карл Бюлер, Эдмунд Гуссерль, Вильям Джонс, Луи Ельмслев, Расмус Раск, Отто Эсперсен* и др.), другие (*Бодуэн де Куртене, Вильгельм Гумбольдт, Николай Вячеславович Крушевский, Александр Афанасьевич Потебня, Фердинанд де Соссюр, Филипп Федорович Фортунатов, Алексей Александрович Шахматов, Лев Владимирович Щерба*) повторяются, их работы цитируются и тем самым имеют тенденцию стать прецедентными не только в науке, но и в сознании студентов-филологов.

Как правило, прецедентные феномены включаются авторами в онтологический субтекст. Задача создателя учебника – соотнести имя ученого-лингвиста и рассматриваемое в параграфе языковое явление: 1) *Явище перерозкладу уперше описав І. О. Бодуен де Куртене, а термін (рос. переразложение) запровадив В. О. Богородицький* [4, с. 152]; 2) *Лексемную мотивированность называют значимостью (термин Ф. де Соссюра), словообразовательную мотивированность – внутренней формой слова (термин А. А. Потебни)* [6, с. 191]; 3) *Розмежування мови і мовлення теоретично обґрунтоване швейцарським лінгвістом Ф. де Соссюром – одним із найвідоміших теоретиків мовознавства й основоположників сучасного етапу в мовознавстві* [7, с. 31].

Реже прецедентные имена (ПИ) лингвистов включаются в гносеологический (методологический) субтекст, который отражает способ формирования новых понятий, обоснования и интерпретации основных и уточняющих понятий, т. е. способ установления логико-семантических отношений между ними. Если онтологический аспект связан со знаниями о мире, то содержание методологического аспекта заключается в знании о знаниях. С помощью ПФ авторы учебников показывают процесс возникновения не только самого лингвистического понятия, но и специфичной для него системы действий: 1) *Н. С. Трубецкой – первый ученый, выдвинувший понятие нейтрализации, рассуждал так...* (и далее объемная цитата, формирующая понятие “нейтрализация фонем”) [8, с. 70]; 2) *И. А. Бодуэн де Куртене и Л. В. Щерба обратили внимание на реальное противоречие между сравнительно небольшим числом звуков языка, обозначаемых на письме и усваиваемых при обучении языку, и практически бесчисленным количеством разных физических звуков, из которых складывается речь <...>. Это противоречие и побудило ученых создать и развить теорию фонемы. В настоящее время известна не одна точка зрения на сущность фонемы. <...> Поэтому читателю будет предложена лишь одна из*

гипотез, стремящихся истолковать природу фонемы. Эта гипотеза восходит к учению акад. Л. В. Щербы... [10, с. 40].

Нередко авторы учебников дают оценку лингвистическим открытиям, помещая ПИ в аксиологический субтекст, в котором дается позитивная или негативная оценка научной деятельности лингвистов: 1) *Проте справжніми засновниками наукового вивчення української літературної мови стали О. О. Потебня, П. Г. Житецький, К. П. Михальчук та ін.* [1, с. 90]; 2) *Розрізнення синхронії та діахронії не означає, що перша позбавлена будь-якого втручання часу, як помилково гадав Соссюр* [4, с. 50].

Если в учебниках “Введение в языкознание” прецедентный субтекст представлен фрагментарно, то в пособиях по общему языкознанию (раздел “История лингвистики”) и истории языкознания он может доминировать, “поглощая” онтологический и гносеологический субтексты. Описание того или иного лингвистического открытия сопровождается, как правило, биографической справкой: *“Якоб Гримм (1785-1863) исследовал с помощью сравнительно-исторического метода одну языковую группу – германскую. Гримм родился в г. Ганау, учился на юридическом факультете марбургского университета. Однако его истинным призванием стали филология и литература. В 1830 году занимает кафедру немецкого языка и литературы в Геттингенском университете, с 1840 – профессор Берлинского университета...”* [2, с. 64]. В учебнике А. А. Гируцкого, например, содержится краткая биография таких лингвистов, как И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков (Остенек), В. М. Вундт, В. фон Гумбольдт, Л. Ельмслев, А. Мейе, Г. Пауль, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, Н. С. Трубецкой, Ф. Ф. Фортунатов, Г. Шухардт.

Имена этих лингвистов неоднократно повторяются и в других, сугубо теоретических разделах учебника, создавая тем самым основу для “вербального импринтинга”: *Автором термина “языковое мышление” был И. А. Бодуэн де Куртене. Он рассматривал языковое мышление не только как сознательное, но и бессознательное, автоматическое использование элементов языковой структуры* [11, с. 100].

ПИ участвуют в реализации очень важной для учебного текста категории – адресатности, отражающей направленность текста на определенный круг людей, их знания, мнения, интересы, задающей определенную модель семантической и прагматической пресуппозиции реципиента. Она характеризует свойство текста, сквозь призму которого опредмечиваются представления о прогнозируемом адресате и специфике интерпретационной программы, обусловленной экстралингвистическими особенностями учебно-научной коммуникации. Авторы большинства учебников по разным аспектам лингвистики учитывают недостаточно высокий уровень фоновых знаний студентов в области лингвистики, заполняя историко-биографическими экскурсами информационные лакуны в их интертекстуальном тезаурусе: *Де Соссюру принадлежит расширение двух основных понятий, используемых для различения любых единиц языка в логической матрице. Это понятия синтагмы и парадигмы. Раньше термин “синтагма” применялся для обозначения только сочетания слов, а термин “парадигма” – совокупности грамматических изменений одного и того же слова. Де Соссюр распространил применение этих терминов на любую языковую единицу* [11, с. 151]. В этом прецедентном субтексте, состоящем из нескольких строчек, дважды повторяется имя Ф. де Соссюра и дважды – принадлежащие ему термины с их толкованиями.

“Фактор адресата” проявляется и в том, что прецедентный субтекст включает в себя образные средства языка, помогающие студенту наглядно представить анализируемое явление: *Мова – ніби окуляри, які не можна зняти. Ми не бачимо дійсності такою, якою вона є, а лише такою, якою дозволяє це зробити мова. Е. Сепір писав про “тиранічну владу, яку має мовна форма над нашою орієнтацією в світі”* [4, с. 32].

Впрочем, такого рода адаптаций термина в пособиях немного. Чаще всего авторы учебников включают в прецедентный субтекст метатекстовые вводы, соотносимые с именем лингвиста – глаголы и их формы: *выделяет, считает, называет, открыл (открыт), ввел в научный обиход (введен), разработал (была разработана), говорил, писал и др.*

Нередко языковым сигналом ПФ выступает именно словосочетание, включающее существительное с общенаучной семантикой и антропоним (или производное от него притяжательное прилагательное): *ergon и energia Гумбольдта, lalangue Соссюра, чужая речь Бахтина* и т. п. Для специалистов (но не студентов!) они обладают большой семантической

емкостью при минимальной формальной вместимости, так как являются результатом смысловой компрессии содержания исходных текстов (прототекстов) и формой их метонимической замены (по выражению М. М. Бахтина, “аббревиатурой высказывания”). На онтологическое содержание указывают ПФ, обозначающие объект познания: *трансформационная грамматика Н. Хомского, теория речевых актов Остина и Серля* и др. Методологическое содержание идей выдающихся лингвистов получает реализацию посредством обозначения:

а) форм знания: *постулаты Г. П. Грайса, максимы вежливости Д. Лича; гипотеза Сепира-Уорфа, теория семантических примитивов А. Вежбицкой, теория надежной грамматики и семантики фреймов Ч. Филлмора, принципы описательной грамматики Ф. Ф. Фортунатова, классификация Гумбольдта-Шлейхера* и др.;

б) названий научных школ и течений, представителями которых являются упоминаемые лингвисты: *Н. В. Крушевский (Казанская лингвистическая школа), один из основателей Московской фонологической школы Р. И. Аванесов, Московская Фортунатовская школа (“формальная” лингвистическая школа)* и др.;

в) теоретических методов и средств познания: *компонентный анализ слова У. Гуднафа, конврсационный анализ Н. Неппе, Н. Rehbock;*

г) инструментов эмпирического познания: *списки Морриса Сводеша, схема родословного древа А. Шлейхера, модель речевой коммуникации Р.О. Якобсона;*

д) лингвистических понятий: *фонема и морфема (Бодуэн де Куртене), структура языка (К. Бюлер, Н.С. Трубецкой), опрощение (В. А. Богородицкий), гиперфонема (А. А. Реформатский), иллокутивное самоубийство (Зено Вендлер)* и др.

Прецедентный феномен – это не только имя, но и высказывание (цитата) известного лингвиста. Как правило, используются первичные цитаты, заимствованные непосредственно из первоисточника:

(1) *О. О. Шахматов пише, що, “визначаючи Мороз реченням односкладним, ми речення Тепер мороз повинні визнати двоскладним і допустити в ньому пропуск присудка”* [12, с. 258]. Вторичные, или опосредованные, взятые из текстов, где данный фрагмент сам является цитатой, высказывания являются в учебниках редкостью.

Еще одним способом реализации прецедентного субтекста в учебниках является ссылка – “вид интертекстуальной связи, при котором во вторичном тексте происходит указание на какой-либо формальный признак текста-источника” [9, с. 10]. Ссылки могут быть: а) именными, устанавливающими связь между текстом учебника и другим текстом посредством указания на имя автора заимствуемого текста: *Многие филологи, и среди них А.А. Шахматов, предполагают, что источником фонетических изменений является стиль* [11, с. 250]; б) титульными – на название соответствующего текста, в) смешанными – представляют собой комбинацию вышеназванных типов ссылки. Внутри именных ссылок устанавливаются ссылки на другого автора (или группу авторов).

Прецедентный субтекст – это еще и сноска, т. е. примечание, размещаемое внизу страницы, которое является комментарием к какому-либо месту основного текста. Причина вынесения таких комментариев из основного текста состоит в том, чтобы не перегружать его чрезмерными подробностями, не затруднять излишними отступлениями суть изложения: *Пор-Рояль – монастырь около Версаля. Пор-Рояль был широко известен как крупнейший центр просвещения и науки. Для нужд преподавания создавались учебники, в том числе учебники грамматики и логики* [5, с. 15].

Итак, наиболее упоминаемыми в учебниках “Введение в языкознание” и “Общее языкознание” лингвистами (по степени частотности) являются ПФ: *Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Ф. Фортунатов, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Я. Гримм, Н. С. Трубецкой* и принадлежащие им лингвистические открытия.

Литература

1. Бевзенко С. П. Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови : навч. посібник / С. П. Бевзенко. – К. : Вища школа, 1991. – 231 с.
2. Березин Ф. М. Общее языкознание : учеб. для вузов / Ф. М. Березин, В. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
3. Гордиевский А. А. Категория интердискурсивности в научно-дидактическом тексте (на материале лекций на русском и немецком языке) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец.

- 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание" / А. А. Гордиевский. – Тюмень, 2006. – 19 с.
4. Карпенко Ю. О. Вступ до мовознавства : підручник / Ю. О. Карпенко. – К. : Либідь, 1991. – 280 с.
  5. Кодухов В. И. Общее языкознание : учебник для вузов / В. И. Кодухов. – М. : Высш. шк., 1974. – 303 с.
  6. Кодухов В. И. Вступ до мовознавства : учеб. для пединститутів / В. И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1979. – 351 с.
  7. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства : підручник / М. П. Кочерган. – К. : Академія, 2002. – 368 с.
  8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание : учебное пособие / Ю. С. Маслов. – М. : Высш. шк., 1975. – 327 с.
  9. Москалюк О. С. Структурные и семантические особенности канонического пространства и его интертекстуальная адаптивность : дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки" / О. С. Москалюк. – Барнаул, 2004. – 158 с.
  10. Реформатский А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 536 с.
  11. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию : уч. пособие / Ю. С. Рождественский. – М. : Высш. шк., 1990. – 381 с.
  12. Сучасна українська літературна мова. Синтаксис / [за загальною редакцією І. К. Білодіда]. – К. : Наук. думка, 1972. – 515 с.

Аннотація

А. Г. Чикибаев. Лингвистические прецедентные феномены в учебных пособиях

В статье исследуются возможности учебников формировать лингвистическую компетенцию студентов. Основную информацию о лингвистических прецедентных феноменах (ПФ) студенты получают из школьных и вузовских учебников, содержащих прецедентный субтекст, который является средством выражения научных констант, выполняющих функцию ориентирования в пространстве множества научных имен и идей. Лингвистические ПФ в научном тексте обозначают объект познания, формы знания, названия научных школ и течений, представителями которых являются упоминаемые лингвисты; обозначения теоретических методов и средств познания, инструментов эмпирического исследования; обозначения лингвистических понятий и др.

Ключевые слова: *прецедентный феномен, прецедентный субтекст, учебный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание*

Анотація

А. Г. Чікібаєв. Лінгвістичні прецедентні феномени в навчальних посібниках

У статті досліджено можливості підручників формувати лінгвістичну компетенцію студентів. Основну інформацію про лінгвістичні прецедентні феномени (ПФ) студенти отримують із шкільних і вишівських підручників, що містять прецедентний субтекст, який є засобом вираження наукових констант, що виконують функцію орієнтування в просторі безлічі наукових імен та ідей. Лінгвістичні ПФ у навчально-науковому тексті позначають об'єкт пізнання, форми знання, назви наукових шкіл і течій, представниками яких є згадувані лінгвісти; позначення теоретичних методів і засобів пізнання, інструментів емпіричного дослідження; позначення лінгвістичних понять тощо.

Ключові слова: *прецедентний феномен, прецедентний субтекст, навчальний текст, прецедентне ім'я, прецедентний вислів.*

Abstract

A. G. Chikibaev. Linguistic Precedent Phenomena in Textbooks

The article deals with the analysis of linguistic textbooks, their role in the formation of students' linguistic competence. Students get basic information on linguistic precedent phenomena (PF) from school and university course books containing the precedent subtext, which is a means of scientific constants expression and which includes many scientific names and ideas. In contrast to the scientific text the information on prominent linguists and their research is represented explicitly

in the educational text due to the incongruity of the background knowledge of the addresser and the addressee. It is realized in the form of certain speech genres: historical, linguistic and biographical information, historical and linguistic commentary, etc. Subtexts of the precedent phenomena can be represented in such subgenres as definitions, rules and algorithms of its use, and samples of linguistic analysis, etc. Linguistic precedent phenomena in the educational text denote the object of knowledge, forms of knowledge, names of scientific schools, their representatives; theoretical methods and means of knowledge acquisition, ways of empirical research, linguistic terms, etc.

Keywords: precedent phenomenon, precedent subtexts, educational text, precedent name, precedent phrase.

Ю. А. Шепель
(Днепропетровск)

УДК 811.161.1

СНОВА О КОМПЬЮТЕРНОМ СЛЕНГЕ

В последние десятилетия в условиях демократизации общественных отношений речь молодежи обогатилась новыми терминами и понятиями. Для людей, которые связаны в той или иной мере с компьютерами, сформировался целый пласт лексики, образовавшей “компьютерный сленг”.

Динамические процессы в лексиконе во многом связаны со сменой одной научно-технической технологии другой. Многие уже общеизвестные слова забываются, им на смену приходят другие, некоторые из которых остаются в речи, закрепляются и переходят в профессионализмы. Этот процесс в последние годы проходит очень стремительно. Примером тому может служить то, что в компьютерном сленге лишь за прошедшее десятилетие бурного технического прогресса появилось и ушло в историю невероятно большое количество слов.

Цель статьи – рассмотреть новые виды компьютерного сленга и факторы, влияющие на его появление. *Объектом нашего анализа* является английская нелитературная лексика, к которой относится сленг. *Предметом описания* является компьютерный сленг.

Компьютерный сленг обычно рассматривается как разновидность специального сленга, используемого как профессиональной группой IT-специалистов, так и другими пользователями компьютеров [10].

В настоящее время словарь компьютерного сленга насчитывает сравнительно большое количество слов. Сленг Интернета и компьютерщиков не является постоянным, потому как меняются технологии, появляются новые понятия, которые расширяют границы сленга. Поэтому компьютерный сленг содержит слова с тождественными или предельно близкими значениями – синонимы, ср.: *computer* ® *комп* – *компухтер* – *цампутер* – *банка* – *тачка* – *аппарат* – *машина*; *to hack* ® *хакнуть* – *хрякнуть* – *ломануть* – *грохнуть* – *проломить*; *hard drive* ® *винт* – *хорд* – *тяжелый драйв* – *бердам* [11].

Чем употребительнее слово, тем больше у него синонимов. Они могут быть образованы разными способами, людьми с разным уровнем владения английским языком. А коммуникация между людьми, использующими разные слова, пока не слишком развита. Поэтому они порой даже не понимают друг друга. Поэтому для создателей словарей компьютерного сленга (над которым мы работаем вот уже несколько лет) первоочередная проблема – записать как можно больше возможных синонимов каждого термина и выяснить какие-то общеизвестные слова.

Большое количество русских компьютерных терминов и сленговых слов заимствовано из иностранных языков, чаще – из английского. Их основу составляет перевод или калькирование, ср.: “интернет” – “internet”, “винчестер” – “Winchester”, “компьютер” – “computer”, “интерфейс” – “interface”, “курсор” – “cursor”, “кэш” – “cache”, “драйвер” – “driver”, “картридж” – “cartridge” и “окна” – “windows”, “закладка” – “bookmark”, “фон” – “background”, “мышь” – “mouse”, “корзина” – “basket”, “клавиатура” – “keyboard”, “сохранить” – “save”, “перетащить” – “drag”, “перезагрузить” – “reboot”, “reload”, “restart”.

Некоторые слова формируются путем сокращения названий, и часто употребляются именно в таком виде, например: *VGA, TIFF, VBA, RAM, IP, CD-ROM, HD, DVD, FAT*.

Сокращения сленга имеют более свободные формы, чем у терминов, сокращаются устоявшиеся фразы, например: “*By The Way*”> *BTW* – “Между прочим”, “*See You*”> *CU* – “Увидимся” / “До свидания”, “*As Far As I Know*”> *AFAIK* – “Насколько мне известно”, “*In My Humble Opinion*”> *ИМХО* – “По моему скромному мнению”, “*Lot Of Laugh*”> *LOL* – “Очень смешно” / “Умираю со смеху”, “*Good luck*”> *GL* – “Удачи”. Или используются эти же сокращения, но в написании русскими буквами, например: *ИМХО*, *ЛОЛ*, *АФАИК* и т.д.

Часто сленговые сокращения принимают буквенно-цифровую форму, заменяя слоги цифрами, похожими по произношению, например: “*Forget*”> *4GET* – “Забудь”, “*Metoo*”> *ME2* – “Я тоже”, “*Thanks*”> *10X* – “Спасибо”.

Надо сказать, что похожих аббревиатурных образований, основанных на русских фразах и словах, гораздо меньше, так как интернет вошел в украинское пространство несколько позже. Так, встречаются усеченные формы русских слов, например: *компьютер* – *комп*, *программист* – *программер*, *программа* – *прога*, *робот* – *бот*, *регистрировать* – *регить*, *ноутбук* – *ноут*, *бук*.

Компьютерный сленг последних лет не лишен также всевозможных фразеологических оборотов. Среди них есть как глагольные, так субстантивные обороты [1, с. 112]. Такие обороты построены на ассоциативном переводе.

Иногда компьютерный сленг употребляется в широком переносном смысле в различных ситуациях, не имеющих отношения к компьютерам. Например, программист, который не хочет выполнять чью-либо просьбу, говорит: “*Can't Open*” или “*Invalid Request*”. Именно такой англоязычный текст высвечивается на экране компьютера, когда он не может выполнить поставленную задачу. Или программист может сказать: “*System halted*” [7], что будет означать его высшую степень усталости в конце тяжелого дня.

Нельзя обойти стороной и такую проблему, как переход слов из сленга в разряд профессиональных или нормативных. Чаще всего, профессиональными терминами становятся достаточно старые, успевшие “притереться” сленговые слова / выражения. Слово при этом теряет свою эксцентрическую окраску. Немаловажную роль в этом играют специальные (профессиональные) газеты и журналы по компьютерным вопросам и технологиям. Сленговое слово появляется в них чаще всего потому, что профессиональные слова, им соответствующие, неудобны при частом использовании или же вообще отсутствуют. Журналы же, посвященные компьютерным играм, употребляют сленговые слова в огромном количестве, с целью создания более веселой, молодежной атмосферы. Но из таких развлекательных журналов сленг нередко “перебирается” на страницы более серьезных периодических изданий, а иногда и научной литературы. Так, например, слово “*железо*” в значении ‘*hardware*’, которое некоторое время являлось исключительно сленговым, со временем перешло в профессиональную лексику [1, с. 123].

В настоящее время в лингвистике предложены разные классификации компьютерного сленга. Мы кратко остановимся лишь на двух наиболее удачных классификациях, представленных в исследованиях Н. В. Виноградовой и П. А. Горшкова.

Н. В. Виноградова предлагает следующую классификацию компьютерного сленга [1, с. 147]:

первая группа – прямая транслитерация английского слова при сохранении основного значения лексемы, например: *бай* (от английского слова “*bye*”) означает обычную форму прощания; *варнинг* (от английского “*warning*”) означает предупреждение о возможной ошибке программы или об исключительной ситуации;

вторую группу составляют слова, относительно которых можно говорить уже не о транслитерации, а о фонетическом и грамматическом “искажении” (своеобразной “русификации”) оригинала (аналогично “шерочке с машерочкой” и “шаромыжнику”), например: *батон* (от английского “*button*”, что переводится как пуговица, кнопка, т.е. любая кнопка); *гама* (от английского “*game*”, что переводится как игра, означающее компьютерную игру); *зюх* или *зюксель* (от названия программы “*Zuxel*”) – высокоскоростной модем фирмы ZYXEL.

Сюда же можно отнести многочисленные глаголы с английской транслитерированной основой и русскими грамматическими показателями типа: *заиповать*, *заенкодить*, *заофлайнить*, *зарестриктировать*, *заюзить*, *отквотить*, *прилинковать*, *припойнтовать* и т. п.

Третью группу представляют слова, имеющие омонимы в составе литературного языка. Подобно тому, как в воровском жаргоне, например, слово *соловей* в результате переосмысления приобрело значение “свисток надзирателя”, многие нейтральные по стилистической

принадлежности русские слова, употребляясь и переосмысливаясь носителями компьютерного диалекта, приобретают дополнительные значения.

Во-первых, это русские слова, выбранные из соображений фонетического подобия английским оригиналам, ср.: *ария* (от английского “*area*”, что переводится как область, область на ВВС, в которой собраны файлы или сообщения по определенной тематике. Физически это обычно каталог на диске); *мылить* (от англ. “*mail*”, имеющего перевод “письмо”, “почта”) – писать или передавать сообщение по сети.

Во-вторых, это гораздо более многочисленная группа слов, приобретших новое значение в результате иронически-карнавального переосмысления уже существующей лексемы, ср.: *блин* – компакт-диск; *goldeд* или *голый дед* (от названия программы GoldEd – редактор сообщений) – название наиболее популярного редактора сообщений; *железо* имеет два значения: 1. Любая “компьютерная” аппаратура. 2. “Внутренности” компьютера.

Четвертая группа слов представлена акронимами. Это английские по происхождению и по способу образования сложносокращенные слова, пока еще не вовлеченные в процесс освоения их русским языком.

AFAIK – “*as far as I know*” (насколько мне известно);

BTV – “*by the way*” (кстати);

FYI – “*for your information*” (к вашему сведению);

IOW – “*in other words*” (другими словами);

TTUL – “*talk to you later*” (поговорим позже) [10].

Эти примеры показывают, что компьютерному сленгу присуща тенденция к упрощению, минимизации и стандартизации языковых средств. Транслитерация вызывает в жизни такие необычные для русского языка слова, как “*3I*” – *PS* (“*post scriptum*”) (на клавиатуре компьютера при переключении латиницы на кириллицу “*P*” соответствует букве “*З*”, а “*S*” – “*Ы*”).

Интересным и новым, ранее не характерным для русского языка, представляется такой способ образования сложносокращенных слов, при котором слово заменяется тождественно звучащим названием буквы или цифры. В английском языке это известный и широко распространенный прием (ср.: *IOU* = “*I owe you*”), который теперь, как мы видим, пока в пределах компьютерного жаргона, но все же совершает “переход” в русскую систему словообразования.

2 – “*to*”;

U – “*you*”. Пишется с большой буквы даже в середине фразы. Употребляется чаще всего в сочетании *2U* – (вам, тебе).

CU – “*see you*” (увидимся).

L8R – “*later*” (позже).

Последний способ осмысливается носителями компьютерного жаргона как универсальный.

Ещё одну классификацию предлагает П. А. Горшков:

1) калька (полное заимствование),

2) полукалька (заимствование основы),

3) перевод,

а) с использованием стандартной лексики в особом значении,

б) с использованием сленга других профессиональных групп,

4) фонетическая мимикрия [2, с.150].

Первая группа, называемая калька, включает в себя заимствования, грамматически не освоенные русским языком. При этом слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением. Такие заимствования подвержены ассимиляции. Каждый звук в заимствуемом слове замещается соответствующим звуком в русском языке в соответствии с фонетическими законами. Эти слова кажутся иностранными в произношении и написании, они соответствуют всем нормам английского языка. Вот примеры слов, полностью заимствованных из английского языка: *device* ® *девайс*; *harddrive* ® *хард* [10].

Вероятнее всего, некоторое количество подобных слов в русском языке явилось следствием того, что большинство программного обеспечения на компьютерах все еще обеспечивается английским языком. Вследствие этого, у людей происходит своеобразное привыкание к некоторым распространенным командам или сообщениям. Вот, к примеру, “*инвалид юзер*” (популярный ответ на вопрос о том, почему что-либо не работает) является популярной перефразой сообщения операционной системы *MS-DOS* “*Invalid drive*”.

Кроме “привыкания”, здесь, конечно же, сыграла свою роль еще и общая тенденция среди молодежи к привлечению в свою повседневную речь англицизмов. Увлечение англицизмами стало в последние десятилетия своеобразной модой, обусловлено созданными в молодежном обществе стереотипами и идеалами. Таким стереотипом мог служить образ идеализированного американского общества. Включая в свою речь английские заимствования, молодые люди определенным образом как бы приближаются к этому стереотипу, приобщаются к американской культуре, стилю жизни.

Именно в этой группе имеет место русское или просто неправильное прочтение английского слова. Порой ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами, например: *message* ® *мессаг* [11].

Очень часто встречается просто перенос слова в русский язык с неправильным ударением: *label* ® *лабэль*.

Поэтому некоторые сленговые заимствования неустойчивы в написании. Например, можно встретить несколько разных заимствований слова *keyboard* ® *кэйборд* – *кэборд* – *кйборд*.

Примечательно, что стилистически нейтральные в английском языке слова, перейдя в сленг российских программистов, приобретают иронически-пренебрежительную или разговорную окраску.

Во второй группе, именуемой полукалька, при переходе термина из английского языка в русский, последний подгоняет принимаемое слово под нормы не только своей фонетики, как в предыдущей группе, но и спеллинга с грамматикой. При грамматическом освоении английский термин поступает в распоряжение русской грамматики, подчиняясь ее правилам. Существительные, к примеру, приобретают падежные окончания:

application ® *аппликуха* (прикладная программа)®, *аппликуху* (В.п.), *аппликухи* (Р.п.) [9].

Чаще всего такая группа слов образуется по модели: английская основа + уменьшительно-ласкательные суффиксы имен существительных (-ик, -к(а), -ок и др.):

“*User’s Manual*” (руководство пользователя) > *мануалка*;

“*CD-ROM*” (от английского *compact disc read-only memory*, т. е. разновидность компакт-дисков с данными, доступными только для чтения) > *сидиромка*.

Также встречается суффикс -юк, характерный в русском языке для просторечий:

“*PC*” (от английского сокращения “*personal computer*”) > *писюк* [7].

Вследствие того, что исходный язык является аналитическим, а заимствующий – синтетическим, имеет место добавление флексий к глаголам, например: *коннектиться* (от английского *to connect*, которое переводится, как *соединять*) имеет значение “соединиться с помощью компьютеров”.

В соответствие с тем, что одной из причин появления сленга является сокращение длинных профессионализмов, существует такой прием, как универбиализация (сведение словосочетания к одному слову), например: *strategic game* ® *стратегия* [10]. Довольно большое количество слов этой группы произошло от различных аббревиатур, названий различных протоколов, фирм, ср.:

Bulletinboardsystem ® *BBS* ® *бебеска*, *бибизэска*

IBM ® *Айбизэмка* [8].

Здесь нельзя не вспомнить, что операционная система *MS-DOS*, работавшая многие годы на большинстве персональных компьютеров в России, позволяла давать файлам и каталогам имена, состоящие не более чем из восьми знаков и расширения, состоящие всего из трех знаков. Это привело к тому, что при названии многих программ и игр также приходилось или сокращать эти названия, или использовать аббревиатуры, если полные названия состояли из нескольких слов. Производные от различных прочтений этих сокращений попадали в русский сленг. Таким путем появилось много слов типа:

NortonUtilities ® *NU* ® *нушка*;

Kai’s Power Tools ® *KPT* ® *кэпэтэшка*;

Execution file ® *EXE* ® *экзешник*;

Three-dimensional Studio ® *3DS* ® *тридэшка* [11].

В третьей группе, “перевод”, очень часто сленговая лексика образуется способом перевода английского профессионального термина. Первый способ включает в себя перевод слова с использованием существующих в русском языке нейтральных слов, которые при этом приобретают новое значение со сниженной стилистической окраской: “*Windows*” (от

английского слова “windows” – окна) название программы, которая приобрела сленговый аналог “форточки”.

В процессе перевода работает механизм ассоциативного мышления. Возникающие ассоциации или метафоры могут быть самыми разными: 1) по форме предмета или устройства – “disk” (от английского слова “disk” – “диск”), по своему устройству, напоминающее блин, от этого и получив свое название в сленге “блин” [10]; 2) по принципу работы – *matrixprinter*® *вжикалка*.

Многочисленны также и глагольные метафоры: “to delete” (англ. “удалить”) имеет значение “сносить”.

Нужно заметить, что к этой группе относятся лишь те слова, которые ранее не имели никаких сленговых значений. Но гораздо более многочисленна вторая группа – термины, которые приобрели свою “сленговость” путем использования лексики других профессиональных групп. В результате значение слова несколько изменяется, приобретая специфический для компьютерного сленга смысл. Чаще всего встречаются слова и выражения из молодежного сленга: *incorrect program*® *глюкало*; *streamer*® *мофон* [8].

Слово “шофер” перешло из молодежного сленга, где оно означает *магнитофон*, в компьютерном сленге таким же словом называют устройство хранения для информации на магнитной ленте – “стример”. Многочисленны также переходы слов из водительского, уголовного и т.п. сленга:

microassembler programmer® *макрушник*;

to connect two computers® *шлангировать*.

Например, о компьютере *Pentium-200* говорят: “Модная тачка с двухсотым мотором”.

Примечательно, что при таком образовании сленговых слов, создается некоторая размытость в значении, не характерная для профессиональных английских терминов. В большинстве случаев обозначается только характер действия или явление, и не определяется его специфика. Сравним два эквивалента английскому термину, первое из которых принадлежит к профессиональной лексике, а второе – к сленгу, ср.: *LED*, означающее “светодиод”, приобрело значение “фонарь”. Когда человек впервые слышит сленговое “фонарь”, ему вряд ли станет понятно, о чем речь, т.к. это слово указывает лишь на то, что предмет разговора излучает свет. Слово, вероятно, появилось в сленге благодаря его тенденции к преувеличению, которое создает несоответствие. И из небольшого “светодиода” появился “фонарь”.

Четвертая группа, “фонетическая мимикрия”, интересна с точки зрения лексикологии. Она основана на совпадении семантически несхожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов: “Error” – от английского “error”, означающее “ошибка”, приобрело название в сленге “Егор”.

Слово, которое переходит в сленг, приобретает совершенно новое значение, никаким образом не связанное с общеупотребительным. Рассмотрим такой пример: “*laser printer*”, которое переводится с английского как “лазерный принтер”, в сленге Интернета и компьютера называется “Лазарь”.

Возможны как случаи, основанные на фонетическом совпадении всего английского и стандартного слов, так и случаи, основанные на совпадении части слов. В этом случае сленговое слово дополняется оставшейся частью слова, заимствованной методом кальки у английского оригинала: *Windows*® “виндовоз”.

В этой группе слов много названий различных программ. Видимо, это связано с тем, что именно эти названия чаще всего неясны в употреблении и восприятии для наших соотечественников и пользователей вычислительной техники:

Corel Draw® *Король дров*;

Aldus PageMaker® *Альдус Пижамкер*;

AutoCAD® *Автогад* [11].

К этому явлению также относятся случаи звукоподражания без каких-либо сходств со словами стандартной лексики. Такие слова представляют собой своеобразную игру звуками. Они образуются путем отнимания, прибавления, перемещения некоторых звуков в оригинальном английском термине: *MS-DOS*® *мздос*; *interpretator*® *интерпрепатор*; *Pentium*® *пентюх* [4].

Целый ряд английских исследователей использует слово сленг просто как синоним жаргона, арго или кэнта. Проанализировав их работы, можно прийти к выводу, что в это понятие входит целый список различных видов нелитературной лексики. Исходя из мнений различных авторов,

становится ясно, что “сленг” в настоящее время терминологической точностью не обладает.

Характерный для устной речи, сленг внезапно обрел письменную форму в интернете. Его быстрое распространение в настоящее время обусловлено свободным доступом широких масс к Сети при отсутствии регламентированного контроля над языком. Но новая свободная среда не сформировала в нем системности и единства, присущие классическим языкам. Нормой языка общения он не становится.

В связи с развитием компьютерных технологий, словарный запас компьютерного сленга постоянно пополняется новыми словами, вытесняя устаревшие слова, что составляет сложность в изучении таких слов и создании классификаций компьютерного сленга. В этом прослеживается *перспектива дальнейшего изучения* этой темы.

Литература

1. Виноградова Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции / Н. В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 203–216.
2. Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / П. А. Горшков. – М., 2006. – 15 с.
3. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / В. А. Хомяков. – Л., 1985. – 23 с.

Электронные ресурсы:

1. <http://www.compsleng.narod.ru/CyberWar.htm>
2. <http://www.linuxcenter.ru/lib/articles/soft/emul.phtml?style=print>
3. http://www.piter.com/contents/978546901737/978546901737_p.pdf
4. <http://www.siduk.ru/pisjuk.htm><http://ru.wikipedia.org/wiki/index.html>
5. <http://staffstyle.ru/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?num=1192219700>
6. <http://www.techspot.com/vb/topic18270.html>
7. <http://ru.wikipedia.org/wiki/index.html>
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Аннотация

Ю. А. Шепель. Снова о компьютерном сленге

В статье рассматривается понятие сленга в рамках русской и английской нелитературной лексики, определяется ее роль в разговорной речи, рассматриваются новые виды компьютерного сленга и факторы, которые влияют на его появление. Объектом анализа стала английская нелитературная лексика, к которой относится сленг. Предметом описания послужил компьютерный сленг.

Ключевые слова: сленг, компьютерный сленг, литературная норма, молодежный сленг, динамические процессы, лексикон, нестандартная лексика.

Анотація

Ю. О. Шепель. Знову про комп'ютерний сленг

У статті досліджено поняття сленгу в межах російської та англійської нелітературної лексики, визначено його роль у розмовному мовленні, проаналізовано нові види комп'ютерного сленгу й чинники, що зумовлюють його появу. Об'єктом аналізу стала англійська нелітературна лексика, зокрема сленгові слова. Предметом опису є комп'ютерний сленг.

Ключові слова: сленг, комп'ютерний сленг, літературна норма, молодіжний сленг, динамічні процеси, лексикон, нестандартна лексика.

Abstract

Yu. O. Shepel. Revising Computer Slang

The article discusses the concept of slang in the Russian and English colloquial languages. The study deals with new types of computer slang and the factors that affect its appearance. It has been admitted that such words often originate with the purpose of saving keystrokes or to compensate for small character limits. Acronyms, keyboard symbols and abbreviations are common types of computer slang.

It has been stated that Russian is quickly catching up with English on the Internet though it has its own language background and cultural differences. Internet slang does not constitute a homogeneous

language variety; it differs according to the user and type of Internet situation (letter homophones, punctuation, capitalizations and other symbols, onomatopoeic spelling). The study also determines the ways and means in which the computer slang has grown (affixation, composition, abbreviation, semantical and phraseological derivation). Basic structural-semantical patterns have been described in the article. Some extralinguistic factors involved in the formation of the given lexical and phraseological units have been considered.

Keywords: slang, computer slang, literary norm, youth slang, dynamic processes, vocabulary, custom vocabulary.

Ю. Л. Дмитриева
(Горловка)

УДК 811.161.1

ОБРАЗНО-АССОЦИАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА 'БЕРЕЗА' (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА)

Концепт имеет сложную структуру, включающую активный и пассивный признаки, а также внутреннюю форму. В. Маслова отмечает, что “с одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает ее фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации” [5, с. 40]. Не все элементы концепта, а зачастую и сами концепты, имеют языковое выражение. Это дает право исследователям утверждать, что в структуру концепта входит и образный компонент. Этой проблемой занимаются такие отечественные и зарубежные ученые, как Е. Селиванова, В. Карасик, С. Воркачев, В. Маслова, З. Попова, И. Стернин, Н. Алефиренко и др.

Целью данной статьи является вычленение и описание образной составляющей концепта 'БЕРЕЗА' в русской лингвокультуре на материале произведений С. Есенина.

Под термином “образ” мы, вслед за другими лингвистами, понимаем категорию сознания, воссоздающую разнообразные аспекты предмета: форму, объем, цвет, пропорции, положение в пространстве и т.п. [4, с. 200].

Отметим, что образ следует рассматривать не только как составную часть концепта, а как единицу универсального предметного кода – инструмента человеческого мышления. И. Стернин и З. Попова говорят о том, что предметно-чувственные образы кодируют знания [7, с. 40]. Образ несет рациональную информацию, которая становится основой для расширения представлений о денотате. Кроме того, сам чувственный образ неоднороден, в его состав входят, во-первых, перцептивные когнитивные признаки, возникающие при отображении окружающей действительности органами чувств человека; во-вторых, образные признаки, формируемые при метафорическом познании мира [7, с. 108].

Рассмотрим перцептивные когнитивные признаки, которые кодифицируются в словарных статьях. Так, “красный, кислый, теплый, прямоугольный и т.д. – подобные единицы метаязыка входят в словарные толкования многих слов” [7, с. 106].

В малом академическом словаре русского языка береза трактуется как “лиственное дерево с белой корой” [9 (1), с. 80]. Из этого определения обращает на себя внимание адеквативы *лиственный*, т.е. имеющий лиственную крону, и *белый*, т.е. имеющий светлый покров ствола, что выделяет его из семейства лиственных деревьев.

В словаре русского языка С. Ожегова дается более развернутое определение. “Береза – лиственное дерево с белой корой и сердцевидными листьями” [8, с. 40]. Здесь добавляется характеристика-описание формы листьев дерева. Итак, по лексикографическому значению определенной группы можно реконструировать чувственный образ. Однако этот образ вербализован не только в словарных статьях, но и в художественных текстах. Хотя тексты произведений художественной литературы относятся к вторичной картине мира, они дают представление о когнитивной картине мира представителя того или иного этноса. Это своеобразная передача аккумулированного опыта, познания действительности, хотя и неполная, что обусловлено кодированием знаний вторичными знаковыми системами. Однако в художественной картине мира сохранены важнейшие перцептивные когнитивные признаки денотатов.

Для примера возьмем язык поэзии С. Есенина: *Ты пошла коня из горстей в поводу, / Отражаясь, березы ломались в пруду* [1, с. 34].

Первый признак, который можно выделить из этого стиха, – возможность произрастания дерева у пресной воды. Этот признак проиллюстрирован в следующем примере: *Здравствуй, златое затишье / С тенью березы в воде! / Галочья стая на крыше / Служит вечерню звезде* [1, с. 104].

Денотат концепта ‘БЕРЕЗА’ может произрастать и у жилых домов: *Показалась ты той березкой, / Что стоит под родимым окном* [1, с. 173].

Также в поэтических текстах автора береза выступает тем деревом, которое присуще русскому пейзажу: *И золотеющая осень, / В березах убавляя сок, / За всех, кого любил и бросил, / Листою плачет на песок* [1, с. 168]. *И, как по траве окосья / В вечеряющий покос, / На снегу звенят колосья / Под косницами берез* [1, с. 210].

Для актуализации именно этого признака автор использует прилагательное *русский*: *Эх, береза русская! / Путь-дорога узкая* [1, с. 161].

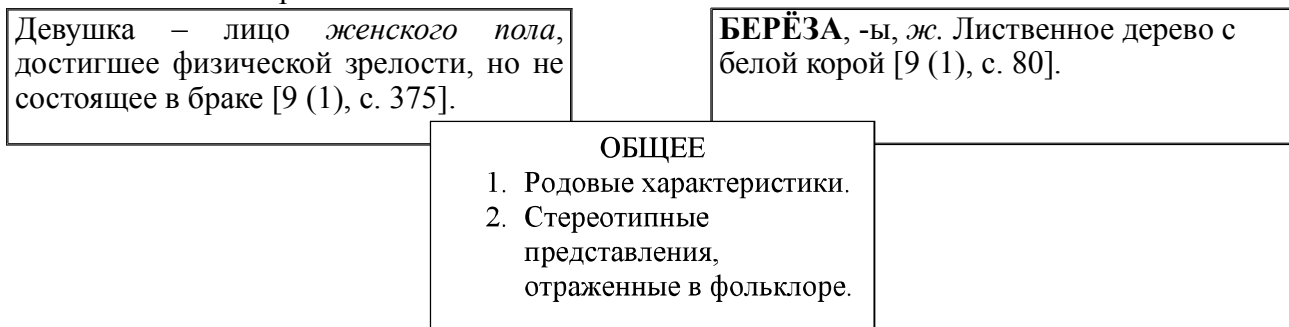
Другой признак – способность вербального знака березы выступать не только пассивной деталью пейзажа, но и активным участником описываемого. Так проявляется метафоричность текста, обусловленная тем, что “мышление не может в сколь-нибудь значительной степени обходиться без языка, а язык без метафорической деятельности, явной или скрытой” [11, с. 108].

Метафорическое мышление, по Э. Кассиреру, – это краткое обозначение концептуальной формы. Как поясняет суть метафорического рассмотрения мира другой лингвист – Х. Ортега-и-Гассет – есть такие объекты, которые мы не можем назвать с помощью знаковых систем. О них трудно составить четкое, ясное и отдельное представление. Поэтому человек вынужден обратиться к уже исследованному, чтобы, приняв его за “отправную точку, составить себе представление об объектах сложных и трудно уловимых” [6, с. 72]. Метафора – это процесс перемещения, который может быть описан как “семантическое движение; представление о таком движении скрыто в самом слове “метафора”, поскольку движение (*phora*), включено в значение этого слова, есть именно семантическое движение – тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса” [11, с. 83].

Вернемся к примеру со сравнением девушки с березой: *Показалась ты той березкой, / Что стоит под родимым окном* [1, с. 173].

Есть два конкретных понятия “любимая девушка” и “береза”, которые не связаны между собой, но обладают определенным набором признаков. В то же время в стихе есть более абстрактное понятие, которое вербализируется рядом словоформ-синонимов *дом, малая родина, отчий край, род*. Значение последнего слова заложено в имени прилагательном *родимым*.

Теперь проследим семантическое движение между тремя названными объектами онтологического мира.

Как видим семантическое движение происходит от конкретного объекта к другому конкретному объекту, а сходство частично и довольно условно.

Так же рассмотрим связь между *березой* и *дамам*. Для этого обратимся к словарю. Словоформа *дом* имеет несколько значений: “1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством” [9 (1), с. 425]. Из этого определения можно выделить семы ‘постоянное жилье’ и ‘семья’. Теперь необходимо

установить связь с *березой*. Мы можем сделать это на основе уже выделенных нами перцептивных признаков:

- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- *возможность произрастания у жилых домов*;
- превалирование в описании пейзажа России.

Таким образом, *береза* – это часть представления поэта о родном доме, который воспринимается как абстрактное понятие, относящееся к ментальной, духовной сфере.

Мы рассмотрели процесс семантического движения, т.е. метафоризации. Однако перед нами встает два вопроса: естественность поэтической метафоры и понятие метафоры и других художественных тропов и фигур.

Обратимся к первой проблеме. Принято считать, что в поэтическом тексте метафора – плод фантазии автора. В то же время в статье Ф. Уилрайта отмечено, “...что действительно важно в метафоре, так это духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются при помощи холодного жара воображения” [11, с. 83]. Это дает нам возможность сказать, что работа мысли, т.е. концентрация и компрессия чувственного опыта, неотъемлемая часть метафоры. Если же обратиться к определению лирики, жанром которой является рассматриваемый нами материал, то это “один из трех основных родов художественной литературы (наряду с эпосом и драмой), в котором действительность отражается путем передачи глубоких, душевных переживаний, *мыслей и чувств* автора”. Еще одним определением лирики является “Состояние, настроение, при котором эмоциональный элемент преобладает над рассудочным; *чувствительность*” [9 (2), с. 186]. В лирических произведениях находит выражение и актуализируется именно чувственный образ, который мы стремимся изучить и описать.

Теперь рассмотрим соотношение понятия “метафора” с другими художественными тропами и фигурами. В. Н. Телия отмечает, что “основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия и любой троп как “иносказание” (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов – метафоры, метонимии, гиперболы и т. п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию” [10, с. 173]. Итак, под метафорой понимаем весь комплекс образно-ассоциативных средств, который помогает получить новое знание, кодируя его вторичными знаковыми системами.

Определив терминологический аппарат нашего исследования, мы можем вернуться к описанию образных признаков, формируемых при метафорическом рассмотрении мира.

Рассмотрим метафору “предмет – предмет” в текстах художественных произведений С. Есенина. *Хорошо и тепло, / Как зимой у печки. / И березы стоят, / Как большие свечи* [1, с. 25]. В этом примере мы встречаем грамматический показатель сравнения – союз *как*. Если мы уберем его, то получим метафору “береза-свечка”: *На бугре береза-свечка / В лунных перьях серебра* [1, с. 29].

Рассмотрим набор признаков сравниваемых объектов.

“Береза”:

- дерево, имеющее белый покров ствола – кору;
- дерево, имеющее листовую крону;
- дерево, имеющее сердцевидные по форме листья;
- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- возможность произрастания у жилых домов;
- превалирование в описании пейзажа России.

“Свеча”:

- палочка из жирового вещества (как правило, воск);
- палочка с фитилем внутри;
- палочка, служащая для освещения [9 (4), с. 48].

Свеча тесно связана с архетипическим понятием “свет”, который, в свою очередь, актуализирует признак “белый”. Нами найдено частичное сходство и основа для утверждения полного тождества: цвет коры дерева и цвет материала свечи. *Я последний поэт деревни, / Скромн мой дощатый мост / За прощальной стою обедней / Кадающих листов берез* [1, с. 107].

В этом примере нас интересует метафора “береза – кадило”, которая создает яркий образ церковной службы (Церковью служит “лоно природы”). При такой трактовке мы можем воспринимать приведенный стих в русле пантеизма). Кадило – металлический сосуд для курения ладаном при богослужении [6, с. 224]. Дым из сосуда струится рассеянно и поднимается вверх, по форме напоминая крону березы. Также здесь возможна индивидуально-авторская ассоциация с осенней березовой рощей: движение кроны и листьев на ветру, шум, создаваемый ими. *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон* [1, с. 38].

Тождество между гетерогенными сущностями “береза” и “перезвон” можно установить на основе зрительного и звукового восприятия, а также архетипических представлений.

В самой словоформе *перезвон* заключен основной перцептивный признак “звон”, т.е. звук определенной тональности. В роще скопление деревьев также может издавать звук определенной тональности. По этому частичному сходству метафора утверждает общность объектов.

При зрительном восприятии колоколен, стены которых выбелены, создается тождественность белоствольной березе.

Важно отметить и роль темпорального маркера: *Троицыно утро*, который актуализирует религиозные представления. Это и христианская троица Отец-Бог, Сын-Бог, Святой Дух, и языческие представления о воскрешении природы. Таким образом, в приведенном примере мы можем также усматривать идеи пантеизма, для формулирования которых автор использует метафорический образ концепта ‘БЕРЕЗА’.

Рассмотрим примеры антропоморфной метафоры “береза – человек (девушка)”: *Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы* [2, с. 34].

Все построение стиха указывает на тождество между “березой” и “девушкой”. Рассмотрим предложенный зрительно-ассоциативный комплекс.

БЕРЕЗА

ДЕВУШКА

1) единица метаязыка *зеленый*;

1) наличие косы;

2) использование омонима *сережки* – цветок дерева.

2) возможность носить украшение – сережки.

Кроме того дерево наделяется способностью выражать эмоции (*улыбнулись*), и может быть подвержено физическим состояниям человека (*сонные*). *Зеленая прическа, / Девическая грудь, / О тонкая березка, / Что загляделась в пруд? / Что шепчет тебе ветер? / О чем звенит песок? / Иль хочешь в косы-ветви / Ты лунный гребешок? / Открой, открой мне тайну / Твоих древесных дум...* [1, с. 98].

Лексемы *прическа, грудь, косы, гребешок, думы* на ментальном, анатомическом, узуальном уровнях характеризуют человека – девушку. Использование таких единиц метаязыка, как *зеленый, древесный*, актуализирует частичное сходство дерева и человека. При этом денотат концепта ‘БЕРЕЗА’ наделяется способностью чувствовать, мыслить, воспринимать, осознавать и продуцировать речь предметов неживой природы и людей: *И мне в ответ березка: / “О любопытный друг, / Сегодня ночью звездной / Здесь слезы лил пастух. / Луна стелила тени, / Сияли зелена. / За голые колени / Он обнимал меня...* [1, с. 98]. Этот пример также иллюстрирует частичное сходство двух конкретных предметов “дерево – человек”. Первое: выделяется частичное сходство морфологии дерева и анатомии человека, для актуализации этого признака используется омоним *колени*.

Колени:

– часть ног от сустава до таза;

– отдельное сочленение, звено, отрезок в составе чего-нибудь, являющегося соединением таких отрезков;

– изгиб чего-нибудь, идущего ломаной линией [8, с. 243].

Второе: способность к осмысленной речи, которую имеет и человек, и дерево.

Хороша ты, о белая гладь! / Греет кровь мою легкий мороз! / Так и хочется к телу прижать / Обнаженные груди берез [1, с. 99]. В приведенном стихе в основе частичного сходства двух объектов лежит цвет кожи человека и коры дерева – белый. Этот признак вербализует адъектив *обнаженный*.

Я сегодня влюблен в этот вечер, / Близок сердцу желтеющий дол. / Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на березке подол [1, с. 114].

Анатомическая структура человека и одежда выступают основой для создания метафоры “береза – девушка”. Форма кроны дерева в этом примере подобна форме юбки, сарафана, платья, а ствол с разветвлением ветвей визуалью похож на строение человеческого тела: *Я навеки за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И холщовый ее сарафан* [1, с. 173].

Ствол дерева в приведенном примере сравнивается с туловищем человека. Сходство белой с черными полосами коры с тканью дало основание для метафоры *холщовый ее* [березы] *сарафан*. Наличие гибких ветвей дает основание для сходства с длинными волосами, из которых возможно формирование прически. Цвет кос дерева является маркером описываемой поры года: *Злой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез* [1, с. 257]. В этом стихе метафора “дерево – человек” формируется на основе сходства ветвей с руками и актуализируется с помощью прилагательного *коричневый*. Листья сравниваются с перстнями на основе спектральной близости золотого и желтого цвета.

Под березкою-невестой, / За сухим посошником, / Утирается берестой, / Словно мягким рушником [1, с. 208]. Метафора “береза-невеста” проводит тождество на основе возраста. “Невеста – девушка, достигшая возраста, при котором можно вступать в брак” [8, с. 343].

Итак, рассмотренные нами примеры метафоры “дерево – человек” построены на выделении частичного сходства и утверждении полного тождества двух объектов. “Именно это преувеличение, нарушающее границы истины, и придает ей поэтическую силу... Но и наоборот, не может существовать... метафоры, которая бы не открывала реальной общности” [6, с. 74]. В. Телия отмечает, что основой тропов является и антропометрический принцип, который формулируется так: “человек – мера всех вещей”. Он лежит и в основе формирования наивной картины мира, “которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как опредмеченные константы, как лица или живые существа” [10, с. 174].

Из сказанного можно сделать *следующий вывод*: в основе чувственного образа концепта ‘БЕРЕЗА’ лежат определенные когнитивные и образные признаки. Среди них:

- дерево, имеющее белый покров ствола – кору;
- дерево, имеющее листовую крону;
- дерево, имеющее сердцевидные по форме листья;
- возможность произрастания дерева у пресной воды;
- возможность произрастания у жилых домов;
- превалирование в описании пейзажа России;
- идентичность цвета коры цвету воска дает возможность утверждать тождество “береза – свеча”;
- визуально можно установить тождество “береза – колокольня”;
- через звуковое восприятие выделяем признак “береза = перезвон”;
- одушевленность дерева согласно антропометрическому канону.

Данное исследование является первым этапом для создания методики вычленения и описания образной составляющей концепта.

Литература

1. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С. А. Есенин. – М. : Сов. Россия : Современник, 1990. – 480 с.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. Стихотворения. Проза. Статьи. Письма / С. А. Есенин. – М. : Сов. Россия: Современник, 1990. – 384 с.
3. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
4. Макеева Н. С. Роль образного компонента в формировании структуры концепта (на примере концепта “богатство”) [Электронный ресурс] / Н. С. Макеева // Филология. – 2009. – С. 200–202. – Режим доступа к статье: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/makeyeva_93_200_202.pdf.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 68–81.

7. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
8. Словарь русского языка [авт. Ожегов С. И., под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
9. Словарь русского языка [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М.: Рус. яз. – Т. 1 : А-И. – 1981. – 698 с.; Т. 2 : К-О. – 1983. – 736 с.; Т. 4 : О-Я. – 1984. – 796 с.
10. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
11. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. [Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82–109.

Аннотація

Ю. Л. Дмитриева. Образно-ассоциативный компонент концепта 'БЕРЕЗА' (на материале произведений С. Есенина)

В статье рассматриваются основные подходы к образно-ассоциативному компоненту концепта: неоднородность чувственного образа, трактовка когнитивного образа, превалирование антропометрического канона при метафорическом рассмотрении действительности. Анализируются перцептивные и когнитивные признаки концепта 'БЕРЕЗА' на материале произведений С. Есенина, формулируется образно-ассоциативная составляющая рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: концепт, образ, метафора, дерево, антропометрический принцип, гетерогенные объекты.

Анотація

Ю. Л. Дмитрієва. Образно-асоціативний компонент концепту 'БЕРЕЗА' (на матеріалі творів С. Єсеніна)

У статті проаналізовано основні підходи до образно-асоціативного компонента концепту: неоднорідність чуттєвого образу, потрактування когнітивного образу, перевалювання антропометричного канону при метафоричному розумінні дійсності. Досліджено основні перцептивні та когнітивні ознаки концепту 'БЕРЕЗА' на матеріалі поезій С. Єсеніна, сформульовано образно-асоціативну складову розглядуваного концепту.

Ключові слова: концепт, образ, метафора, дерево, антропометричний принцип, гетерогенні об'єкти.

Abstract

J. L. Dmitrieva. The Figurative and Associative Component of the Concept 'BIRCH' (based on poems by S. Yesenin)

This article deals with linguistic and cognitive peculiarities of the concept 'BIRCH' and specifies its actualization in the language of S. Yesenin's poetic works. The focus is on the figurative-associative component of the concept. The definition of the image is given in the article. The emphasis is on its heterogeneity. Some approaches to the understanding of metaphor are considered. Two groups of metaphors are singled out and analyzed: "subject – subject", "subject – person". The influence of the anthropometrical principle on the identification of heterogeneous subjects is specified. The metaphor phenomenon in poetry is considered in the paper. The principles of metaphorical actualization of the concept "BIRCH" are analyzed. The possibility of the expansion of the concept "metaphor" on other figures of speech is formulated. Some prospects for further investigation are specified.

Key words: concept, image, metaphor, anthropometrical principle, heterogeneous subjects.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ МОРФОЛОГІЇ І СЛОВОТВОРУ

О. В. Арцешашева
(Горлівка)

УДК 81'366.58

ДІЄСЛОВО У РОЗВІДКАХ П. О. БУЗУКА

Існування будь-якої науки не є можливим без урахування досвіду науковців попередніх поколінь. Тому, без сумніву, звернення до наукової спадщини завжди є актуальним. Досягнення кожного дослідника сприяють становленню та розвитку науки. Лінгвістична історіографія вивчає наукову спадщину мовознавців минулого.

Упродовж XIX–XX ст. лінгвістична наука накопичила значний теоретичний і практичний матеріал. Одним із найбільш плідних у галузі мовознавства став період 20–30 рр. XX ст. Цей етап позначився увагою до питань історії слов'янських мов, зокрема української, активною діяльністю в галузі практичного мовознавства, теоретичним опрацюванням граматики. Граматичні, фонетичні, словотвірні явища стали предметом спеціального вивчення. Значну увагу було приділено дослідженню структури частин мови, граматичним категоріям у їхньому взаємозв'язку.

У 20-30 рр. XX ст. вийшла друком ціла низка мовознавчих робіт, присвячених українському дієслову. Це студії С. Смал-Стоцького, Є. Тимченка, І. Огієнка, В. Ганцова, О. Курило, О. Синявського, А. Кримського, Ю. Шевельова та інших мовознавців. У лінгвістичних дослідженнях зазначеного періоду вагоме місце посідають праці Петра Опанасовича Бузук, спадщина якого маловідома. Сфера інтересів ученого охоплює різні галузі мовознавства. Ю. Шевельов писав про нього: "Бузук наче намагався охопити якнайширше коло проблем, сказати своє слово в усіх ділянках мовознавства, поновно переглядаючи здобутки своїх попередників там, де він цих попередників мав, закладаючи вперше фундаменти нашого знання в тих галузях, які перед ним не знаходили талановитих працівників. Широта його зацікавлень вражає, він сам наче хотів бути інститутом мовознавства" [6, с. 23]. Щодо попередників, про яких згадував Ю. Шевельов, то у своїх працях П. Бузук часто посилався на дослідження О. Соболевського, Г. Ільїнського, П. Фортунатова, О. Шахматова, Б. Ляпунова, А. Мейє та інших лінгвістів. Він творчо використовував їхні наукові концепції для розвитку українського мовознавства. Дослідника цікавили проблеми методології лінгвогенетичного дослідження ("Взаємовідносини між українською та білоруською мовами: Методологічний нарис", 1926), лінгвістичної географії, діалектології ("З історичної діалектології української мови. Говірка Луцької євангелії 14 в", 1931, "Діалектологічний нарис Полтавщини", 1929), історії слов'янських мов, зокрема білоруської та української ("Замітки з української мови: Дві подробиці укр. Звучні", 1924). Розвідки П. Бузук в царині історичної фонетики та морфології ґрунтувалися на запропонованій ним хронології мовного розвитку ("Історична фонетика та морфологія української мови: Історичний курс укр.", 1929, "Уваги до дієприкметника в українській мові", 1925, "Нарис історії української мови. Вступ, фонетика і морфологія з додатком історичної хрестоматії", 1927). Досліджуючи певні морфологічні явища, П. Бузук, безперечно, звертався до дієслова. І хоча у мовознавця немає окремих робіт, присвячених саме дієслову, його ідеї й твердження щодо цієї частини мови мають велику цінність в лінгвістично-історіографічному аспекті.

У системі частин мови дієслово, безперечно, є однією з найскладніших та найцікавіших частин. Воно відрізняється багатством своїх форм та розгалуженою системою граматичних категорій. Саме цим зумовлено особливу увагу мовознавців до дієслова.

Мета нашої статті – розкрити погляди П. Бузук на українське дієслово. Досягнення мети видається можливим за умови розв'язання таких завдань: проаналізувати твердження лінгвіста щодо українського дієслова; визначити особливості інтерпретації дієслівних форм; виявити, які твердження науковця зберегли значущість для сучасного мовознавства.

П. Бузук досліджував морфологічні явища в історичному аспекті. Початок історичної доби став відправною точкою у вивченні цих явищ. Мовознавець не вивчав категорії частин мови, їхню класифікацію, основну увагу він приділяв аналізу форм.

1927 р. вийшла друком праця П. Бузук "Нарис історії української мови", присвячена історичній морфології. У ній дослідник сформулював низку тверджень у потрактуванні походження та розвитку українських дієслів, що викликали неоднозначну реакцію в наукових колах.

Поділяючи погляди А. Лескіна, П. Бузук диференціював дієслова за основами теперішнього часу на п'ять класів. Слід зазначити, що більшість авторів з історичної граматики дотримувалися такої класифікації [4, с. 236].

Виклад історії форм дієслів П. Бузука має оглядовий характер і є доволі традиційним, але в ньому є твердження, що заслуговують на увагу. У творенні окремих форм дослідник намагався розрізнити фонетичні та морфологічні чинники. Так, наприклад, форми першої особи однини чоловічого роду минулого часу ілюструють перехід кінцевого *л* у *в* у результаті дії морфологічних, а не фонетичних причин. На користь цього твердження, на думку лінгвіста, свідчить відсутність такого переходу в інших частинах мови (наприклад *стіл*, а не *стів*). П. Бузук підкреслював, що на утворення дієслів минулого часу першої особи однини чоловічого роду на *-в* вплинули дієприкметники минулого часу чоловічого роду на *-въ*, *-въши*. Сучасні дослідники історії мови пояснюють перехід *л* у *в* у зазначених формах фонетичними причинами.

Для опрацювання історичної морфології української мови П. Бузук використовував дані не тільки писемних пам'яток, а також дані живої мови. Під час аналізу форм майбутнього часу недоконаних дієслів *писати-му* тощо учений стверджував, що вони утворилися шляхом сполучення інфінітива *писати* з допоміжним дієсловом *иму*. У цьому мовознавець поділяв теорію А. Кримського про існування архаїчних сполучень інфінітива та допоміжного дієслова *имамъ*.

П. Бузук репрезентував доволі цікаву концепцію щодо закінчення *-ть* у формах третьої особи однини теперішнього часу. Мовознавець зазначав, що дієслова першої дієвідміни не мають закінчення у цих формах, а дієслова другої кон'югації і нетематичні дієслова мають закінчення *-т'* з колишнього *-ть* [1, с. 81]. Тематичні дієслова – це такі, у яких між коренем і суфіксом інфінітива, особовими, часовими флексіями наявний суфікс основи, усі інші дієслова – нетематичні [4, с. 235]. Лінгвіст зазначав, що флексія *-ть* була характерною здебільшого для нетематичних дієслів, але з розвитком мови вона перейшла й до тематичних дієслів. У білоруській та українській мовах це закінчення мають дієслова четвертого класу (*сид-и-ть*), а форми I, II і III класів у третій особі однини не мають закінчення *-ть* (*бер-е*).

Досліджуючи сучасні теорії, можемо констатувати, що мовознавці вивчають тематичні і нетематичні дієслова у парадигмі теперішнього – майбутнього часу. В. Русанівський зазначає, що у дієвідмінюванні тематичних та атематичних дієслів існувала відмінність, яка простежувалася ще у спільнослов'янський період. У III особі однини тематичні дієслова мали закінчення *-тъ*, *о*, а атематичні – *-тъ*. У старослов'янських пам'ятках зустрічалися форми з нульовою флексією. У давньоруській мові, як зауважує В. Русанівський, більшість дієслів III особи однини мали закінчення *-ть*. Тематичні й атематичні дієслова мали ті самі флексії [4, с. 312].

Суттєвими є розвідки П. Бузука, присвячені дієприкметнику. 1925 р. ним надруковано статтю “Уваги до дієприкметників в українській мові”. Ідеї, викладені мовознавцем у цій праці і репрезентовані пізніше в “Нарисі...” є дуже важливими й зберегли свою актуальність до наших днів.

“Уваги...” стали своєрідною відповіддю тим українським граматастам, які вважали, що форми активних дієприкметників теперішнього часу на *-чий* не є українськими формами. У цій роботі П. Бузук зауважував про необхідність розрізнення окремих форм дієприкметників через те, що певні з них (на *-чий*) поширені як у літературній, так і в живій мові. Існування таких дієприкметників підтверджує здатність мови утворювати ці форми. Також учений зазначав, що давні активні дієприкметники на *-чий* втратили свою часову ознаку й перейшли в розряд прикметників (*некучий*, *гарячий*). Також стали прикметниками і давні дієприкметники на *-мий* та безпрефіксні дієприкметники на *-лий* (*знайомий*, *видимий*; *горілий*, *зрілий*, *спілий*).

Не всі сучасники П. Бузука поділяли його думку щодо дієприкметників на *-чий*. Зокрема О. Курило вважала, що для живої української мови не притаманним є вживання активних дієприкметників на *-чий*, *-ший* та пасивних на *-мий*.

Треба зазначити, що навіть деякі сучасні мовознавці вважають відсутність в активному вжитку дієприкметників теперішнього часу характерною рисою сучасної української літературної мови.

М. Жовтобрюх, досліджуючи спадщину П. Бузука, зазначав, що його погляди були правильні по суті, але вони довгий час залишалися поза увагою наукової спільноти. Згодом закономірність існування активних дієприкметників теперішнього часу на *-чий* стала загальновідомим та визнаним фактом.

Таким чином, слід підкреслити, що, узагальнивши всі знання з мовознавства, які існували на той період, П. Бузук виклав свою систему форм та правил. Він запропонував власні міркування, спираючись на попередній граматичний досвід. Оригінальною була його концепція щодо закінчень дієслів третьої особи однини. Під час аналізу дієслівних форм в історичному аспекті лінгвіст зробив висновок, що характерною рисою нетематичних дієслів у третій особі однини була флексія *-ть*. П. Бузук пояснював причини морфологічних змін дією аналогій.

Вагомим внеском дослідника стали його розвідки, присвячені вивченню дієприкметника. Твердження П. Бузука про закономірність існування активних дієприкметників теперішнього часу на *-чий* в українській мові залишається актуальним у сучасній морфології.

Слабкими сторонами у викладі історії морфології дослідником стало те, що він розглядав розвиток кожної частини мови окремо, часто втрачаючи під час аналізу "відправну точку". Хронологічні визначення були не точними.

Деякі з поглядів, викладених П. Бузуком, було переосмислено, вони знайшли свій розвиток у працях Р. Якобсона, Т. Мілевського, Ю. Шевельова, З. Штібера та ін.

Поцінування спадщини видатного мовознавця П. Бузука є необхідним для сучасних науковців, оскільки його розвідки містять оригінальні ідеї й концепції в галузі білоруського та українського мовознавства. Дослідження П. Бузука з питання походження та розвитку українських дієслів є дуже цінними та цікавими й зумовлює *перспективи наших наукових розвідок*, присвячених цій частині мови.

Література

1. Бузук П. О. Нарис історії української мови. Вступ. Фонетика і морфологія, з додатком історичної хрестоматії / П. О. Бузук. – К., 1927. – 98 с.
2. Голуб О. М. Лінгвістична спадщина П. О. Бузука в сучасному контексті : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / О. М. Голуб. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – 20 с.
3. Жовтобрюх М. А. Нарис історії українського радянського мовознавства (1918 – 1941) / М. А. Жовтобрюх; АН України. Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні; Відп. ред. В. М. Русанівський. – К. : Наук. думка, 1991. – 260 с.
4. Історія української мови : Морфологія / В. В. Німчук, А. П. Грищенко, М. А. Жовтобрюх, В. М. Русанівський, І. П. Чепіга. – К. : Наук. думка, 1978. – 540 с.
5. Курило О. Б. Уваги до сучасної літературної мови / О. Б. Курило. – К., 1925. – С. 1–40.
6. Шевельов Ю. Покоління двадцятих років в українському мовознавстві / Ю. Шевельов // Українська мова та література. – 2003. – № 18. – С. 6–11.

Анотація

О. В. Арцешашева. Глагол в исследованиях П. А. Бузука

Статья посвящена анализу взглядов украинского языковеда П. А. Бузука на проблему исторических форм украинского глагола. Дано описание языковой ситуации указанного периода и лингвистическая трактовка исследуемой проблематики. Перечислены названия наиболее важных работ исследователя. Основной акцент сделан на исторических формах и особенностях глаголов и причастий. В работе определены слабые стороны и преимущества исследования П. А. Бузука. Сделаны выводы относительно анализа этих форм в лингвоисторикографическом аспекте.

Ключевые слова: глагол, причастие, флексия, спряжение глаголов, лингвоисторикографический аспект, настоящее время.

Анотація

О. В. Арцешашева. Дієслово у розвідках П. О. Бузука

Статтю присвячено аналізу поглядів українського мовознавця П. О. Бузука на проблему історичних форм українського дієслова. Подано опис мовної ситуації 20-30 рр. ХХ ст. та своєрідне лінгвістичне потрактування досліджуваної проблематики. Проаналізовано найважливіші роботи дослідника щодо історичних форм та особливостей дієслова й дієприкметника. Велику увагу приділено аналізу цих форм у лінгвоісторикографічному аспекті.

Ключові слова: дієслово, дієприкметник, флексія, лінгвоісторикографічний аспект, дієвідміна, теперішній час.

Abstract

O. V. Artsebasheva. The Investigation of the Ukrainian Verb by P. O. Buzuk

The article is dedicated to the investigation of the historical verbal forms in the works by the Ukrainian scientist, P. O. Buzuk. The linguistic interpretation of the problem under analysis and the language situation of the given period have been considered in this paper. Special attention has been paid to the historical peculiarities of verbs and participles. The detailed information concerning the inflections of verbs and participles has been given. In his works P. O. Buzuk concentrates his attention on the classification of verbs taking into consideration their stems in the present tense. The researcher singles out five classes of verbs. He also makes emphasis on the differentiation between phonetic and morphological reasons for changes in verbal forms. P. O. Buzuk's morphological conception includes the formation and the development of participial forms in the Ukrainian language. Investigating the forms of participles the author comes to the conclusion that the existence of participles of present tense active voice ending in –чий is a characteristic feature of the modern Ukrainian language. Some weak points and perspectives of the research have been highlighted in the paper. The emphasis is on the results of the linguohistoriographical analysis of the verbal and participial forms. P. O. Buzuk's views on verbs may serve as the basis for further investigations.

Key words: verb, infinitive, participle, inflection, linguohistoriographical aspect, present tense.

Н. В. Дьячок
(Горловка)

УДК 811.161.1=81'373.611

**К ВОПРОСУ О “НУЛЕВОЙ” АФФИКСАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Статья призвана осветить проблему так называемой “нулевой” аффиксации как лингвального явления. Но особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование данного явления в рамках процесса универбации.

Существует целый ряд определений универбации как процесса и универба как результата этого процесса. Большинство из них считаются традиционными и относят указанные понятия исключительно к области словообразования.

Универбация – “образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов” [5, с. 74–75]: *неотложка – неотложная помощь, короткометражка – короткометражный фильм, молодежка – молодежная газета* и т.п. В этом значении используются и другие термины. Авторы монографии “Русская разговорная речь” относят подобные образования к явлениям семантического стяжения, или семантической конденсации, понимая под этим процессы, связанные с утратой семантической расчлененности комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем [9, с. 408]: *вечёрка – вечерняя газета, подсобка – подсобное помещение* и т.п. В. Н. Немченко образование производных слов в результате эллипсиса производящего словосочетания с одновременной суффиксацией называет стяжением [7, с. 241]: *читалка – читальный зал* и т.п. Данное явление обязательно должно сопровождаться наличием в языке двух форм обозначения одной и той же – общей для них – семантики: расчлененной (аналитической) и нерасчлененной (синтетической).

А. В. Исаченко ввел в научный обиход под термином “универбация” понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования [3, с. 339]. Он обозначил данным термином следующие явления:

- 1) словосложение (*прямолинейный, водовоз*);
- 2) сращение (*накануне, долгоиграющий*);
- 3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования:
- 4) а) эллипсис означаемого члена, то есть субстантивация (*рабочий, военный, передовая*);
б) эллипсис означающего члена (*газовая плита – плита, патефонная пластинка – пластинка*);
- 5) аффиксальную деривацию (*молотильная машина – молотилка, прогрессивная зарплата – прогрессивка*);
- 6) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска – противогаз*);
- 7) различные типы сложносокращенных слов (*медработник, ПАЗ, НИИ, мопед*).

Н. А. Янко-Триницкая называет универбы (универбаты) словами с включением, определяя

включение как “расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения” [15, с. 375]. Эту идею поддерживает и другие исследователи, считая, что “включаемым может быть как значение определяющего слова в словосочетании, так и значение определяемого” [13, с. 149].

Итак, все ученые, когда-либо занимавшиеся этой проблемой, едины в одном: перед нами явление деривационного характера, хотя тождественность семантики словосочетания и соответствующего ему слова дает нам право предположить, что между словосочетанием и словом реализуются отношения отнюдь не словообразовательные, например: *наружка* и *наружная охрана*, *незавершенка* и *незавершенное строительство*, *Ленинградка* и *Ленинградское шоссе* и т.п.

В связи с этим естественно желание найти единый терминологический эквивалент приведенному процессу и тем единицам, которые в результате этого процесса возникли. Вслед за В. И. Теркуловым нам представляется целесообразным рассматривать каждый такой дериват как универбализованный (вербализованный) эквивалент словосочетания, “то есть слово, которое возникло в результате словесной интерпретации словосочетания, имеет абсолютно тождественные словосочетанию лексическое и грамматическое значение и синтаксическую функцию” [11, с. 134], а данная словесная интерпретация возникла благодаря процессу эллиптической универбации. В целом же каждую конкретную исследуемую нами единицу мы определяем как номинатему типа “словосочетание + эллиптический универб”. Она входит в разряд структурных разновидностей номинатемы с доминантой-словосочетанием, то есть является единицей, семантически тождественной словосочетанию, которая отождествляется на его уровне. Номинатема вообще – это некая абстрактная языковая единица, реализующаяся в вербальных формах (глоссах, вариантах), причем в данном конкретном случае вариантами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово, например *капитальный ремонт* и *капиталка*, *коммунальная квартира* и *коммуналка*, *дочь царя* и *царевна*, *настойка валерианы* и *валерьянка*.

Таким образом, под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы.

Напомним, что из классификации А. В. Исаченко к универбации в новом значении можно отнести так называемую аффиксальную деривацию (типа *прогрессивная зарплата* – *прогрессивка*, *кожаная куртка* – *кожанка*, *брат в жены* – *жениться*) и нулевую деривацию (типа *противогазовая маска* – *противогаз*, *богатый человек* – *богач*), причем с замечанием относительно некорректности термина “нулевая деривация”. Данный термин сопряжен со столь же некорректными терминами “нулевая аффиксация” и “нулевой аффикс”.

Бесспорно то, считаем мы, что существительное *противогаз* соотнесено имитацией морфологической деривации со словосочетанием *противогазовая маска*. Этот способ реализации номинатемы с доминантой-словосочетанием является сходным с традиционным бессуффиксным способом морфологического словопроизводства (Н. М. Шанский, З. А. Потиха). Нулевая суффиксация неоднократно рассматривалась в теоретическом аспекте. Этого нельзя сказать, например, об историческом или ахроническом аспектах данной проблемы.

“Нулевые словообразовательные средства, способ нулевой суффиксации не были искони присущи системе славянского словообразования” [6, с. 38]. Слова указанного выше типа формировались “на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ї, ѓ, ѣ, а* (> *ь, ъ*)” [14, с. 286], именно поэтому подобные образования имели в своей структуре иногда приставочную, корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *рокъ* (*rǫkǫs), *порокъ* (*pǫrǫkǫs), *урокъ* (*zurokǫs) и т.д. Вслед за Г. А. Николаевым мы полностью разделяем мнение А. В. Десницкой, считавшей, что многие из подобных образований “могут быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построения древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола” [2, с. 14].

Термины, отражающие понятия нулевой аффиксации и нулевой морфемы, представляются не очень удачными не только в историческом, но и в синхронном теоретическом аспекте.

Нулевая морфема, или нулевой аффикс, – “отсутствие аффикса в какой-либо форме, противопоставляемое положительно выраженным аффиксом в других формах той же парадигмы” [8, с. 213].

Изначальное противоречие заложено в самом термине, в котором атрибут “нулевой” по своему исконному значению абсолютно синонимичен определению “отсутствующий”. Другими словами, термин “нулевой аффикс (морфема)” по семантике составляющих компонентов идентичен термину “отсутствующий аффикс (морфема)”. Однако в этом случае трудно определить, что же обозначает термин: материально не выраженную субстанцию или отсутствие всякой субстанции.

В. И. Теркулов считает также, что данное понятие противоречит самой природе знака. Как известно, знак – это “материально-идеальное образование..., репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности” [4, с. 67]. “Это предполагает, что план выражения знака является элементом, субституирующим реальность, причем эта способность к субституции и есть сущность знака. Если же у знака нет плана выражения, то отсутствует и способность к субституции, а, следовательно – отсутствует и сам знак” [10, с. 353–354].

Однако ученые поддерживают мнение о том, что оправдать отсутствие плана выражения у знака можно за счет констатации того, что знак данного типа находится на периферии системы. При этом существование нулевых аффиксов обосновывается не столько внутренними закономерностями существования системы, сколько необходимостью заполнения парадигматических лакун: “Под нулевой суффиксацией понимается нами показательное отсутствие формального знака при наличии четкой соотнесенности с производящей основой в системе родственных суффиксальных образований” [1, с. 102]. Выражаясь иными словами, например, у слова *синхрон* выделяют нулевой суффикс только потому, что материально выраженный суффикс есть в других тождественных, синонимичных или близких по значению данному универбу единицах, например, *синхронный перевод* – *синхрон* и *синхронный перевод* – *синхронка*.

Как известно, система – это объединение определенных элементов в единое и четко расчленённое целое; элементы этого целого по отношению к себе и другим частям занимают соответствующие им места. В. И. Теркулов в связи с этим утверждает, что “если какой-то факт системы противоречит нашему представлению о ней, виновата в этом не она, а именно наше представление. В этом случае нужно хотя бы попытаться поискать другой подход к определению статуса этого “внесистемного” факта в системе” [12, с. 56].

В нашем случае можно предложить другой способ трактовки понятий “аффикс” вообще и “нулевой аффикс”, в частности для универбов – реализаций номинатем с доминантой-словосочетанием. Если, вслед за В. И. Теркуловым, мы называем универб вербальной реализацией номинатемы, то есть фактически ее глоссой, а процесс универбации понимаем как процесс, сопряженный не с внешней, а с внутренней мотивированностью, то формирование каждого отдельного универба можно считать формообразованием, а морфему, при помощи которой универб формируется, – формообразующим аффиксом, лишь имитирующим словообразовательный процесс.

Таким образом, являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных алломорфах. В связи с этим термины “нулевая аффиксация”, “нулевой аффикс (морфема)” нельзя считать убедительными.

В продолжение затронутой темы позволим себе еще одно замечание. Оно касается определения статуса существительных типа *асфальт* (*асфальтовая дорога*), *стационар* (*стационарное отделение*), *синхрон* (*синхронный перевод*), *плацкарт* (*плацкартный вагон*) и т.п. В данном случае вполне оправданным является вопрос о том, что перед нами: результат метонимии или универбации – имитации материально невыраженной аффиксации (суффиксации)? Мы считаем, что существительные типа *стационар* или *асфальт* являются универбами и результатами имитации материально невыраженной суффиксации, поскольку наряду с ними в речи используются словосочетания *стационарное отделение* и *асфальтовая дорога* с тождественными им значениями (ср. также *фотополимер* – *фотополимерная пломба*, *автомат* – *автоматическая коробка передач*, *авторитет* – *авторитетная личность*, *акрил* – *акриловая краска*). У слова же (номинатемы. – Н. Д.), новое значение которого возникло в результате метонимического переноса, нет равноправного по значению и употреблению словосочетания.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам: 1) под универбом нами понимается грамматически тождественное определенному словосочетанию слово, часто стилистически отличающееся от этого самого (эквивалентного) словосочетания чертами разговорности, сленговости, являющееся наряду с ним вариантом одной номинатемы; 2) являясь абстрактной единицей, морфема существует всегда, воплощаясь в материально выраженных

алломорфах; 3) термины “нулевая аффиксация”, “нулевой аффикс (морфема)” нельзя считать убедительными.

Литература

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научн. докл. высш. шк. филол. науки. – 1965. – № 2. – С. 59–68.
2. Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках / А. В. Десницкая // Ученые записки ЛГУ. – Вып. 14. – 1949. – С. 11–16.
3. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – 1958. – Rois. 27. – Seř. 3. – S. 349–350.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 688 с.
5. Лопатин В. В. Новое в русском языке советской эпохи / В. В. Лопатин // Рус. яз. в школе. – 1987. – № 5. – С. 74–77.
6. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование / Г. А. Николаев. – Казань: КГУ, 1987. – 224 с.
7. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование / В. Н. Немченко. – М. : Высш. шк., 1984. – 256 с.
8. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.
9. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1973. – 232 с.
10. Теркулов В. И. К вопросу о “нулевой флексии” / В. И. Теркулов // Нариси досліджень у галузі гуманітарних наук в педвузі. – Горлівка : ГДПІМ, 1995. – С. 353–355.
11. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка / В. И. Теркулов // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127–136.
12. Теркулов В. И. Слово и номинатема: Опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В. И. Теркулов. – Горловка : ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.
13. Харченко С. Ю. Реализация активных словообразовательных типов и моделей в лексических новообразованиях начала XXI века / С. Ю. Харченко // Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство. – Волгоград, 2009. – С. 139–158.
14. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : МГУ, 1966, 1968. – 312 с.
15. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 504 с.

Аннотация

Н. В. Дьячок. К вопросу о “нулевой” аффиксации в контексте универбализационных процессов

Статья посвящена решению проблемы “нулевой” аффиксации как лингвального явления. Данная проблема рассмотрена в контексте универбации. Предложен анализ различных точек зрения относительно статуса универбации и универба как ее результативной единицы. Дано определение номинатемы как основной инвариантной единицы языка. Альтернативной представлена точка зрения о некорректности терминов “нулевая аффиксация” и “нулевой аффикс”. Сделаны выводы относительно заявленной проблемы.

Ключевые слова: номинатема, словосочетание, универб, аффикс, аффиксация.

Анотація

Н. В. Дьячок. До питання про “нульову” афіксацію в контексті універбалізаційних процесів

Статтю присвячено вирішенню проблеми “нульової” афіксації як лінгвального явища. Проблема розглянуто в контексті універбації. Запропоновано аналіз різних поглядів щодо статусу універбації та універба як її кінцевого результату. Надано визначення номінатемі як основної інваріантної одиниці мови. Репрезентовано альтернативну думку щодо некоректності термінів “нульова афіксація” і “нульовий афікс”. Зроблено висновки щодо зазначеної проблеми.

Ключові слова: номінатема, словосполучення, універб, афікс, афіксація.

Abstract**N. V. Dyachok. "Zero" Affixation in Univerbation Process**

The article deals with the "zero" affixation problem which has been considered in connection with the phenomenon of univerbation as a variety of compressive word formation. Different points of view on the status of univerbation and univerb have been analyzed. The definition of nominatheme as the main invariant unit of the language has been given. Univerb has been defined as a nominatheme verbal realization, that is, in fact, its gloss. Univerbation process is connected with the inner motivation. The formation of each separate univerb has been viewed as morphogenesis; the morpheme which forms univerb has been named a formative affix. The peculiarities of nominatheme of the "word-combination + univerb" type have been studied. The definite status of nominatheme and functional characteristics of its equivalents have been emphasized. It has been stated that the terms "zero" affixation, "zero" affix (morpheme) are not considered to be persuasive.

Key words: nominatheme, word-combination, univerb, affix, affixation.

**А. В. Котова
(Харьков)**

УДК 811.111'36

**СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС ДЛИТЕЛЬНЫХ И ПЕРФЕКТНЫХ
ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Общепризнанным является тот факт, что категория вида в английском языке представлена оппозицией "длительные/недлительные формы", а категория временной отнесенности представляет собой оппозицию "перфектные / неперфектные формы".

Некоторые аспекты прогностической валидности глагольных форм длительного аспекта изучала Е. Попкова, стилистический потенциал употребления вида и времени в английском языке раскрыт в работах А. Байрамовой; С. Литвак изучал новые тенденции в функционировании английского перфекта, И. Мазепой рассмотрены некоторые ненормативные случаи употребления английских перфектов.

Целью нашего исследования является целостный анализ современного статуса длительных и перфектных форм в английском языке в связи с недостаточным, на наш взгляд, освещением этого вопроса в научной литературе.

Само название форм длительного вида предполагает, что их основное категориальное значение – длительность. Но, как замечает А. И. Дородных, длительность не должна пониматься буквально, так как с глаголами точечного действия длительные формы приобретают значение многократности, а с глаголами непроцессуального характера, длительные формы подчеркивают временный, преходящий характер события, или же несформированность, недостижимость выражаемого глаголом восприятия, мнения и т.д. [1, с. 45].

Л. С. Бархударов говорит, что как формы продолженного вида длительные формы выражают действие в его течении, в его конкретном совершении, причем неперфектные формы выражают процесс одновременный какому-либо моменту или отрезку времени [2, с. 56].

Поскольку выражается действие, приуроченное к определенному времени, а не действие вообще, длительная форма не может выражать действие, совершающееся постоянно, при любых условиях или длящееся бесконечно.

В лингвистической традиции разнообразные подходы к проблематике длительных форм обязательно связаны так или иначе с определением момента речи, позволяющим создавать объективно существующую временную ось, которая связывает языковую и объективную реальность.

Некоторые лингвисты считают, что категориальными значениями длительных форм являются процессуальность и одновременность моменту речи или какому-либо моменту в прошлом и будущем [4, с. 78].

Другая группа исследователей выделяет конкретность, актуальность действия, выраженного длительной формой [3, с. 43; 6, с. 136].

М. Джоос подчеркивает, что основное значение длительных форм – временный характер действия, его ограниченность во времени, что отражается в предложенном им термине "temporary aspect" [6, с. 125].

Учитывая вышеизложенные рассуждения, можно утверждать, что категориальными признаками форм продолженного вида являются актуальность, процессуальность, длительность, ограниченная во времени.

Что касается перфектных форм, некоторые лингвисты, учитывая их темпоральные признаки, абсолютизируют аспектуальные [7, с. 167].

Список работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных английскому перфекту, мог бы занять несколько страниц. Незавершенность многих проблем, связанных с перфектными формами и категорией временной отнесенности, вызывает появление все новых исследований, в которых делается попытка внести определенную ясность в решение сложных проблем, связанных с выявлением сущности данных грамматических форм.

Содержание любой грамматической формы определяется ее основным категориальным значением. Но следует отметить полисемантическую форму временной отнесенности. Перфект означает время абсолютное и относительное, предшествование, результатив, понимаемый как релевантность прошлого действия для момента речи, или же момента в прошлом или будущем.

О. Есперсен определяет значение перфекта настоящего времени следующим образом: “перфект соединяет прошлое событие с настоящим временем как продолжающееся до настоящего момента или же указывает на значимость результата или следствия этого события для настоящего момента” [9, с. 124]. Некоторые грамматисты подчеркивают, что релевантность предшествующего действия выражается перфектом не всегда и поэтому не считают данное значение категориальным признаком перфекта [9, с. 145]. Все же, как пишет Б. Комри, перфект настоящего времени отличается от простого прошедшего тем, что дополнительно указывает на релевантность прошлого действия в настоящий момент [11, с. 18].

Тем не менее, интересна точка зрения Дж. Кэнавана, согласно которой в роли немаркированной формы выступает перфект настоящего времени, а простое прошедшее маркировано по признаку локализованности в прошлом [10, с. 16]. Что же касается связи с моментом речи, то простое прошедшее маркировано по этому признаку отрицательно, а для перфекта настоящего времени этот признак факультативный.

Можно говорить о возможности выражения результативности перфектом в английском языке, но это не является обязательным. Поэтому и результативность следует считать факультативным признаком перфекта.

Можно рассматривать перфект настоящего и прошедшего времени отдельно, поскольку в современном английском языке существует специальная форма для обозначения предшествования – перфект прошедшего времени, которая всегда указывает время относительно. Возможно, данная форма является наиболее полисемантической и полифункциональной из всех временных форм английского глагола.

На формирование значений перфекта влияют различные факторы. К ним относятся лексическое значение глагола, категория времени перфекта и синтаксический контекст. На формирование того или иного значения перфекта также влияют экстралингвистические факторы.

Разнообразное использование одной грамматической формы является характерной особенностью грамматического строя современного английского языка. Необходимо подчеркнуть, что современные представления об участии тех или иных единиц в языковых системах отнюдь не требуют выхода единицы из одной системы при вступлении в качестве элемента в другую систему; никакая система не требует от своих элементов, чтобы лежащая в их основе субстанция лишалась способности формировать элементы других систем: единственное требование заключается в том, чтобы субстанция обеспечивала возможность совмещения системных функций без ущерба для них. Все же, по-видимому, бесполезно выделять категориальные признаки грамматических единиц и форм. Поэтому попытаемся сформулировать основные категориальные значения перфекта.

Принимая во внимание тот факт, что значение предшествования характерно и для простого прошедшего, считаем, что перфект выражает предшествование относительно: перфект настоящего времени означает предшествование моменту речи, перфект прошедшего времени означает предшествование установленному моменту или периоду времени в прошлом, а также другому прошлому событию, выраженному глаголом в форме простого прошедшего, а перфект будущего времени означает предшествование какому-либо моменту или действию

в будущем. Вследствие этого перфектные формы характеризуются отрицательно по признаку локализованности действия в прошлом, а значение релевантности прошлого действия в виде результата или следствия является для перфекта факультативным.

Вместе с тем, Present Perfect может заменяться на Past Indefinite. Как замечает И. Мазепа, основным значением перфектных форм есть значение посредничества. Это определение перфектных форм может способствовать изучению разных случаев употребления данных форм, но в большинстве случаев эти определения будут недостаточными вследствие того, что в определенном контексте могут проявиться разнообразные оттенки значения [5]. В общем, к факторам, влияющим на употребление и оттенки значения перфектных форм, относят лексическое значение глагола, временную категорию глагола, синтаксический контекст.

Литература

1. Дородных А. И. Вариативность грамматического строя английского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / А. И. Дородных. – Харьков, 1990. – 412 с.
2. Бархударов Л. С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг – М. : Высш. шк., 1973. – 428 с.
3. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
4. Кобрина Н. А. Грамматика английского языка / Н. А. Кобрина. – М. : Просвещение, 1985. – 287 с.
5. Мазепа І. П. «Ненормативні» випадки вживання (невживання) перфектних форм [Електронний ресурс] / І. П. Мазепа. – Режим доступу : http://archive.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/ped/2011_84/Mazepa.pdf
6. Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках / О. А. Смирницкая. – М. : Наука, 1977. – С. 5–127.
7. Joos M. The English Verb / M. Joos // Form and Meanings. – Madison : Milwaukee, 2005. – 251 p.
8. Quirk R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech. – Moscow, 1982. – 391 p.
9. Jespersen O. Essentials of English Grammar. / Jespersen O. – London, 2006. Jespersen O. – 284 p.
10. Canavan J. R. On the English Perfect Tense and Current Relevance Implicatures / J. R. Canavan // Papers and Studies in Contrastive Linguistics. – 1990. – Vol. 26. – P. 15–27.
11. Comrie B. Aspect. Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / B. Comrie – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. – 142 p.

Аннотация

А. В. Котова. Современный статус длительных и перфектных форм в английском языке

В статье рассматриваются особенности современного статуса длительных и перфектных форм глагола в английском языке. Представлены определения категориального значения длительных форм (одновременность действия, конкретность, актуальность действия и т.д.). Проанализированы подходы к определению перфекта, установлено, что на формирование значений перфекта влияет лексическое значение глагола, категория времени и синтаксический контекст.

Ключевые слова: современный статус, длительные формы глагола, перфект.

Анотація

А. В. Котова. Сучасний статус тривалих та перфектних форм в англійській мові

У статті розглянуто особливості сучасного статусу тривалих та перфектних форм дієслова в англійській мові. Репрезентовано визначення категорійного значення тривалих форм (одночасність дії, конкретність, актуальність дії тощо). Проаналізовано підходи до визначення перфекту, встановлено, що на формування значення перфекту впливає лексичне значення дієслова, категорія часу та синтаксичний контекст.

Ключові слова: сучасний статус, тривалі форми дієслова, перфект.

Abstract

A. V. Kotova. Modern Status of Continuous and Perfect Tense Forms in the English Language

Some peculiarities of the modern status of continuous and perfect tense forms in the English language have been considered in this article. The notion of the categorial meaning of Continuous tense forms has been defined (simultaneity of action, specificity, relevance of the action, etc). Some

approaches to the definition of the Perfect tense have been analyzed (it serves to link the present and the past, emphasize the result or consequence of the action, give an additional indication to the previous action relevance etc). It has been stated that the lexical meaning of verbs, the category of the Perfect tense, some syntactic context, and extralinguistic factors influence the formation of the Perfect tense meaning. It has been proved that the wide usage of the same grammatical form is a specific feature of the grammatical system of the modern English language.

Key words: *modern status, continuous forms, perfect forms, categorial meaning, the Perfect tense meaning.*

О. В. Самойленко
(Горлівка)

УДК 811'713

РЕЕТИМОЛОГІЗАЦІЯ ЯК ПРИЧИНА ТА НАСЛІДОК ПОЯВИ КВАЗІКОМПЗИТИВ

Тривалий час у мовознавстві загальноприйнятим уважався підхід, представники якого розглядали складні слова як результат конденсації речень або словосполучень. Але далеко не всі композити можуть бути розгорнуті в одиниці синтаксичного рівня. Такі одиниці ми, слідом за В. І. Теркуловим, будемо називати квазікомпозирами [5].

Метою нашої статті стало доведення того факту, що квазікомпозири не тільки не утворилися на тлі словосполучень, але й самі можуть поставати базою для творення таких синтаксичних одиниць у результаті декомпресії, тобто здатні сприяти реетимологізаційним процесам у мові та мовленні.

Мета дослідження визначила такі завдання: дати потрактування процесу реетимологізації; проаналізувати роль квазікомпозири в реетимологізаційних мовних процесах; розробити типологію процесів реетимологізації.

Труднощі внутрішньої мотивації стають рушійною силою для механізму так званої реетимологізації, під якою ми будемо розуміти процес, у результаті якого немотивоване слово отримує мотивацію на основі встановлення співвіднесеності між словами, які не були пов'язані (або були в далекому минулому) етимологічно. Саме тому О. Н. Трубачов називає реетимологізацію оживленням етимологічних зв'язків [6].

Реетимологізація – загальномовний процес, якому можуть підлягати: 1) запозичені лексеми, тобто слова, які не повністю асимілювалися фонетичною системою мови-реціпієнта та не засвоєні нею граматично; 2) незапозичені утворення із затемненим або неясним значенням, 3) власні імена (антропоніми іншомовного походження та топоніми на території країни).

Квазікомпозири тісно пов'язані з процесами реетимологізації. Вони можуть виступати одночасно у двох аспектах: як результат процесу реетимологізації та як його причина. Таким чином, ми виділяємо два різновиди реетимологізаційних процесів, пов'язаних із квазікомпозиритворенням:

1. Квазікомпозири постають кінцевим продуктом реетимологізаційної трансформації. Цей процес отримав назву “народної етимології”. Тривалий час за відсутності писемної форми мови так звана “народна” (або хибна) етимологія була одним з основних засобів адаптації запозиченого слова. Сутність цього явища полягає у фонетичній трансформації та переосмисленні запозиченого (рідше рідного) слова за зразком близького йому за звучанням слова рідної мови, але яке відрізняється від нього за походженням [7], наприклад, рос. *киноскоп* від *кинескоп*, укр. *полусад* замість *палісад* (від фр. *palissade* – частокіл, дощатий паркан, жива огорожа), англ. *cockroach* (тарган, дослівно позначає півень + плітка (рос. *плотва*) від ісп. *cucaracha*, *choucroute* (кисла капуста, капуста + кірка (хліба) від нім. *Sauerkraut*). Але не тільки запозичені лексеми підлягають народній етимології: в українській мові можна знайти такі слова: *дивосил* замість *девясил*, *простирядно* замість *простираadlo*, *сомодери* замість *самодери* (рибальське знаряддя для лову сома), *колибаба*, *дід-і-баба* замість *кульбаба*.

Народна етимологія характеризується двома типами можливих змін у слові. В одних випадках народноетимологічному переосмисленню підлягає все слово: у ньому немовби не залишається неясних, незрозумілих звукових комплексів, усі його частини стають “значенневими”, умотивованими: рос. *кировогаз* замість *керогаз*, *болеудалюющие* (средства) замість *болеутоляющие*.

В інших випадках після фонетичної трансформації слова поясненням стає лише один з його компонентів, а інші (як у препозиції, так і в постпозиції) лишаються незмінними, тобто значення лишається не зовсім зрозумілим: рос. *брудер(?)*-*штраф*, *фрика(?)*-*долька*, *гувер(?)*-*нянька*, *шланг-баум(?)*, англ. *chaise(?)*-*long* (довгий) (від фр. *chaise-loungue* = стілець для відпочинку). Подібні комплекси Ф. де Соссюр називає “народними етимологіями, що зупинилися на половині шляху” [4]. Ф. де Соссюр справедливо зазначив, що народна етимологія постає явищем патологічним, вона виступає лише у виняткових випадках та стосується лише тих окремих слів, технічних термінів та запозичень з інших мов, які є важкими для сприйняття носіями мови-реципієнта. Більшість лінгвістів поділяє цю думку, тому все більшого вжитку набуває альтернативний термін “хибна етимологія”. Наприклад, Р. Р. Гельгардт вважає, що термін “народна етимологія” не є вдалим насамперед тому, що народними за своєю суттю називаються явища помилкові, хибні, тому дослідник пропонує називати це явище “хибна етимологія” [7]. На наш погляд, правильніше було б використовувати термін паретимологія (термін, прийнятий у німецькій та англійській лінгвістичній традиції), тобто “паралельна етимологія”, етимологія, що ґрунтується не на значенні певного слова в чужих мовах, а на відповідності цієї лексеми законам рідної мови.

Але з іншого боку, деякі з народноетимологічних утворень стали частиною словникового складу мови як повноправні одиниці, що належать до сфери загального вжитку (наприклад, російський квазікомполит *близорукий*). Узагалі, етимологія цього слова заслуговує на особливу увагу: у давнину існувала лексема *близоркий*, але згодом один склад *зо-* випав через тяжіння мови до спрощення. Потім через схожість у звучанні (*близоркий* – *близорукий*) носії мови стали вбачати в цьому слові елемент *-рука*. Таким чином, літературне слово *близорукость*, яке також є медичним терміном, постає результатом так званої хибної етимології, хоча слід зазначити, що антонім цього слова *дальнозоркость* існує у первісному вигляді. В англійській мові загальноживаними стали лексеми *May Day*, *crayfish*, *serviceberry*, *wheatear*, *sparrowgrass*, у французькій – *faitnéant*, *courte-pointe*.

2. Квазікомполити також виступають і як джерела процесу реетимологізації. Тут необхідно пригадати, що в межах нашого підходу ми розглядаємо квазікомполити як складні слова, що утворилися не на основі словосполучень або речень. Але багато складних слів утворилися на основі синтаксичних одиниць, тому іноді носії мови роблять спроби утворити словосполучення-дублет і для квазіскладних слів. Наприклад, російський квазікомполит *лжесвидетель* складається з двох компонентів: префіксоїду *лже-* та кореня *свидетель*. Афіксоїд *лже-* є варіантом кореня *лож-*, тому можна зробити висновок, що джерелом появи слова *лжесвидетель* є словосполучення *ложный свидетель*, причому лексема *ложный* має значення “хибний, несправжній, підроблений”. Подібний зв’язок можна спостерігати при аналізі лексем: *лжепророк* = брехун (“*Но юристы говорят, что в документе много лазеек, которыми пользуется лжепроповедник. Врачи бьют тревогу: после подобных сеансов к ним обращаются люди, жалуясь на бессонницу, головные боли, немотивированное чувство тревоги*” (Публика № 28, 2012, 10.07-16.07)), *лжегорничная* = жінка, яка лише прикидається покоївкою (“*Зачем лжегорничная отравила Викторию Николаевну? – не утихал Маневич*” (Д. Донцова. 6 соток для Робинзона)), *лжеохранник* = несправжній охоронець, який намагається обдурити для досягнення власної мети (“*Так что когда ничего не подозревающие инкассаторы вошли внутрь, лжеохранники напали на них и отобрали сумки*” (Е. Михалкова. Иллюзия игры. с. 322)). У цих випадках словосполучення *ложный пророк*, *ложный охранник*, *ложная горничная* можуть бути запропоновані як дублети відповідних складних слів. Але композит *лжесвидетель* має інше семантичне значення (“*лжесвидетель* – свидетель, дающий заведомо ложные показания”) й не може виступати заміном словосполучення *ложный свидетель*, бо в цьому випадку мається на увазі не “підроблений свідок”, не “несправжній свідок”, а людина, яка намагається обдурити слідство або суд задля власної користі або безпеки. Така особа дійсно може бути свідком певних подій, але може також не повідомити про них чесно або вичерпно. Іноді у мові можна спостерігати використання словосполучення *ложный свидетель* при описі дорожньо-транспортних пригод: “*Какова вероятность того, что на разборе в ГИБДД инспектор сможет отличить ложных свидетелей от настоящих? Один разбор уже был, но дело откладывается на неделю и уже со свидетелями, настоящий свидетель у меня есть, но только один. У оппонента нет ни одного, но у меня ощущение, что он приведет целую толпу*” (<http://forum.auto.ru/gai/459153.html>). Як бачимо, це словосполучення має значення “людина,

яка не була присутня при певних подіях, але готова свідчити, що була”, тобто “несправжній, підставний свідок”. Квазікомполит має інші контексти використання: “*Лжесвидетель из Волжского пойдёт под суд*” (<http://www.volginform.ru/6131-lzhesvidetel-iz-volzhsogo-poydet-pod-sud.html>).

Як ще один приклад можна навести російський квазікомполит *авіамадел*. Як зазначає В. І. Теркулов, цю лексему не було утворено від словосполучення “*авиационная мадел*”, оскільки в дійсності функційно еквівалентним скороченому найменуванню є не воно, а словосполучення “*маделлетательного аппарата*”. Як зразок тут поставали власне аббревіатури *автомадел* (< *мадел* *автомобіля*), *судомадел* (< *мадел* *судна*). Саме за аналогією до цих складних слів утворилося квазіскорочення *авіамадел* (*авіа* + *мадел*). Але зараз у чисельних текстах для позначення маделей літальних апаратів знаходимо лексеми, що виникли в результаті «розгортання» квазіаббревіатури *авіамадел*: “*Книга рассчитана на авиамоделистов, макетчиков, любителей моделирования, имеющих некий опыт постройки авиационных маделей*” (Авиамоделирование. – М., 1990). Узагалі можна пригадати ще деякі квазіаббревіатури з компонентом *авіа-*, що теж підлягають процесам реетимологізації. Наприклад, російська лексема *авіагоризонт* (бортовий гіроскопічний пристрій, використовуваний в авіації для визначення та індикації кутів крену літального апарату, тобто кутів орієнтації щодо справжньої вертикалі. Пристрій призначено для керування й стабілізації літального апарату в повітрі (<http://ru.wikipedia.org/>) не утворилася на базі сполуки *авиационный горизонт* або *горизонт авиации* (бо цей пристрій пов'язаний саме з літаками, а не з авіацією як транспортною галуззю), хоча іноді сполуку *авиационный горизонт* використовують як заміник цієї лексеми. Процесу реетимологізації підлягають також російські квазікомполити *авіадесант* та *авіамагістраль*, значення яких не відповідає значенню словосполучень *авиационный десант* та *авиационная магістраль*, які іноді використовуються як дублети. На наш погляд, відповідниками цих квазіскладних лексем є сполуки *воздушный десант* та *воздушная магістраль* (бо мається на увазі місце (локатив), а не галузь (авіація)). До речі, те саме можна сказати й про номенклатурні утворення аббревіатурного типу: “Нюанси смислових різниць аббревіатур та словосполучень <...> стають причиною появи хибної етимології, коли активно використовується аббревіатура починає розшифровуватися на основі складових компонентів без урахування її власного лексичного значення (*детком* як *детский комитет*, а не як *комиссия по улучшению жизни детей*)” [2]. В. І. Теркулов пропонує потрактовувати такі випадки як приклади переходу квазіаббревіатур до класу власне аббревіатур у результаті розгортання на їх базі квазівихідних словосполук й утворення номінатем нового типу (відаббревіатурних номінатем).

Поява квазігенерувальних словосполучень стає причиною з'яви ситуації неединичної композитної мотивації.

Як різновид реетимологізації можна також розглядати псевдоетимологію. В. О. Чудинов називає цим терміном такий умисний або ненавмисний зв'язок між спорідненими та неспорідненими словами, що ґрунтується на зовнішній звуковій схожості відповідних слів з різними значеннями, на неправильному морфологічному членуванні, на його семантичному переосмисленні [7]. Також цю етимологію можна назвати оказіональною та умовно поділити на дві групи – навмисну та спонтанну (або ненавмисну). Існує навіть псевдоетимологічний словник. Це явище поширене в літературі для створення певного ефекту, здебільшого комічного. Наприклад, лексема *пиротехник* тлумачиться не як спеціаліст з виготовлення вибухової суміші, а як “спеціаліст з проведення пиру, прийомів, метрдотель”, *супермен* – “любитель супів”, *банкомёт* – “прибиральник, який працює у банку”, *табаковод* – “спеціаліст з приготування курчат-табака”, *гриховодник* – “поганий робітник на водному транспорті”, *самородок* – “дитина, яка народилася без бажання та участі батьків”, *стенографист* – “людина, яка пише на стінах та парканах”, *богадельня* – “місце, де працює Бог”, *чернослив* – “брудна зливна яма”. Ці приклади ілюструють зразки мовної гри, під якою ми будемо розуміти “використання мови для досягнення понадмовного, естетичного, художнього (найчастіше – комічного) ефекту” [3, с. 79]. Цей прийом набуває широкого використання у ЗМІ, де поширеним стає прийом псевдорозшифрування аббревіатур: *ОБЖ* – “*Очень Боюсь Женщин*” або “*Общество беременных жени*” (ОУ №1, 2007); *ПТУ* – “*Помоги Тупому Устроиться*” (ОУ №4, 2007); *СПИД* – “*Предмет Социально-Политической Истории XX в.*” (ОУ №4, 2007).

Ненавмисна псевдоетимологія слугує засобом визначення незнайомого слова. Так, далеко не всі знають, що таке *кінологія* (наука про собак, від грец. *κυων*, *кунос* – собака), уважаючи,

що це наука про кінематографію. Як приклад можна згадати слово *плутократія*, що позначає владу капіталу. Але носії мови можуть провести аналогію зі словом *плут* і розшифрувати цю лексему за допомогою словосполучення “панування брехунів та шахраїв”. Більша частина наведених псевдоетимологій спирається на семантичні моделі та фонеморфологічні структури, що функціонують у мові. Однак семантичні моделі використовуються не узуально, а за хибною аналогією, у результаті чого справжня етимологія стає затемненою або, краще сказати, усуненою. Ця обставина у певній мовленнєвій ситуації і призводить до комічного ефекту.

Квазікомполитотворення тісно пов'язане з етимологічними процесами в мовах. Вони можуть поставати як рушійні сили, що вмикають механізм реетимологізації або псевдоетимологізації, що набуває широкого як навмисного, так і ситуативного використання. Ефект навмисної псевдоетимологізації активно використовують у гумористичній літературі, у виступах сатириків-естрадників.

З іншого боку, квазікомполити є результатом функціонування в мові та мовленні народної етимології (паретимології) як спроби пояснити значення незрозумілих слів. Але, на відміну від наукової етимології, народна етимологія та реетимологізація в цілому базується не на законах розвитку мови, а на випадковій схожості слів (словосполук). Не можна вважати народну етимологію характерною рисою просторіччя. Вищезгадані приклади доводять, що велика кількість паретимологічних слів закріпилася у словниках. Щодо псевдоетимології, то варто зазначити, що вивчення подібного явища та складання спеціальних псевдоетимологічних словників сприяє вивченню семантичних, словотвірних та фонемологічних зв'язків і закономірностей, які функціонують у мові.

Література

1. Гаевский О. К. Авиамоделирование / О. К. Гаевский. – М. : Патриот, 2006. – 402 с.
2. Каховская Л. Ф. Аббревиация как способ словообразования : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 “Русский язык” / Л. Ф. Каховская. – Мн., 1980. – 22 с.
3. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта, 2006. – 344с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики; [пер. с фр. А. А. Холодовича] // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 30–269.
5. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономастическом аспекте : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.02. “Русский язык” / В. И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 406 с.
6. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачёв. – М. : УРСС, 2009. – 242 с.
7. Чудинов В. А. Народная этимология как народное толкование слова / В. А. Чудинов. – Режим доступа к работе : [www.runitsa.ru/publications/publication_508.php].

Аннотація

Е. В. Самойленко. Реетимологізація як причина і следствие появи квазікомполитов

Стаття посвячена ролі квазікомполитов в реетимологізаційних процесах. Такі квазі-складні одиниці можуть виступати і як следствие подібних процесів (чаще всего, результат народної етимології), і як їх причина (в случае появления квазігенеруючих словосочетаний). Реетимологізація являється причиною появи псевдоетимології, которая может служить, как и для объяснения непонятных явлений, так и для создания комического эффекта.

Ключевые слова: квазікомполиты, народная этимология, реетимологізація, псевдоетимологія, квазігенерующие словосочетания.

Анотація

О. В. Самойленко. Реетимологізація як причина та наслідок появи квазікомполитів

Статтю присвячено ролі квазікомполитів у реетимологізаційних процесах. Ці квазіскладні одиниці можуть поставати і як наслідок таких процесів (найчастіше як результат народної етимології), і як причина (у випадку появи квазігенерувальних словосполучень). Реетимологізація стає причиною появи псевдоетимології, явища, яке може слугувати і для пояснення незрозумілих явищ дійсності, і для створення комічного ефекту.

Ключові слова: квазікомполити, народна етимологія, реетимологізація, псевдоетимологія, квазігенерувальні словосполучення.

Abstract***Y. V. Samoylenko. Reetymology as the Reason and the Result of Quasi-Composite Functioning***

The article is devoted to the role of quasi-composites in the processes of reetymology. These quasi-composites may be the result of such processes (most often, the result of folk-etymology) and their reason (in case of quasi-generating word-combinations coinage). A false etymology or pseudoetymology, sometimes called folk etymology, is a specious (plausible but false) belief about the origins of specific words, often originating in “common-sense” assumptions. Such etymologies can be much more colorful than the typical etymologies found in dictionaries. Erroneous etymologies can exist for many reasons. Some are reasonable interpretations of the evidence that happen to be false. Reetymology becomes the reason for pseudo-etymology appearance which may serve both for explaining new phenomena of reality and creating of humorous effect. The further investigation of pseudo-etymology has to identify the semantic, grammatical and phonological relationships and patterns that operate in the language.

Key words: *quasi-composites, folk-etymology, reetymology, pseudo-etymology, quasi-generating word-combinations.*

ФУНКЦІЙНА СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧНИХ
ТА ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬИ. А. Герасименко
(Горловка)

УДК 811.161.1'371

СЛОВА С ИМПЛИЦИТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА

Известно, что колоративы представляют собой отдельную лексико-семантическую группу, содержащую “указание на цвет в собственном смысле” [16, с. 21]. Однако не только колоративы наделены семой цвета, на что указывают ряд лингвистов, в числе которых Н. А. Луценко, В. К. Харченко, Х. Г. Ахичба, С. П. Муляр, И. Бабий, О. И. Кулько и др. Наш материал исследования и данные ассоциативных словарей [11; 18] также иллюстрируют наличие семы цвета в структуре значения адъективов, которые традиционно к колоративам не относятся. *Цель статьи* – на материале русских произведений разных жанровых систем описать семантику некоторых прилагательных, которые, помимо прямых “нецветовых” значений, передаются дополнительными спектральными характеристиками. Несмотря на интерес к данной проблеме (см.: [1; 9; 11; 17]), семантика слов типа *буйный, пышный, нарядный, унылый* и др. под таким углом зрения не рассматривалась.

Если учесть, что “значение слова проявляется в контексте” [5, с. 317], то с помощью контекстологического метода можно фиксировать “цветовые” семы в структуре значения прилагательных *буйный, пышный, глухой, холодный, спелый, свежий* и др. В частности, семантика слова *буйный* при наличии закреплённых за ним значений “пышный”, “обильный”, “густой” [14 (1), с. 122] осложняется смыслом “разноцветный” в примерах типа *Являлись перед ним напудренные маркизы, [...] усатые лица недавних героев, с буйным огнём в глазах [...] (И. Гончаров); Ночи тогда синие, синие, холодновато-розовые, обильные, буйные... (Б. Пильняк); С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим (В. Арсеньев)*. Лексема *унылый* как ‘неприглядный’ [14 (4), с. 499] и слово *угрюмый* как ‘мрачный’ в контекстуальном плане интерпретируются как средства представления цветовых смыслов ‘серый’, ‘чёрный’. Например: *Унылая пора! Очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса (А. Пушкин)*, ставшее устойчивым (ср.: *Унылая пора! Очей очарованье!* [2, с. 514]); *Ему не хотелось рисовать унылые северные пейзажи (Е. Гришковец); [...] надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак (И. Тургенев)*. Семантика адъектива *густой*, ‘малопроницаемый’, ‘плотный’ [14 (1), с. 358] может быть дополнена значениями ‘чёрный’, ‘красный’, ‘синий’. Например: *Поднялся густой чёрный столб дыма [...] [10, с. 34]; Высокий русский парень с лихо зачёсанным, серым от пыли чубом, с густым румянцем на смуглых щеках, [...] нехотя ответил (М. Шолохов); [...] густые сумерки выпадают, как стена чёрного снегопада [...] (А. Иличевский)*.

Значение лексем *глухой* ‘приглушённый’ [14 (1), с. 318] носители языка в определённых случаях соотносят с цветовым смыслом ‘чёрный’ (некоторые лексикографические источники фиксируют в слове *глухой* значения ‘насыщенный по цвету, концентрации’, ‘тёмный’, ‘непроницаемый’; см. [3, с. 210]). Ср.: *Для ликования все ушли из дома, / оставив мне два фонаря во мгле / по сторонам глухого водоёма (Б. Ахмадулина)*. Безусловно, в любой синтагме (в том числе и синтагме *глухой водоём*) значения “согласуются друг с другом, двигаясь от соединения субстанций к “единству субстанции”, “синтетичности суждения” (выражение А. А. Потебни)” [6, с. 116]. Ввиду этого описание водных источников с помощью слова *глухой* могло быть обусловлено их смысловой близостью, восходящей к глубинной связи данной лексемы примитивом “ву “вода”: ву >вз[h] а >уха (в >у; ~ вуха [вставка у]) >вуха (протеза) >глуха (использование смычного для усиления в в л)” [7, с. 264]. Наличие спектрального компонента значения, по мнению современных этимологов, вызвано семантическим развитием адъектива *глухой*: ‘тихий’ > ‘невзвучивший’ > ‘тёмный’ > ‘непонятный’ [7, с. 264], в результате чего слова *глухой* и *чёрный* взаимозаменяются в рамках схожих контекстов. Ср.: [...] *когда-то и он, Григорий, пахал зябь в глухой осенней степи, смотрел по ночам на мерцающее звёздами чёрное небо [...] (М. Шолохов); Над чёрной степью жила и властвовала одна старая, пережившая века песня (М. Шолохов)*.

Прилагательное *холодный* ввиду глубинной близости данного слова с архетипическим смыслом ‘тьма’ наделено в определённом контекстуальном окружении значением ‘чёрный’.

Например: *Мы бродим по перелеску, кругом жёлтое золото, алость сентябрьская, ручей журчит во мхах, и такой – даже на вид холодный, хоть и солнце в нём отражается* (З. Гиппиус). Не случайно собственно понятие «холод» осмысливается сквозь призму цветовых и оттеночных признаков ‘чёрный’, ‘тёмный’. Ср. в этой связи употребление речевого актуализатора ‘холод’ в сочетании с прилагательными *тёмный* и *чёрный*: *А я иду (сначала боком), – / о, поскорей бы, поскорей! – / Над тёмным холодом, над бойким / озябшим холодом пескарей* (Б. Ахмадулина); *Калужниц больше чёрный холод, / Иди, позвал тебя Роговод* (В. Хлебников). Фактически понятия “холод” и “тьма” слиты, смысл ‘холод’ – это на глубинном уровне ‘мрак’, он мог быть обусловлен фактором ‘тьмы’ и является его аналогом (‘тьма’ ~ ‘холод’), на что указывал Н. Я. Марр [8, с. 219] и обращал внимание Н. А. Луценко [7, с. 9].

Адъектив *голый* со значением ‘лишённый растительного покрова’ [14 (1), с. 329] также может осмысливаться как ‘чёрный’. Например: *А зимою лес и вовсе стоит пустой, голый, скованный мёртвой тишиной* (М. Шолохов) (показательны данные ассоциативных словарей, согласно которым на слово-стимул *лес* носители русской лингвокультуры дают ответы-реакции *тёмный, голый*; см., например: [18]); [...] *устремлённые ввысь голые вершины пирамидальных тополей, покрытые попонами лошади у коновязи – всё это было освещено призрачным голубым светом полуночи* (М. Шолохов).

Что касается лексем *горячий* и *спелый*, то, имея смыслы ‘жаркий’, ‘знойный’ [14 (1), с. 337] и ‘созревший’ [14 (4), с. 220] соответственно, данные слова в контексте изложения могут имплицитно передавать дополнительную спектральную семантику “жёлтый”. Ср.: *Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились [...] сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого горячего света...* (И. Тургенев); *Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая* (И. Тургенев). Это же относится и к адъективам *свежий, робкий* и *нежный*, основные значения которых (‘не потерявший своей естественной здоровой окраски’ для слова *свежий* [14 (4), с. 39], ‘несмелый’ для лексемы *робкий* [14 (3), с. 720] и ‘приятный по окраске’ для прилагательного *нежный* [14 (2), с. 443]) в определённых контекстах могут дополняться смыслом ‘бледно-розовый’. Например: *Лицо его румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которое [...] часто нравятся женщинам* (И. Тургенев); *Занимавшийся день был так слаб, неумел, неказист. / Цвет – был меньше, чем розовый: родом из робких, не резких* (Б. Ахмадулина); [...] *она ему очень нравилась: её белое, нежное лицо, чёрные брови, карие глаза, тёмно-русые волосы вились по плечам* [13, с. 537].

В область обозначения светлого цвета помещено и прилагательное *лёгкий*, которое при наличии значений ‘незначительный’, ‘небольшой’, ‘слабый’ (по величине, силе, степени проявления) [14 (2), с. 169] в том или ином контексте может быть наделено значением ‘голубой’. Ср.: *Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день [...]* (И. Тургенев). Между тем адъектив *радостный*, не имея зафиксированной в толковых словарях цветосветовой семы (см., например: [14 (3), с. 581]), в определённом лексемном окружении может осмысливаться как ‘светлый’, ‘жёлтый’. Ср.: *Покойся, милый прах, до радостного утра* [2, с. 382]; *Григорий переводил взгляд [...] на убегающую куда-то вперёд светло-жёлтую, радостную полосу света* (М. Шолохов). Это же относится и к слову *нарядный*, которое, помимо значений ‘красивый’, ‘праздничный’ [14 (2), с. 392], контекстуально может реализовывать неконкретную спектральную семантику ‘разноцветный’; например: [...] *на окраине неба голубой нарядной бабочкой трепещет в недвижимом потоке Полярная звезда* (М. Шолохов). “Цветовая” семантика указанных слов “скрыто” заложена в их смысловом содержании и реализуется при наличии определённого лексемного окружения. Как писал В. В. Виноградов, “вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность” [4, с. 21]. В различных контекстах даже однозначное слово будет иметь несколько иной смысловой оттенок, т. е. слово будет покрывать своим значением понятийную сферу, границы которой не могут быть строго очерчены” [5, с. 317].

С учётом сказанного нам представляется возможным относить к имплицитным колоративам также и другие слова, которые ситуативно приобретают спектральные значения. Такие прилагательные в обычном употреблении не содержат цветовой информации, однако, как замечает И. М. Бабий, “в образной речи могут указывать на цвет предметов и явлений природы” [1, с. 5]. Речь идёт об адъективах *дневной, утренний, солнечный, лунный, закатный, осенний, безоблачный, беззвёздный, хмурый, пасмурный, туманный, тенистый, полярный,*

мертвецкий и под., семантика которых может соотноситься со значениями определённых колоративов. Например, прилагательные *дневной, утренний, солнечный, лунный* в составе сочетаний *дневной свет, утренняя тень, солнечный свет, лунный свет* осмысливаются как контекстуальные синонимы колоративов *белый* и *жёлтый*. Ср.: *В хате изжелтасиний, почти дневной свет* (М. Шолохов); *От сарая падала на землю рыхлая утренняя тень* (М. Шолохов); *Наталья [...] глядела на залитую солнечным светом меловую гору, на выгоревшие бурые отроги* (М. Шолохов); *Каждый вечер в лунном свете / торжествует мощь моя* (Б. Окуджава) (в сознании носителей русской национальной культуры понятие «свет» коррелирует с цветом и, как следствие, вызывает ассоциации-реакции *белый, светлый, дневной, солнечный, лунный*; см., например: [18]).

В свою очередь в адъективах *закатный* и *осенний* заложены имплицитные значения ‘красный’, ‘жёлтый’: *Голубоватый иней [...] отливал радугой под лучами закатного солнца* (М. Шолохов); *Лапы их розовели в воде, оранжево-красные, похожие на зажжённые морозом осенние листья* (М. Шолохов). Что касается лексемы *безоблачный*, то данный адъектив имеет прямые значения ‘не закрытый облаками’, ‘ясный’ и, как следствие, наделён “скрытой” семантикой ‘голубой’. Например: [...] *день, подсиненный безоблачным небом, тоже весел и хорош [...]* (М. Шолохов). В русской лингвокультуре за словами *беззвёздный, хмурый, пасмурный, туманный, тенистый, полярный, мертвецкий* закреплена дополнительная семантика, связанная со значениями ‘чёрный’, ‘серый’, ‘сизый’, ‘синий’. Ср.: [...] *в серой беззвёздной ночи замаячили всадники [...]* (М. Шолохов); *В разрыв трагической культуры, / Где бездна гибельна (без дна!), – / Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый* (А. Белый); *Не расцвёл – и отцвёл / в утре пасмурных дней* (поэт.) [2, с. 318]; [...] *Григорий увидел [...] пасмурный просвет* уходящей к Дону степи – за ним... (М. Шолохов); *“В синю далишку туманну погляжу [12, с. 122]; Хороши также летние туманные дни, хотя охотники их не любят* (И. Тургенев); *Твоя тенистая чащоба / всегда темна, но пред жарой / зачем потупился смущённо / влюблённый зонтик кружевной* (Б. Ахмадулина); *полярная ночь* ‘часть года за Полярным кругом, в течение которой солнце не всходит’ [15, с. 397]; *Воды (стальная полоса / Мертвецкого оттенка) / Держусь, как нотного листка – / Певица, края стенки* (М. Цветаева). Безусловно, данные слова с имплицитной спектральной семантикой, “кроме номинативной, выполняют эстетическую функцию, придают изображаемому реалиям образность, поэтичность” [1, с. 5]. Однако к индивидуально-авторским колоративам, появление которых обусловлено “собственными впечатлениями автора, его мировосприятием”, как считают некоторые лингвисты (И. М. Бабий), эти слова не относятся. В структуре значения данных лексем имплицитно заложен цветовой компонент, который носители языка используют в изложении. Более того, указанные адъективы как компоненты определённых сочетаний довольно регулярно передают спектральное значение вне зависимости от жанра, направления, а также идиостиля [17].

Слова, не относящиеся к традиционным колоративам, могут получать спектральную семантику в составе описательных конструкций с компонентом *цвет*: *Расцветать пышным цветом* (устар.) [2, с. 535]; ... *Лето в пышный цвет облолось, дни длиннее стали* (Т. Толстая); [...] *психотерапевт материализовался для Миши в виде довольно молодого, невысокого мужчины с круглым лицом и очень здоровым цветом этого лица* (Е. Гришковец); [...] *всё чаще наведывалась тоска – “Не к чему наживать. Пропадёт!” – красила всё в белый мертвенный цвет равнодушия* (М. Шолохов). Контекстуальными колоративами прилагательные *пышный, здоровый, мертвенный* выступают уже и потому, что сочетаются с лексемой *цвет*. Как следствие, слово *пышный* имплицитно передаёт значение ‘жёлтый’, адъектив *здоровый* – ‘румяный’, лексема *мертвенный* – ‘серый’. Более того, спектральная семантика данных адъективов обусловлена наличием заложенных в них основных значений. Так, лексема *пышный* как ‘густой’ в определённых контекстах осложняется “цветовым” значением ‘жёлтый’. В свою очередь отображённое в семантической структуре слова *здоровый* значение ‘выражающий здоровье’ дополняется семой ‘румяный’. Напротив, семантика адъектива *мертвенный* как ‘безжизненный’ [14 (2), с. 255] содержит значение ‘серый’, осложнённое негативной коннотацией.

Итак, в русском языке функционируют слова, которые в сочетании с определёнными существительными используются как колоративы. Между тем эти лексемы не единственные, которые передают колоративные признаки. Имеют место и другие слова, семантику которых мы рассмотрим в наших последующих работах.

Литература

1. Бабій І. Семантична характеристика назв кольорів у сучасній українській мові / І. Бабій // Рідна мова. – № 5. – Режим доступа к журн. : <http://ridnamova/prv.pl>.
2. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка : ок. 4 000 единиц / Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. – М. : Изд-во “Русские словари”, ООО “Изд-во АСТ”, 2000. – 624 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – С.Пб. : “Норинт”, 2000. – 1536 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов : учеб. пособие [для вузов]; отв. ред. Г. А. Золотова. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
5. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : НОВА КНИГА, 2006. – 512 с.
6. Луценко Н. А. Введение в лингвистику слова / Н. А. Луценко. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2003. – 144 с.
7. Луценко Н. А. Истории наших слов : диахронно-лексикологические этюды / Н. А. Луценко; Донецкий национальный университет. – Донецк : Изд-во “Вебер” (Донецкое отделение), 2009. – 370 с.
8. Марр Н. Я. Избранные работы / Н. Я. Марр. – Т. 2-й. – Л., 1936. – 523 с.
9. Муляр С. П. Колористична семантика в структурі російського художнього тексту (мова поезії 70-80-х рр. ХХ ст.) : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.02 “Російська мова” / С. П. Муляр. – К., 2003. – 18 с.
10. Народная проза / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Азбелева С. Н.]. – М. : Русская книга, 1992. – 608 с.
11. Русский ассоциативный словарь : [в 2-х т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М. : АСТ-Астрель, 2002. – Т. I : От стимула к реакции : ок. 7 000 стимулов. – 784 с.; Т. II : От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. – 992 с.
12. Русский фольклор / [сост. и примеч. В. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1986. – 367 с.
13. Сказки : [в 3-х кн.]. / [сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Круглова Ю. Г.]. – М. : Сов. Россия. – Кн. 2. – 1989. – 576 с.
14. Словарь русского языка : [в 4-х т.] ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 1: А–И. – 1981. – 698 с.; Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с.; Т. 3 : П–Р. – 1984. – 750 с.; Т. 4 : О–Я. – 1984. – 796 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / [сост. А. И. Федоров]. – М. : ООО “Фирма Издательство АСТ”, 2001. – 720 с.
16. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1984. – 175 с. – (АН СССР; Ин-т языкознания).
17. Харченко В. К. Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4 000 слов в 8000 контекстах / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.
18. Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Г. А. Черкасова. – М. : ИЯз РАН, 2008. – Режим доступа к книге : [<http://philippovich.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>].

Аннотація

И. А. Герасименко. Слова с имплицитным значением цвета

Статья посвящена исследованию слов с имплицитным значением цвета. Структура значения данных лексем анализируется с помощью контекстологического метода. В работе рассмотрена семантика цвета лексем, которые к традиционным колоративам не принадлежат.

Ключевые слова: колоратив, семантика, имплицитный, значение, цвет.

Анотація

І. А. Герасименко. Слова з імпліцитним значенням кольору

Статтю присвячено дослідженню слів з імпліцитним значенням кольору. Структуру

значення розглядуваних лексем проаналізовано за допомогою контекстологічного методу. У роботі розглянуто семантику кольору лексем, які до традиційних колоративів не належать.

Ключові слова: колоратив, семантика, імпліцитний, значення, колір.

Abstract

I. A. Gerasimenko. Words with Implicit Colour Meaning

The article studies Russian lexemes with implicit colour meaning. The aim of the article is to describe the semantics of some adjectives which, apart from “non-colour” direct meanings, render additional colour characteristics. The adjectives have been selected from Russian literature of different genres. The contextual method has been applied to the analysis of the structure of the meanings of the lexemes “буйный”, “пышный”, “нарядный”, “унылый” etc. These words are not referred to the traditional colour terms. The author considers the analyzed adjectives to be implicit colour terms. In spite of the interest to the given problem, the semantics of the words “буйный”, “пышный”, “нарядный”, “унылый” etc. has not been investigated before from this point of view. In the process of the implicit colour terms semantics analysis the author of the article comes to the conclusion that the words which can be used as colour terms in combination with some definite nouns are functioning in the Russian language. Meanwhile, these lexemes are not the only ones which render colour characteristics. There are some more lexical units, the semantics of which will be studied by the author in future works.

Key words: colour term, semantics, implicit, meaning, colour.

О. А. Кудря
(Горлівка)

УДК 81'366=111=161.2

КЛАСИФІКАЦІЯ КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ В АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Кольоропозначення (далі КП) досліджуються з різних позицій та в межах різних підходів. Так, на матеріалі однієї мови лінгвістів цікавить історія та етимологія КП (Н. Б. Бахіліна, О. М. Дзівак), семантика колірної лексики (І. А. Герасименко), літературно-художній потенціал КП (В. Ш. Курмакаєва, І. М. Бабій). На матеріалі двох чи більше мов учені аналізують та порівнюють кількісний склад КП та способи їх номінації в різних мовах, морфолого-синтаксичні особливості КП (В. Г. Кульпіна, Н. Р. Лопатіна) тощо. Проте під час опису КП більше уваги приділяється саме базовим назвам кольору, тоді як вторинні КП, за рахунок яких розширюється склад досліджуваних одиниць, залишаються недостатньо вивченими. Крім того, аналізуючи небазові КП, мовознавці часто змішують поняття похідності та вторинності, зараховуючи до вторинних КП усі похідні кольоропозначення. *Мета статті* – проаналізувати поняття “похідні”, “первинні” та “вторинні” КП. *Матеріалом дослідження* послуговували дані англійських та українських лексикографічних джерел [1, 7, 11, 13, 15].

Носії англійської та української мов для опису колірних якостей реалій навколишнього світу використовують похідні одиниці з колірним значенням. При цьому під похідністю розуміють “формально-семантичні відношення між твірною й похідною основами слів на рівні синхронії” [6, с. 579]. Похідність визначається рядом закономірностей: 1) похідне слово має більшу формальну складність порівняно з твірним (*alabaster* (n) – *alabastrine* (adj), *ash* (n) – *ashen* (adj), *chalk* (n) – *chalky* (adj), *cobalt* (n) – *cobaltic* (adj), *алебастр* (ім.) – *алебастровий* (прикм.), *попіл* (ім.) – *попільний* (прикм.), *крейда* (ім.) – *крейдяний* (прикм.), *кобальт* (ім.) – *кобальтовий* (прикм.)); 2) за змістом похідне є більш розчленованим, семантично насиченішим, ніж твірне; 3) за умови рівної формальної складності слів проводять аналогію з одноструктурними словами, що дає змогу встановити напрямок похідності [6, с. 579]. Вивчення похідних слів має для теорії номінації особливе значення: “Саме стосовно похідної одиниці як одиниці з розчленованою смисловою структурою ми можемо з упевненістю говорити про те, яка ознака предмета була сприйнята як найбільш типова і яскрава для нього та змогла стати “представником” усього класу предметів” [10, с. 70]. В українській мові одиниці з похідною колірною номінацією – це передусім група ад’єктивів, утворених від інших слів за допомогою афіксів. Семантика таких утворень ґрунтується на колірних властивостях прототипних об’єктів. Колірні значення виникають у цих похідних лексем “згідно з моделлю

“такий, як...” [5, с. 229] завдяки “предметно-мовній” стратегії запам’ятовування кольору, що співвідноситься з кольором конкретного об’єкта. В англійській мові до похідних вторинних КП належать переважно утворені від іменників за допомогою конверсії прикметники, які отримали від цих слів вторинну колірну семантику. Проте похідні прикметники зі вторинним колірним значенням в англійській мові, утворені способом афіксації, також достатньо широко вживаються. Оскільки саме в похідних словах із колірним значенням прозоро виявляється природа їх мотивації, дослідження словотвірних процесів дозволяє поглибити наші уявлення про формування значень КП, про роль безпосередніх асоціацій в актах називання кольору тощо.

Похідні колоративні одиниці з позиції сучасної англійської та української мов поділяються на дві групи: первинні (1) та вторинні (2) КП. До похідних первинних КП (1) належать прикметники, у яких значення кольору є основним та частіше за все єдиним. Так, наприклад, основне та єдине колірне значення мають англійські прикметники *apricot* ‘paleorange-yellow’, *aquamarine* ‘lightbluish-green’, *azure* ‘blue; sky-blue’, *beige* ‘palebrown’, ‘brownishgrey’, *biscuit* ‘pale brown’, *carrot* ‘like a carrot in colour’, ‘orange-red’, *canary* ‘light-yellow’, *carnation* ‘rosy-pink’, *cerulean* ‘sky blue’, *chartreuse* ‘light yellowish-green’, *chestnut* ‘reddish-brown’, *claret* ‘dark purplish-red’, *crimson* ‘deep-red’, *heliotrope* ‘pinkish-purple’, *indigo* ‘deep violet-blue’, *jade* ‘green’, *lavender* ‘pale-purple’, *lilac* ‘pale pinkish-purple’, *magenta* ‘purplish-red’, *orchid* ‘light-purple’, *peach* ‘yellowish-pink’, *plum* ‘dark bluish-purple’, *ruby* ‘deep, glowing red’, *rust* ‘reddish-brown or orange’, *salmon* ‘yellowish-pink’, *violet* ‘bluish-purple’ тощо та українські ад’єктиви: *беж* ‘світло-коричневий з кремовим відтінком’, *бордовий* ‘темно-червоний’, *лазуровий* ‘яскраво-синій; блакитний’, *шарлаховий* ‘яскраво-червоний’ тощо. Проте такі похідні англійські та українські КП, окрім первинної колірної семантики, мають вторинні неколірні значення. Англійські: *rosy* – 1. Like a rose; rose-red; pinkish-red. 2. Made of roses. 3. Bright; cheerful [13, с. 820], *sepia* – 1. Bark-brown. 2. Done in sepia [13, с. 859]; українські: *мишастий* – 1. Кольором схожий на мишу; сірий. 2. Схожий чим-небудь на мишу; який нагадує чимось мишу [7, Т. 4, с. 723], *рожевий* – 1. Світло-червоний. 2. перен. Нічим не затьмарений; радісний, світлий. 3. Прикм. до рожа; виготовлений з рожі [7, Т. 8, с. 599]. В англійських лексикографічних джерелах за деякими похідними первинними КП зафіксовано більше одного колірного значення. Наприклад: *carmine* – 1. Deep-red with a tinge of purple. 2. Light-crimson [13, с. 820], *olive* – 1. Yellowish-green. 2. Yellowish-brown [13, с. 820]. Похідні КП, утворені від іменників, “поступово втрачають первісний етимологічний зв’язок зі своїм джерелом і починають сприйматись як абстрактні” [5, с. 10] лексеми з одним лише колірним значенням.

До числа похідних вторинних КП (2) в англійській та українській мовах належать лексеми, які “передають, окрім закріплених за ними спектральних значень, неколірну семантику” [2, с. 270]. При цьому неколірна семантика є завжди первинною щодо колірного значення КП. Наприклад: *bronze* (n) – *bronze* (adj): 1) made of bronze; 2) resembling bronze in colour [15, с. 283]; *бронза* – *бронзовий*: 1) зроблений з бронзи; 2) який має колір бронзи; золотисто-коричневий [7, Т. 1, с. 239]. У семантичній структурі вторинних КП, окрім вторинного колірного значення, закріплені первинні смисли ‘зроблений із / виготовлений із’ (абрикоса, аквамарину, аметисту, бавовни, баклажанів, бананів, бронзи, буряку, вишень, воску, вугілля, гірчиці, глини, горіхів, груші, золота, калини, крейди, лимона, малахіту, малини, меду, моркви, оливок, олова, перлів, пшениці, соломи тощо), ‘той, що стосується’ (барвінку, болота, волошок, вогню, гвоздики, диму, кави, кумачу, неба, смоли, попелу, полум’я, шафрану тощо), ‘вкритий’ (іржою, кров’ю). За допомогою вторинних КП носії мови позначають колір, котрим наділені зазначені реалії. Наприклад: *It took my breath away when I first saw it, floating under Venus like a majestic black whale in an amethyst evening sea, and it still takes my breath away when I shut my eyes now and remember it* [12, с.52], <...> *Оленка залилася буряковим рум’янцем по саму шию, вирвалася і втекла, змішавшись із гуртом дівчат, а парубок, заломивши шапку, подався геть вулицею* <...> [3, с. 89]; *The sun was beginning to float down on the mountains, and the sea glittered lazily at the foot of their ashy, opaque shadows* [15, с. 85], *Очі їхні каламутніли, а дорога, якою йшли, блакитніла, і перед кожною мимовільно завітнали палкі волошкові очі* [9, с. 48]; *This time, it was the bright brown, almost orange, Harris tweed coat that the prisoner wore, in addition to his rusty-brown little moustache* [14, с. 450], *Вранці, коли відчиняла двері на терасу – двері спершу опиралися, а тоді подалися різко, охнувши, прошарудивши нанесеним під них за ніч іржавим виноградним листом* <...> [3, с. 168].

Л. А. Ковбасюк, розглядаючи семантичний та функційний аспекти одиниць вторинної номінації (ОВН), розуміє під ОВН “номінативні одиниці, що використовуються в новій для них функції найменування, тобто вживаються для визначення таких об’єктів реальної дійсності, які вже були позначені засобами мови” [4, с. 1]. При цьому автор до складу аналізованих ОВН залучає базові КП, похідні колірні одиниці, що реалізують у текстах додаткові до колірної смисли. Т. М. Тяпкина під вторинно-номінативними значеннями КП розуміє контекстуально зумовлену конотативну семантику базових КП. У нашому ж дослідженні вторинні КП охоплюють саме ті лексеми, які є похідними прикметниками від слів із неколірною семантикою, що за ними закріплені вторинні колірні значення, та непохідними іменниками зі вторинною колірною семантикою. У мові вторинні КП можуть уживатись із різними додатковими смислами, однак, “незважаючи на значне послаблення в деяких випадках, семантична ознака “колір” ніколи не зникає повністю. Саме вона виступає тим стрижнем, котрий забезпечує єдність усієї смислової структури <...>” [8, с. 14].

Вторинне використання мовних форм у ролі називання “завжди опосередковане й мотивоване їхніми структурно-семантичними ознаками” [10, с. 79]. При дослідженні процесів вторинної номінації “виникає необхідність вияву й вивчення тих механізмів, які забезпечують створення нових найменувань на основі наявних номінативних одиниць” [10, с. 74]. Адже “без розкриття мовної техніки вторинної номінації неможливо зрозуміти “глибинні” процеси, що відбуваються в галузі номінативної діяльності”, виявити “природу вторинних найменувань та їхню функційну здатність” [10, с. 74].

Лексеми зі вторинним колірним значенням увійшли до групи вторинних КП на базі прототипних об’єктів, пошук яких “відбувається постійно” [5, с. 126]. Носій мови, даючи імена колірним відтінкам за аналогією до відповідних предметів, у першу чергу залучає ті з них, котрі частіше за все потрапляють на очі, краще за все йому відомі [5].

Таким чином, поняття “похідні” та “вторинні” КП не є синонімами. Останні можуть бути як похідними (вторинні прикметникові), так і непохідними (вторинні іменникові) КП. Похідним КП не в усіх випадках властива вторинна колірна семантика, адже похідні від іменників назви кольору можуть мати закріплене у словниках значення кольору як первинне. Такі слова зустрічаються як в англійській, так і в українській мовах. *Перспектива дослідження* полягає у вивченні структурно-граматичних та семантичних особливостей вторинних КП англійської та української мов.

Література

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТФ “Перун”, 2005. – 1728 с.
2. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений: моногр. / И. А. Герасименко. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – 440 с.
3. Забужко О. Вибрана проза / Оксана Забужко. – Харків : Наук. видавництво “АКТА”, 2007. – 610 с.
3. Ковбасюк Л. А. Семантичний та функціональний аспекти одиниць вторинної номінації з компонентом “кольороназва” в сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04. “Германські мови” / Л. А. Ковбасюк. – К., 2004. – 20 с.
4. Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ / [отв. ред. А. П. Василевич]. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
5. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
6. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР [за ред. Білодіда І. К.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980.
7. Тяпкина Т. М. Вторично-номінативные функции цветообозначений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 “Германские языки” / Т. М. Тяпкина. – Иваново, 2002. – 19 с.
8. Шевчук В. О. Дім на горі : Роман-балада [післяслово М. Г. Жулинського] / В. О. Шевчук. – К. : Рад. письменники, 1983. – 487 с.
9. Языковая номинация (Виды наименований) / [отв. ред. : Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М. : Наука, 1977. – 357 с.
10. Chambers 21st Century Dictionary [editor-in-chief M. Robinson]. – Great Britain : CambridgeUniversity Press, 1996. – 1654 p.

11. Fowles Jh. *The Magus* / Jh. Fowles. – New-York : Dell Publishing, 1985. – 668 p. – (Original).
12. *High School Dictionary* [editor-in-chief E.L. Thorndike]. – USA : Scott, Foresman and Company, 1986. – 1096 p.
13. Spark M. *The Complete Short Stories* [Text] / M. Spark. – UK : Penguin Books, 2002. – 458 p. – (Original).
14. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*, USA : Merriam-Webster inc. Publishers, 1981. – 2662 p.

Аннотація

О. А. Кудря. Классификация цветообозначений в английском и украинском языках

В статье анализируются цветообозначения, выбранные из английских и украинских лексикографических источников. В частности, автор концентрирует свое внимание на разграничении понятий «производные», «первичные» и «вторичные» цветообозначения. В статье также рассматриваются лексико-грамматические особенности исследуемые единицы.

Ключевые слова: цветообозначения, вторичная цветовая номинация.

Анотація

О. А. Кудря. Класифікація кольоропозначень в англійській та українській мовах

У статті проаналізовано кольоропозначення, дібрані з англійських та українських лексикографічних джерел. Зокрема, автор зосереджує увагу на розмежуванні понять «похідні», «первинні» та «вторинні» кольоропозначення. У статті розглянуто також лексико-граматичні особливості досліджуваних одиниць.

Ключові слова: кольоропозначення, вторинна колірна номінація.

Abstract

O. A. Kudrya. The Classification of Colour Terms in English and Ukrainian

The group of colour terms is studied in psychological, philological, ethnolinguistic, historical, physiological and other aspects. In English and Ukrainian linguistics colour terms are usually classified into basic, non-basic, secondary etc. The given article deals with colour terms selected from English and Ukrainian dictionaries. The author of the article pays special attention to the differentiation of the definitions “derived”, “primary” and “secondary” colour terms. The article also studies lexico-grammatical peculiarities of the analyzed units.

The results of the analysis testify to the fact that the definitions “derived” and “secondary” are not synonymic. The latter can be both derived (secondary adjectives) and non-derived (secondary nouns) colour terms. Derived colour terms not always have the secondary colour semantics for the derived from nouns colour terms can have primary colour meaning in English and Ukrainian dictionaries.

The problems of English and Ukrainian colour terms description and classification are still open in modern linguistics and require special consideration.

Key words: colour terms, secondary colour nomination.

**V. K. Kharchenko
(Belgorod, Russia)**

УДК 811.161.1:81'373

THE CONSTANT OF POLYSEMANTICISM

One of the language phenomena is polysemanticism which reflects the dynamic character of the lexicon. *This paper deals with synchronical and diachronical analysis of polysemantic nouns of the Russian language. The purpose of the article is to investigate the number correlation between the degree of the word polysemy and the chronological stability of the word¹.*

Comparing the number of meanings in the polysemantic nouns the researcher can put forward two mutually exclusive *hypotheses*:

1. With the development of language the number of word meanings grows, that is, there is the increase in number of bisemantic, three-semantic, four-semantic nouns.

¹ Проект выполнен в рамках государственного задания НИУ “БелГУ” на 2013 г. (проект 6.8195.2013)

2. With the development of language the identical correlation of monosemy, bisemy, and polysemy remains, that is, the percentage of mono-, bi-, three-, four-semantic nouns against the total number of nouns is approximately the same.

The first hypothesis seems to be true and evident, since no words appear with two, especially with three, four, five meanings. The derivative meanings are formed gradually, step-by-step.

The second, polar, hypothesis seems to be doubtful even on the theoretical level. With the development of language the meanings of nouns change both in terms of quantity and quality. Taking into account the last statement, is it right to lead the conversation towards the identical correlation of monosemy, bisemy, and polysemy? If the number of nouns, keeping their semantic structure without visible changes, is extremely small, is it legitimate to put the question about the retention of percentage of monosemantic and polysemantic words (during the centuries, not decades!)? Nevertheless we decided to verify the second hypothesis. For that purpose we took the equal quantity of nouns (in groups of 2500 units) in the Old Russian language (two periods of Ancient Russian and Old Russian) and the Modern Russian language. Diachronic analysis was carried out on the basis of “The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” [6, v.v. 2–4]. Synchronous analysis was carried out on the data from “The Dictionary of the Russian Language”, edited by A. P. Yevgenjeva [7, v.1, p. 132–352]. The words were arranged in the alphabetical order for the most exactness.

All the nouns were distributed according to the number of meanings. The monosemantic words with the fixed shades of meaning were regarded as the monosemantic ones. Here we supported the idea of the compilers of the dictionaries, though many researchers of monosemy consider the monosemy of such words extremely unstable [2, p. 34].

According to the number of meanings noted in the dictionaries, 2550 nouns were distributed in the following way:

The Old Russian Language. The nouns with: one meaning – 1891 (75,64%), two meanings – 399 (15,96%), three meanings – 116 (4,64%), four meanings – 51 (2,04%), five meanings – 23 (0,92%), six meanings – 10 (0,4%), seven meanings – 2, eight meanings – 3, nine meanings – 0, ten meanings – 1, eleven meanings – 1, twelve meanings – 2, thirteen meanings – 1 (altogether – 0,4% ultrapolysemantic nouns).

The Modern Russian Language. The nouns with: one meaning – 1848 (73,52%), two meanings – 465 (18,6%), three meanings – 116 (5,08%), four meanings – 39 (1,56%), five meanings – 12 (0,48%), six meanings – 4 (0,16%), seven meanings – 3, eight meanings – 1, nine meanings – 1 (altogether – 0,4% ultrapolysemantic nouns).

To verify the obtained “constants” we counted the words in the similar way in two other related sections of the dictionaries: “The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries” [6, v.v. 4–5, p. 163–319], “The Russian Language Dictionary” [7, v. 1, p. 359–607]. The results turned out practically identical (they are given below).

The Old Russian Language. The nouns with: one meaning – 1997 (79,88%), two meanings – 308 (12,32%), three meanings – 111 (4,44%), four meanings – 49 (1,96%), five meanings – 18 (0,72%), six meanings – 9 (0,36%), seven meanings – 4, eight meanings – 2, nine meanings – 0, ten meanings – 1 (altogether – 0,32% ultrapolysemantic nouns).

The Modern Russian Language. The nouns with: one meaning – 1859 (74,36%), two meanings – 463 (18,52%), three meanings – 112 (4,48%), four meanings – 43 (1,72%), five meanings – 11 (0,44%), six meanings – 7 (0,28%), seven meanings – 0, eight meanings – 3, nine meanings – 1, fifteen meanings – 1 (altogether – 0,2% ultrapolysemantic nouns).

Thus, comparing the number of monosemantic, bisemantic, three-semantic nouns in the Old Russian language and the Modern Russian Language, we can see that their share against the total number of nouns is practically identical. Summing up the data, we can derive the mean index for the different temporal cuts of the Russian Language: it is equal to 75,95% – for monosemantic nouns, 16,35% – for bisemantic nouns, 4,66% – for three-semantic nouns, 1,82% – for four-semantic nouns. As for the most number of meanings in the word, we need much more samples to determine the quantitative threshold. Although the nouns with 10 to 14 meanings are not mentioned in the sections of the dictionary under study, it does not prove the fact of absence of such nouns in the Modern Russian language. As for the lesser number of meanings, the proportions, given above, seem to be correct.

Let us consider some disputable conclusions, made after the quantitative analysis. Comparing monosemantic and polysemantic words in the Russian language, we could conclude, that the noun monosemy is more typical than polysemy both in synchrony and diachrony. In fact, we have 3888

and 3707 nouns per 5000 nouns in synchrony and diachrony, respectively. It is not fair, however, to claim the priority of monosemy on these grounds. The plenty of monosemy exists, firstly, due to the huge number of word-building variants, competing with each other: “доморникъ” and “домрачей” (“a musician, playing the domra, Russian stringed folk instrument”), “декламация” and “декламирование”. Secondly, it exists due to the compounds: “благоязычие”, “высокоимение”, “доброзрачие” (in Old Russian), “водоминоа”, “высотомер” (in Modern Russian). The percentage of polysemantic words increases also due to the strictly specialized words: “галанка”, “гамась” (in the history of language), “вулканизация”, “вулканолог” (in the modern language). Turning back to the quantitative indices, it should be noted, that the conclusion about the priority of bisemy (as some researchers suppose) is also false [3, p. 78]. It is illegal to state the typical nature of the words with two meanings and the non-typical nature of the words with, for instance, seven meanings, for the noun with seven meanings works as seven nouns in the language. As an example, we could observe the meaning of the polysemantic word “рука” [4]. The ultrapolysemantic words represent the kernel of the lexical system, and the richest word-building possibilities of the Russian language make the increase of meanings unnecessary and redundant. As it is known, word-building and polysemy are mutually balanced.

Percentage coincidence of monosemantic, polysemantic and ultrapolysemantic words in synchrony and diachrony is a notable, but an unexpected fact. As a rule, when two separate words are compared with each other from the atomic approach, there are some essential discrepancies between the historical and the modern status of the language. The word-meaning experienced the intensive mutations, provoked by the extralinguistic causes. Such changes led to the splitting the words into homonyms, therefore the number of the words changed.

Thus, in the history of the language there was a noun “видение”, with six meanings, many of them had some shades of meaning. In the Modern Russian language there are two nouns: “видение” with three meanings, and “вИдение” with one meaning and one shade. As for the noun “воскресение”, it has been broken up into two words-homonyms. There are a lot of such examples in Russian. The opposite cases, however, when the words have saved their meanings over the centuries, are also of great interest. In Old Russian the noun “воплъ” meant “a loud cry, yell” with the shade of meaning “a call for help”. The dictionaries of Modern Russian fix the same semantic formula of this noun: “a very loud cry”, “a furious cry for help, expressing the horror, despair etc.” The ultrapolysemantic words are much more interesting. Their meanings have not changed for centuries. Let us observe the noun “венец”.

Венецъ. 1. Wreath. 2. The symbol of rewards and honours. 3. Decoration. 4. Precious headgear; a crown. 5. Coronation. 6. Church wedding ceremony. 7. Monastic headgear; a kind of a headband. 8. Aureole, radiance, shine around a glowing thing. 9. Halo, the nimbus around Holies' heads. 10. Rim, the fillet around something. 11. Completion, the highest degree of something. 12. One of the beams in the wooden blockhouse [6, v. 2, p. 72–74].

Венец. 1. Dated word: Wreath. 2. Precious headgear; a crown, a symbol of monarch's power. 3. Crown, put on the heads of a couple in the church during the wedding ceremony // Coll.: Church wedding ceremony. 4. The top of all, the height, the peak. 5. The light, rainbow ring around the Sun, the Moon, the bright stars // Bright shining around Holies' heads, the nimbus. 6. Every horizontal raw of beams in the wooden blockhouse [7, v. 1, p. 148].

In the history of linguistics A. A. Potebnya interpreted brilliantly the semantic immutability of the words: “Something old in the language is the base of something new, but only in two ways: partially, it can be renewed on other conditions and with other start; partially, it changes its form and meaning due to somewhat new” [5, p. 125]. We cannot, but agree with the statement by L. S. Kovtun: “The history is not only in the meaning of the words, transformed into other words, but it is in the meaning of the words, seemed to be immutable. What is behind the centuries-old stability of such meanings?” Answering the question, L. S. Kovtun accentuates, that the changing of lexical links is not always accompanied by the changing of logical content, which makes the meaning steady and unsteady simultaneously [1, p. 82–83]. This paradox of development is obviously seen in the examples of the centuries-old metaphors “орел, сокол, свет, гнездо” (“eagle, falcon, light, nest”).

The fact, that the degree of polysemantics is close to the constant (both in synchrony and diachrony), gives the reason to think over gnosiology of monosemantic words. It states the principal necessity of the wide stratum of monosemantic words. The segment of 75,95% of nouns with one meaning shows

the size of the reserve bank of concepts, the fount of speech metaphors, working on polysemantics and ultrapolysemantics. It is the field of monosemy, necessary for optimal functioning of the language. The discussion about the necessity of words “имідж” or “консенсус” stands no longer. It takes you only to look through the historical dictionaries to be convinced, that the height of the pyramid, the height of our linguistic thinking, depends on the width of the base of this pyramid, on the richness of the various words, including exotisms.

“To look through” the dictionaries, however, is insufficient. We, using the data of the Dictionary of the XI–XVII centuries, have calculated how many words left and disappeared, against the research projection per quantity of meanings in the word. The more meanings the nouns took over the historical period, the more immutable the words turned out. If among monosemantic nouns 1421 nouns have disappeared, and 514 nouns have remained, then among bisemantic nouns – 211 nouns have disappeared, and 197 nouns have remained (the proportion is practically the same). Then the growth of immunity begins. Among three-semantic nouns 43 nouns have disappeared, and 73 nouns have remained. As for the words with six meanings and more, practically all of them have remained so far (with some rare exceptions). Thus, among the nouns with six meanings 9 words have remained, 1 word has disappeared; with seven meanings – 2 words have remained, no word has disappeared; with eight meanings just 3 words have remained. We found out no words with nine meanings in the sections of the dictionary under study. Among the nouns with ten, eleven and thirteen meanings one word has remained, that is, the word has not sunk into oblivion. Finally, 2 nouns with twelve meanings have remained.

In our research we met not once the problem of the shade of meaning. In linguistics the shade is regarded as prognosis, the evidence of further development of meaning. S. N. Murane says, that the shades are the signals of transition from monosemantic words to polysemantic ones [2, p. 34]. In fact, once monosemantic nouns “визг, великолетие, вируши” now have the shade in the meaning, fixed in the dictionary. For instance, “визг” – “a high, shrill sound, produced by an object”. It is important to add, that the shades of meaning could be the rate of quite opposite process: the transition from polysemantic word to monosemantic one. In the word “взор” there were two meanings, now there is one meaning with two shades. Once three-semantic noun “весть” is used today in one meaning with one shade. Bisemantic noun “весна” hasturned into monosemantic with the figurative shade of use. The shades of meanings are not only a plan, prospect, prognosis, program of meaning development, but the retrospection of this development, a real shade of former meanings, the evidence, the trace of disappearing or disappeared polysemantism.

Thus, according to our research, the share of monosemantic, bisemantic and three-semantic nouns in the history of language and in the modern language is the quantity close to the constant, the constant in itself. It indicates that 70% of monosemy supports 30% threshold of polysemy in the language, but the richness in the meanings of polysemantic and, especially, ultrapolysemantic nouns “closes” the perception of this phenomenon.

Prospects of further investigation are connected with the necessity to study the “polysemantism rate constant” based on the new source of material in Russian and other languages. Clarifying the percentage of monosemantic nouns in favour of “Golden Section”, i.e 0,6 rather than 0,7 is not improbable provided semantically unstable nouns are considered as units imparting two meanings.

References

1. Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях (к истории значений слов) / Л. С. Ковтун // *Вопр. языкознания*. – 1971. – № 5. – С. 81–90.
2. Муране С. Н. Об устойчивой и неустойчивой моносемии / С.Н. Муране // *XXV Герценовские чтения. Филологические науки*. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1972. – С. 33–35.
3. Ольшанский И. Г. Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка) / И. Г. Ольшанский, В. П. Скиба. – Кишинев : Штиинца, 1987. – 128 с.
4. Попова А. Р. *Словарь одного слова* / А. Р. Попова. – Орел : ООО ПФ “Оперативная полиграфия”, 2009. – 356 с.
5. Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике* / А. А. Потебня. – Харьков, 1888. – 548 с.
6. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* / Под ред. С. Г. Бархударова, Г. А. Богатовой. – М. : Наука. Вып. 2, 1977. – 320 с.; Вып. 3, 1976. – 288 с.; Вып. 4, 1977. – 403 с.; Вып. 5, 1978. – 392 с.

7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. // А. П. Евгеньева. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 702 с.

Аннотація

В. К. Харченко. Константа многозначности

Путем сопоставления числа имён существительных по материалам словарей в диахронии и синхронии русского языка установлено, что процент однозначных, двузначных, трёхзначных слов есть величина постоянная. Однозначных слов в языке содержится порядка 70–75%. Исследуется также числовая корреляция между степенью многозначности слова и его хронологической устойчивостью. Всё это позволяет более доверительно относиться к “потoku заимствований”.

Ключевые слова: *наращение смыслов, метафора, многозначность, однозначность.*

Анотація

В. К. Харченко. Константа багатозначності

Шляхом зіставлення числа іменників за матеріалами словників у діахронії і синхронії російської мови встановлено, що відсоток однозначних, двозначних, тризначних слів є величина постійна. Однозначних слів у мові нараховується приблизно 70–75%. Досліджено також числову кореляцію між ступенем багатозначності слова та його хронологічною стійкістю. Усе це дозволяє ставитись із більшою довірою до “потoku запозичень”.

Ключові слова: *нарошування смислів, метафора, багатозначність, однозначність.*

Abstract

V. K. Kharchenko. The Constant of Polysemanticism

In the paper two mutually exclusive hypotheses have been put forward: 1. With the development of language the number of word meanings grows, that is, there is the increase in number of bisemantic, three-semantic, four-semantic nouns; 2. With the development of language the identical correlation of monosemy, bisemy, and polysemy remains, that is, the percentage of mono-, bi-, three-, four-semantic nouns against the total number of nouns is approximately the same. By means of synchronical and diachronical analysis of the number of nouns from the dictionaries of the Russian language it has been established that the percentage of monosemantic, bisemantic, three-semantic words is the constant. In Russian the monosemantic nouns come to 70–75%. The number correlation between the degree of the word polysemy and the chronological stability of the word has been investigated. It has been stated that the noun monosemy is more typical than polysemy both in synchrony and diachrony. It gives the possibility to be more confident in the “stream of loanwords”. Prospects of further investigation are connected with the necessity to study the “polysemanticism rate constant” based on the new source of material in Russian and other languages.

Key words: *multiplication of meanings, metaphor, monosemy, polysemy.*

ТЕОРЕТИЧНІ ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ

Н. И. Иванова
(Горловка)

УДК 821.161.1-1'367

РЕКУРСИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ВСТАВКИ

Диапазон общей лабильности языковой системы и деформируемости языковых структур достаточно широк. Известно, что переосмысление и развитие языковых форм происходит, прежде всего, в свободной от консерватизма сфере устного речевого обихода. Именно в речи возможны изменения синтаксического строя. Они обусловлены требованиями коммуникации, заставляющими высказывания быть более динамичными, подвижными, не осложнёнными ни построением, ни содержанием, способными легко присоединиться к предложению (точнее, не ломая его композицию, входить в него).

Рекурсия языковой системы (под которой понимается такой способ организации системы, при котором она может создавать собственные изменённые копии, взаимодействовать с ними и включать их в свою структуру) предполагает возможность из ограниченного количества единиц получать многообразие конструкций разных уровней. Вставные образования в базовом предложении являются одним из наиболее убедительных показателей языковой рекурсии.

В литературе о вставках, начиная с известных работ А. Пешковского, А. Руднева, Г. Акимовой, И. Аникина, Т. Колосовой и заканчивая последними публикациями Л. Беднарской, Ю. Златопольского, Н. Черниковой, С. Онишко, акцент ставится в основном на изучение аспектов истории разделения вводных и вставных конструкций, описание структурных типов и семантики вставок. За пределами интересов лингвистов пока остаётся вопрос о месте вставок в оформлении эффективной интерактивной модели высказывания, об их смысловой доминантности в предложении, и главное – о самих возможностях их появления в предложении.

Традиционный синтаксис не способен объяснить коммуникативное строение предложений со вставками. Эта научная лакуна вполне объяснима. Вставка содержит такой сегмент информации, противоположение которого информации, заключённой в синтаксическом окружении, составляет основную цель всего высказывания. В парадоксальности этой ситуации и кроется кажущаяся невозможность её объяснения.

Цель данного исследования: объяснить, за счёт каких рекурсионных свойств языка стало возможным появление вставных конструкций, выяснить механизмы приобретения вставками, входящими в предложение на правах дополнительного, разъясняющего смыслового блока, “высокого” синтаксического статуса конструкции, становящейся концептуально важной.

Сложный синтаксический механизм построения фразы обусловлен сложной психологической структурой процессов порождения мысли. Вставки – явление разговорной речи, но если в разговорной речи конситуативный смысл (т.е. речевой контекст, визуально-чувственная ситуация, частно-апперцепционная база) не рематичен, то в письменной речи иногда именно эти составляющие и актуальны (о них ведь не знает читатель, а должен знать, иначе будет нарушена фоновая концепция). А так как структура предложения уже оформлена, остаётся одна возможность ввести эту часть сообщения посредством вставки, т. е. в уже готовом предложении происходит перемещение фокуса внимания автора, и вставка здесь – и объект этого усиленного внимания, и средство его воплощения. В силу этого вставка не может быть семантически нейтральным компонентом предложения. Стратегия смыслового развёртывания в предложении со вставкой особая: говорящий, заботясь о понятности своей речи, позволяет конструировать её, отступая от строгих синтаксических правил, в соответствии со своими задачами. Архитектура таких предложений уникальна: они представляют не линейную цепочку связанных звеньев (классическая синтагматическая последовательность), а иерархическую структуру. Такое построение обеспечивает реализацию коммуникативной программы экономным и эмоционально сильным способом.

Планируя предложение, говорящий выбирает пропозициональное и иллокутивное содержание, тематическую структуру. Планирование предложения, всех его деталей не происходит одновременно, сразу, однако оно не идёт и пословно. Говорящий сначала строит схематический план, костяк целого предложения, а затем детализирует его по частям, т. е.

модель предложения может быть представлена формулой “костяк” + “составляющие”, где “костяк” занимает центральную позицию, некое центральное ядро, на которое нанизываются локальные “уточнители”. Процесс расширения предложения не спонтанный, он полностью обусловлен планом высказывания. В этом аспекте расширения предложения принципиальных вопросов нет, эта стратегия достаточно полно описана и изучена.

Но вот на этапе реального воплощения замысла, когда осуществляется процесс выбора и размещения слов (т.е. грамматическо-синтаксическое оформление высказывания), может произойти сбой замысла-программы: может включиться незапланированный, маргинальный фрагмент. (Какими убедительными сейчас представляются высказывания Д. и Ив. Кларков, М. Гаррета, А. Херберта о том, что процесс планирования речи остаётся загадкой.) И даже достаточная синтаксическая гибкость не может предложить адекватного варианта включения этого фрагмента, кроме как нарушив чёткость логического структурирования: новое сообщение вводится, грамматически не приспособившись к предложению. Автор высказывания принимает такое, поистине революционное, решение, когда эта часть в смысловой иерархии синтаксических составляющих становится наиболее значимой.

Как порождение устной речи вставка является таким компонентом, который в речевое намерение говорящего не входит. Желание адресанта ввести в высказывание дополнительную информацию, разъяснение и т. д. возникает уже в ходе реализации первоначального замысла.

Эта потребность комментирования собственного высказывания сейчас же, не медля приводит к прерыванию его синтагматической линии. Явление это достаточно агрессивно: ведь вставка не регламентирована и непредсказуема предложением-денотатом, она и не вписывается в его структуру. А если бы говорящий пожелал связать этот компонент с базовым предложением, ему бы пришлось утяжелить, усложнить его: понадобилось бы для этого перестроить всё предложение, изменив, возможно, порядок слов, по-другому организовать синтаксическое объединение слов, используя при этом специальные средства связи и т. д. Это бы привело к иной позиционной расстановке компонентов предложения, что, в свою очередь, неизбежно повлекло бы изменение содержания предложения и смещение смысловых акцентов.

Не являясь структурной составляющей базового предложения (давая тем самым возможность ему сохранить свою синтаксическую стабильность), вставка включается в его состав, экономя общие синтаксические ресурсы и в то же время содержательно расширяя его смысловое пространство.

Говоря о вставках в устной речи, вывод можно сделать однозначный: они безусловно и безоговорочно спонтанны. А вот причины их появления в речи письменной требуют особого рассмотрения. Так ли они незапланированы, как это всегда считалось?

С точки зрения психологии, мысль может сформироваться в сжатом, компрессированном виде и она же может приобрести более расчленённое, развёрнутое оформление. И если степень сжатия (элиминирования) должна иметь свой естественный предел (за которым следует просто её распад), то степень развёрнутости мысли предела не имеет, так как к данному ядру всегда может быть добавлено что-то новое, ведь осмысление действительности (как и недействительности) бесконечно. С точки зрения лингвистики, некое явление может найти разное языковое выражение, как более краткое, так и более развёрнутое. Предельное развёртывание при этом установить невозможно, язык границы для этого не возводит. С точки зрения психолингвистики, явление сужения и расширения довольно обычное, так как вызвано особенностями порождения речи, которые предполагают при переходе от замысла к высказыванию возможность различных изменений: добавления, вставки, перестановки, замены и др.

Если допустить возможность свёртывания предложения со вставкой, то оно не может быть сокращено до базовой, ядерной конструкции, потому как такие предложения рассчитаны на выражение мысли формируемой, а не сформированной. И в них происходит перераспределение роли элементов высказывания, меняется глубинная структура: более весомой становится вставка. Аргументация этого положения довольно проста. Дело в том, что интегральный характер высказывания, состоящий не в сумме его элементов, а в особом иерархическом его построении, может допускать различные перестройки, лишь бы они не привели к искажению замысла. Синтаксическая структура высказывания является психической реальностью, она присутствует в языковом сознании человека и вместе с единицами других уровней языка участвует в процессе порождения текста. Темо-рематическая структура каждого предложения предопределяет особую

расстановку его компонентов: в смысловой организации предложения наряду с экспликацией известного всегда излагается нечто новое. При совместном их осмыслении вставка превалирует, подавляет все другие компоненты уже одним своим агрессивным появлением в предложении, а если учесть её эмоциональную весомость, то с ней, конечно, не может конкурировать базовая часть предложения. Такие предложения, теряя свойство линейности, присущее им как синтагматическому образованию, становятся “ступенчатыми”, объёмными.

Развёртывание инвариантной (исходной) структуры предложения может происходить разными способами. Они достаточно разнообразны, но по характеру включения в предложение могут быть объединены в две группы: синтаксически связанные с исходным предложением и синтаксически несвязанные. Предложения со вставкой – это второй путь развёртывания предложения. Вставки появляются тогда, когда предложение не может усложниться синтаксически “легитимными” средствами. “Расширение информации может привести к изменению синтаксической модели, если она оказывается недостаточно ёмкой для передачи коммуникативного задания” [3, с. 165].

Вставки – это опорные точки, служащие для построения целостной картины сообщения. Известно, что развёртывание замысла в текст осуществляется путём последовательного раскрытия подтем, соответствующих целям и условиям процесса формирования высказывания. Подтема (являющая собой последовательность слов) как целостный фрагмент текста раскрывает его определённый аспект и представлена в нём свёрнуто. При необходимости она может быть развёрнута путём введения новых элементов, иерархически включающихся в структуру высказывания и внутренне связанных между собой. А связью подтем между собой достигается целостность текста.

Это происходит при непрерывности развития логики, а следом – и структуры высказывания. И тогда декодирование текста слушающим (как бы развёртывание текста в обратном порядке) осуществляется легко, без эмоционального напряжения. Нет необходимости додумывать, анализировать, сопоставлять (т. е. интеллектуально напрягаться), и значит, коммуникация происходит спокойно, в эмоционально нейтральном тоне. Сама структура высказывания не даёт повода для эмоционального всплеска.

Базовое предложение представляет некий контур, дающий базовую информацию. Его конфигурация может изменяться, вставками в том числе. При этом вставки всегда “работают” на нарастание семантической напряжённости или на поддержание заданного эмоционального градуса, но никогда – на спад. Семантико-эмоциональная плотность таких предложений всегда больше, нежели предложений без вставок. А семантическая компрессия этих предложений до удаления вставок невозможна, потому что сокращение текстового поля происходит только за счёт второстепенных элементов конструкции.

Можно тогда предположить, что именно желание автора высказывания осознанно пойти на обострение эмоциональной обстановки, рассчитанное на психологическую провокацию, приводит к нарушению структуры. Поступательное движение смысла прерывается, потому что вторгается более важная тематическая линия. Ведь не форма же влияет на содержание. Базовому предложению остаётся только включить вставку в готовую конструкцию. И здесь вставки могут филигранно сыграть роль эмоционального “раздражителя”.

В самом деле, отсутствие вставок (даже фактуальных, информативных) не приведёт к смысловому вакууму, непониманию коммуникантов, общение состоится в любом случае. Безусловно, нельзя отрицать признанное в лингвистике мнение о том, что вставки призваны выравнивать фоновые знания коммуникантов. Но “выравнивать” не значит заполнять собой “смысловые скважины” (в терминологии Н. Жинкина [2, с. 21]). Т. е. формально ценность вставок с точки зрения структуры не столь и высока. Ведь если фрагменты не предусмотрены заранее спланированной автором структурой и содержательной программой высказывания, то они не так уж и важны.

Но такие вставки могут представлять интерес лишь со стороны нарушения линейности предложения. Занимательны вставки иные, те, которые создают второй смысловой уровень.

Вставки, появляясь или после завершения события, эпизода, или внутри незавершённого события (в этом случае они более обращают на себя внимание), выполняют функцию синтагматического “шва”, объединяющего разорванные части. Вставки могут быть сравнимы со сносками, организующими развёртывание последовательных элементов не по одной линии, а по двум. Вставки, формально являясь частью базового предложения, выделяются из него.

Часто выделяются столь явно, что даже превалируют над базовым предложением, которое может составлять лишь формальное обрамление.

Любое высказывание, даже кажущееся незапланированным, на самом деле обусловлено ситуацией, характером или психологическим типом говорящего. У всего есть причина. Г. Гийом утверждал, что и речевая, и мыслительная деятельность субъекта всегда мотивирована, и эта мотивация лежит вне дискурса: “То, что создаёт предложение, это не система, но актуализация системы и свободный и одномоментный выбор идей, который вызовет предложение” [1, с. 127].

Непрерывность потока сознания живёт по своим особым правилам: один фрагмент, связанный по смыслу с другим (или другими), неизбежно должен вовлечься в пространство всей мысли, иначе нет смысла в её высказывании. Гибкость языковой системы, её способность предлагать разные варианты выражения мысли позволяет находить приёмы для разрешения подобных ситуаций. И несмотря на изолированность, обособленность вставки, и структурную, и – иногда смысловую, именно она становится средством сохранения предложения как гармоничного структурно-семантического образования.

Комментарии вставок надстраивают смыслы поверх уже существующих в линейном ряду предложения. И если предложение имеет границы – и в этом смысле оно замкнуто, то предложение со вставкой гипертекстно. Оно представляет собой иначе организованную структуру политематической информации. Вставка разрешает возникающий синтаксический и смысловой цейтнот: структурно не загружая высказывание, она ещё и придаёт ему особую подвижность, экспрессию. Вставка “оживляет” предложение не только имитацией непринуждённости разговорной конструкции с её особым интонационным рисунком. Прежде всего, она, обостряя внимание на некоторых фрагментах, деталях, создаёт параллельный канал изложения (для автора) и восприятия (для читателя). Вот почему предложения со вставкой столь динамичны в общем повествовании.

Здесь между не всегда пересекающимися содержательными ресурсами устанавливаются особые перекрёстные отношения. Предложение по строению становится двухуровневым, а по смыслу представляет незамкнутую цепь. Т.е. такие предложения креативны уже по одному своему возникновению.

В формировании современного предложения как многоуровневого процессе нередко специфически репрезентируются отдельные фрагменты. В этом невидимом соревновании может быть победителем тот фрагмент, который и не принимал участие в структурировании предложения на первом этапе планирования, входящий в предложение уже в фазе реализации замысла и, тем не менее, в силу своей смысловой активности, становящийся доминирующим. Вставные конструкции являются семантическими маркерами, они активизируют сюжетную динамику и манифестируют свободу авторского самовыражения. Именно эти качества речи ценятся, и потому *дальнейшее использование вставок представляется ещё более активным и популярным, а их изучение – актуальным и перспективным.*

Литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом // Под ред. Л. М. Скредлиной. – М. : Прогресс, Культура, 1992. – 224 с.
2. Жинкин Н. И. Интеллект, язык и речь // Н. И. Жинкин / Нарушения речи у дошкольников. – М. : Педагогика, 1972. – С. 9–31.
3. Ярцева В. Н. Пределы развёртывания синтаксических структур в связи с объёмом информации / В. Н. Ярцева // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1968. – С. 163–178.

Аннотация

Н. И. Иванова. Рекурсия языковой системы и вставки

В статье предпринимается попытка объяснить, за счёт каких рекурсионных свойств языка стало возможным появление вставных конструкций, выявить механизмы приобретения вставками (входящими в предложение на правах дополнительного, разъясняющего смыслового блока) “высокого” синтаксического статуса конструкции, становящейся концептуально важной. Гибкость языковой системы, её способность предлагать разные варианты выражения мысли позволяет вставкам, несмотря на их изолированность, обособленность, быть средством сохранения предложения как гармоничного структурно-семантического образования.

Ключевые слова: базовое предложение, вставки, рекурсия, синтаксический статус, языковая система.

Анотація

Н. І. Іванова. Рекурсія мовної системи і вставлені конструкції

У статті зроблено спробу пояснити, які рекурсійні властивості мови уможливили появу вставлених конструкцій, з'ясувати механізми надбання вставленими структурами (що входять у речення на правах додаткового, пояснювального смислового блоку) "високого" синтаксичного статусу конструкції, що стає концептуально важливою. Гнучкість мовної системи, її здатність пропонувати різні варіанти вираження думки дозволяє вставленим конструкціям, незважаючи на їхню ізольованість, відокремленість, бути засобом збереження речення як гармонійного структурно-семантичного утворення.

Ключові слова: базове речення, вставлені конструкції, рекурсія, синтаксичний статус, мовна система.

Abstract

N. I. Ivanova. Language System Recursion and Parentheses

The article attempts to explain what recursive language qualities have made the phenomenon of parentheses possible, and to clarify the mechanisms through which parentheses, included into the sentence as additional, explanatory semantic units, acquire a high syntactic status of the conceptually important structure. Originated in oral speech parentheses do not constitute the communicative intention of the speaker. The decision to add some additional information, explanation etc. is taken in the course of initial intention realization. The speaker's need to comment on his own utterance leads to the break in the syntagmatic line. Not being a structural part of a basic sentence (thus giving it the possibility to retain its syntactic stability) parentheses are included into it saving general syntactic resources and at the same time meaningfully expanding its semantic space. Flexibility of the language system and its ability to offer different variants of thought expression allow parentheses despite their structural or semantic isolation to make a sentence a harmonious structural-semantic unit.

Key words: basic sentence, parentheses, recursion, syntactic status, language system.

Е. Ф. Таукчи
(Горловка)

УДК 802.0-541.43:81.314.1

О СПОСОБНОСТИ СЛОВ ВСТУПАТЬ В СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Проблема сочетаемости языковых единиц без преувеличения является одним из ключевых моментов в учении о лексико-семантической системе языка. Она многовекторна и многоаспектна. Как свидетельствует накопленный лингвистический опыт, пути ее решения следует искать на пересечении лексикологии, синтаксиса, семасиологии и – в известной мере – методики преподавания родного и иностранного языков.

Считается, что первым среди английских ученых высказал мысль о необходимости детального изучения взаимодействия слов Г. Суит: "В настоящее время единственно рациональным принципом рассмотрения языка как такового является постановка вопроса о том, каким образом этот язык выражает взаимоотношения между словами" [8, с. 470]. Однако, как видно, Г. Суит говорит от имени всего сообщества лингвистов своего времени.

Позднее, в 30-е годы XX столетия, вопрос о сочетаемости слов как одним из условий, определяющих функционирование семантики языка, получил освещение в работах Дж. Р. Фёрса: "Целостное значение слова всегда контекстуально, и нельзя принимать всерьез какое-либо изучение значения, проведенное в отрыве от рассмотрения всего контекста" [7, с. 6]. "Недопустимо рассматривать слова как единицы, имеющие изолированное значение, встречающиеся и используемые в свободной дистрибуции. <...> Только в рамках ограниченных систем коммуникация способна обеспечить базис для функционального смысла слова или, иначе говоря, смысла значения, при этом замена, не равнозначная ситуации общения, приводит к отсутствию такого смысла" [5, с. 18].

В этом случае, однако, целью анализа является, как видно, не сочетаемость слов, а их речевая семантика. По Фёрсу, значения слов можно установить, опираясь на их контекст и

способность соединяться друг с другом, т.е. сочетаемость для него – метод установления значения слова. Дж. Р. Фёрс полагал, что привычное сочетание и ожидание увидеть то или иное слово в определенном окружении должно рассматриваться как часть его функции или значения: “Одним из значений слова *night* является его сочетаемость со словом *dark*, а одним из значений слова *dark* является его сочетаемость со словом *night*” [6, с. 196].

Необходимо подчеркнуть, что под лексическим значением Дж. Р. Фёрс понимает “meaning by collocation” (значение, устанавливаемое посредством коллокации) и трактует его следующим образом: “Значение, устанавливаемое при помощи коллокации, есть абстракция на синтагматическом уровне и не имеет прямого отношения к концептуальному или идеальному подходу к значению слова” [там же, с. 196].

Эта точка зрения уже во время ее появления была воспринята и оценена критически из-за своих позитивистских оснований. Дж. Р. Фёрс рассматривал не дистрибуцию слова, а интересные, с его точки зрения, примеры совместной встречаемости слов, которые он определил как случаи “взаимного ожидания слов”. Он утверждал, что слово можно узнать по окружению, в котором оно употребляется. В качестве доказательства приводился известный пример со словом *ass*, встречающимся в выражениях *You silly* – , *Don't be such an* – , а также с ограниченным количеством прилагательных: *silly*, *obstinate*, *stupid*, *awful* и изредка с прилагательным *egregious* [цит. по: 3, с. 108].

Кроме того, Дж. Р. Фёрс заявлял о необходимости изучения контекстуального значения слов “как истории изменений” [7, с. 10], то есть настаивал на проведении детального этимологического анализа слов, вступающих в сочетания, так как: “Самое главное, что изучение значений представляло собой изучение изменений. А изменение подразумевает нечто постоянное, что подвергается изменению, постоянное, прослеживающееся на протяжении всего процесса изменения. Обычно изменение считают развитием или упадком и рассматривают в связи с какой-либо неотъемлемой частью, либо первоначальной сущностью, либо зенитом” [7, с. 8].

К тому же именно Дж. Р. Фёрс предложил рассматривать прием разложения лексического значения на составляющие в качестве основного способа исследования значения слова как такового: “Представляется невозможным решить проблему значения, не расщепив его на компоненты, которые в дальнейшем могут быть распределены по категориям, классифицированы и приведены в соответствие друг с другом” [там же, с. 10].

Ученики и последователи Дж. Р. Фёрса, Т. Ф. Митчелл и Ф. Р. Пальмер, развивали основные положения его теории, однако никто из английских лингвистов не предложил какого-либо удовлетворительного решения проблемы лексической сочетаемости. Так, Ф. Р. Пальмер считал ошибкой предпринимать попытку провести четкое разграничение между теми сочетаниями, которые предсказуемы исходя из значений совместно встречающихся слов, и теми, которые не могут быть предсказуемы [цит. по: 3, с. 109], но не высказывал никаких предположений по поводу причин, побуждающих отдельные слова соединяться или не соединяться друг с другом.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. романистика существенно опережала германистику как в вопросах лексикологии, так и в области синтаксиса. Вот почему, по нашему мнению, необходимо уделить должное внимание взглядам и суждениям видных ученых-романистов того периода по поводу комбинаторики языковых единиц.

Наиболее значительной работой французского лингвиста Л. Теньера считается «Структурный синтаксис». Анализируя сущность синтаксической связи, Л. Теньер приходит к выводу о том, что “изолированное слово – это чистая абстракция, поскольку предложение – это естественная среда, в которой живут слова” [4, с. 22]. Синтаксические связи не имеют формального выражения, но они непременно обнаруживаются сознанием говорящего, без чего ни одно предложение не было бы понятным. Отсюда вытекает, что предложение типа *Alfred parle* (*Альфред говорит*), по мысли Л. Теньера, “состоит не из двух элементов: 1) *Alfred* и 2) *parle*, а из трех: 1) *Alfred*, 2) *parle*, 3) связь, которая их объединяет и без которой не было бы предложения” [там же, с. 23].

Следовательно, синтаксическая связь необходима для выражения мысли. Без нее мы не могли бы передать никакого связного содержания. “Наша речь была бы простой последовательностью изолированных образов и идей, ничем не связанных друг с другом” [4, с. 23]. Так как понятие синтаксической связи, несомненно, представляет собой основу всего структурного синтаксиса, построить предложение, с точки зрения Л. Теньера, – значит “вдохнуть жизнь в аморфную массу

слов, установив между ними совокупность синтаксических связей” [там же, с. 23]. Понять предложение – значит “уяснить себе совокупности связей, которые объединяют входящие в него слова” [там же, с. 23].

Основным проявлением синтаксической связи Л. Теньер считает валентность. Рассматривая глагол как грамматический центр предложения, французский лингвист сравнивает эту часть речи со “своеобразным атомом с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удержать эти актанты при себе” [там же, с. 250]. Число актантов, которыми способен управлять тот или иной глагол, как полагает Л. Теньер, и составляет сущность глагольной валентности [там же, с. 250]. Кроме того, вовсе не обязательно, чтобы все валентности какого-либо глагола были заняты соответствующими актантами. Некоторые валентности могут оставаться свободными. Например, двухвалентный глагол *chanter* (*петь*) может быть употреблен без второго актанта. Можно сказать: *Alfred chante* (*Альфред поет*), ср. *Alfred chante une chanson* (*Альфред поет песню*) [4, с. 250].

Несомненно, лингвистические взгляды Л. Теньера стали важным этапом развития науки о языке, так как до него в языкознании господствовала идея, согласно которой к ведению лингвистики принадлежали только формальные, непосредственно воспринимаемые, материальные факты языка, относящиеся к его внешней среде. Л. Теньер считал В. фон Гумбольдта лингвистом высочайшего класса, а свои суждения по поводу неформального характера синтаксической связи – продолжением учения В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Но, к сожалению, в работе Л. Теньера не рассматривается проблема словосочетания, так как французский лингвист считает предложение единственным предметом структурного синтаксиса [там же, с. 22]. Подобное невнимание к столь важной синтаксической единице, по нашему мнению, препятствовало появлению всеобъемлющего исследования сущности валентностных связей.

Словосочетание, или фраза, стало основным предметом наблюдения и изучения в работах швейцарского ученого Ш. Балли, заложившего основы научной фразеологии в начале XX в. По его утверждению, истинное понимание слов приобретает из сочетаний, к тому же, “ничто так не способствует закреплению слов в нашем сознании как естественные связи между ними” [1, с. 88]. Сущность явления комбинаторики лексических единиц Ш. Балли видел в наличии огромного множества ассоциативных связей, которые сходятся в каждом слове и расходятся от него по всем направлениям [там же, с. 89]. При этом некоторые слова обнаруживают тенденцию к большей спаянности между собой, чем другие. Распределяя словосочетания по классам в зависимости от степени спаянности их компонентов, Ш. Балли выделяет два основных (“крайних”) случая и массу переходных случаев, находящихся между ними и не поддающихся точной классификации. Основными группами, по мысли Ш. Балли, являются следующие: 1) словосочетания, которые распадаются немедленно после того, как они были созданы, и составляющие их слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации; 2) фразы, в которых слова, в силу того, что они постоянно употребляются в этом сочетании для передачи одной и той же мысли, полностью теряют свою независимость, оказываются неразрывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании [1, с. 89]. Ср., например:

1) *Cet homme est fier dans le bon sens du mot.*

Это гордый человек в хорошем смысле слова.

2) *Le bon sens suffit pour montrer l'absurdité d'une pareille entreprise.*

Простой здравый смысл подсказывает, что это нелепая затея.

В первом случае *bon sens* включает в себе две единицы, а во втором – только одну, что, с точки зрения Ш. Балли, свидетельствует о наличии двух омонимичных выражений в рассматриваемых примерах [там же, с. 91].

Таким образом, исследуя фразеологические явления, швейцарский лингвист выделяет среди них связанные сочетания слов и фразеологические единства. Между ними располагаются переходные типы: Ш. Балли называет их фразеологическими группами (например, фразы с усиливающим определением и глагольные парафразы). Главным объектом внимания ученого стали фразеологические единства, и он охарактеризовал их как выражения, тождественные слову, в которых смысл составных частей забыт и утрачен. В них также часто присутствуют архаизмы, эллиптические конструкции и т.п.

Взгляды Ш. Балли оказали существенное влияние на ход развития лингвистической мысли первой половины XX в. Академик В. В. Виноградов, в сущности, импортировал концепцию швейцарского ученого. В.В. Виноградов занимал руководящее положение в советском языкознании. Вслед за Балли, он ставил во главу угла вопрос о границах между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами. По его мнению, теоретическая фразеология базируется на классификации устойчивых словосочетаний по степени идиоматичности. В целом В.В. Виноградов несколько упростил классификацию Ш. Балли. Он выделил следующие виды связанных сочетаний слов: фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические сращения [2, с. 141–145].

С точки зрения Ш. Балли и В.В. Виноградова, фразеологические единства – это идиоматичные связанные словосочетания, в которых смысл целого мотивируется не буквальным смыслом компонентов, а образным смыслом всего словосочетания. Например: *держат нос по ветру*.

Во фразеологических сериях (Ш. Балли) или фразеологических сочетаниях (В. В. Виноградов) смысл целого выводим из смысла компонентов. Например: *gravement malade – тяжело больной*.

Фразеологические сращения, по мысли В. В. Виноградова, немотивированы и произвольны. «В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составляющие элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, определенными словами языка, то их соотношение чисто омонимическое. Фразеологические сращения могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление» [2, с. 145]. Например: *собаку съест в чем-нибудь*.

В. В. Виноградов утверждал, что в языке кроме фразеологических единиц существуют свободные сочетания слов, которые организуются в процессе речи, не подчиняясь каким-либо правилам. Такие словосочетания являются предметом изучения синтаксиса, но не фразеологии [там же, с. 140–141].

В истории отечественной и зарубежной лингвистики комбинаторика слов рассматривалась в качестве связующего звена между лексикологией и синтаксисом (М. В. Ломоносов, Д. М. Соколов, П. И. Соколов, А. Х. Востоков, А. А. Потенция, А. А. Шахматов, Г. Суит, Дж. Р. Фёрс, Ф. Р. Палмер и др.). В этой связи способность слов вступать в синтаксические конструкции требовала объяснений в соответствии с сугубо лингвистическими правилами и закономерностями. В дальнейшем концепции Л. Теньера и Ш. Балли стимулировали продолжение изысканий в данной области. В советском языкознании проблема комбинаторики нашла отражение в исследованиях И. Е. Аничкова, Б. М. Гаспарова, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой и многих других.

Всякий раз, в зависимости от необходимости решить ближайшие проблемы в конкретных условиях (например, при сопоставительном анализе сочетаемости слов двух или более языков, а также при разработке проблем перевода с одного языка на другие), на первый план выдвигаются те или иные частные вопросы. Среди них в первую очередь – выяснение механизмов и ограничений сочетаемости слов.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды : Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
3. Зарайский А. А. Семантический аспект лексической сочетаемости в английском языке // Единицы языка и их функционирование : Межвузовский сборник научных трудов / А. А. Зарайский. – Саратов, 2000. – Вып. 6. – С. 104–111.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
5. Firth J. R. Linguistic analysis as a study of meaning // Selected Papers of J. R. Firth 1952-59. Edited by F. R. Palmer / J. R. Firth. – Longmans, Green & Co. Ltd. – London-Harlow, 1968. – 210 p.
6. Firth J. R. Modes of Meaning // Papers in linguistics 1934-1951 / J. R. Firth. – London, Oxford University Press. New York. Toronto, 1957. – P. 174–202.
7. Firth J. R. The Technique of Semantics // Papers in Linguistics 1934-1951 / J. R. Firth. – London, Oxford University Press. New York. Toronto, 1957. – P. 5–38.

8. Sweet H. Words, logic and grammar // TP3 1875-6. Reprinted in Collected papers / H. Sweet / – Oxford : Clarendon Press, 1913. – 530 p.

Аннотація

Е. Ф. Таукчи. О способности слов вступать в синтаксические конструкции

Автор статьи предпринимает попытку критического рассмотрения основных этапов разработки проблемы лексической сочетаемости в отечественной и зарубежной лингвистике.

Ключевые слова: сочетаемость, лексические колокации, синтаксическая связь.

Анотація

О. Ф. Таукчі. Про комбінаторні потенції слів у синтаксичних конструкціях

Автор статті робить спробу критичного огляду основних етапів розробки проблеми лексичної сполучуваності у вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці.

Ключові слова: сполучуваність, лексичні колокації, синтаксичний зв'язок.

Abstract

O. F. Taukchi. Words' Ability to Enter Syntactical Structures

The author of the paper under discussion attempts at acritical examination and detailed studies of the major stages analyzing lexical combinability issues in various aspects. Works written by national and foreign linguists are taken into consideration. It is obvious, that the problem of combinability constitutes a key element in studying lexical-semantic system of any language, it being multidirectional and multidimensional. Thus its solution should be found at the intersection of lexicology, syntax and semasiology.

Representatives of national and foreign linguistic schools have worked out their own concepts of lexical combinability: such as general rules and regularities of making word – combinations in English, Ukrainian and Russian are widely touched upon and described in details. The author tries to consider peculiar features, and specific characteristics of the analyzed languages. The research has resulted in creating the universal formula and our own definition of lexical combinability. The paper is also the first attempt to study lexical combinability as a linguistic phenomenon in theoretical and practical aspects, as far as a great number of Ukrainian, Russian and foreign scholars dedicated their works to the combinability problem, their ideas being not systematic. In the majority of cases they arrived at superficial conclusions. To solve the problem the author tries to explore the way the lexical combinability doctrine causes certain changes in general comprehension of language. Theoretical material of the paper can be used in further elaboration of combinability problem.

Key words: lexical combinability, lexical collocation, syntactic construction.

І. С. Святобаченко
(Горлівка)

УДК 811.161.2 = 161.1 = 111 = 133.1'367.335

НЕФІНІТНІ ФОРМИ ДІЄСЛОВА ЯК ЗАСІБ ВИЯВУ ПРОПОЗИЦІЙНО-КОМУНІКАТИВНОГО БЕЗСПОЛУЧНИКОВОГО ЗВ'ЯЗКУ

Питання специфіки безсполучникового зв'язку, зокрема засобів його реалізації, залишається відкритим уже доволі тривалий час. Окрім традиційного потрактування безсполучниковості як різновиду зв'язку, засіб якого є не вираженим формально й найчастіше реалізується в інтонаційній схемі складного речення, у сучасному мовознавстві з'являється зацікавлення в конструкціях, що містять напівпредикативні одиниці, зокрема досліджується їхнє місце та статус у складному реченні.

У різні часи теорію безсполучникового зв'язку в англійському складному реченні розробляли такі вчені, як М. Блох, Г. Веккер, Б. Ільш, Н. Кобрин, Дж. Міллер, Н. Раєвська та ін.

Мета дослідження – визначити характерологічні особливості складних речень із безсполучниковим зв'язком в англійській мові, до складу яких належать напівпредикативні

одиниці. Задля досягнення поставленої мети варто розв'язати такі завдання: 1) визначити закономірності функціонування речень із безсполучниковим зв'язком в англійській мові; 2) виявити безпосередньо специфіку складних безсполучникових речень, до складу яких входять конструкції з напівпредикативними одиницями.

Предмет дослідження – безсполучникові складні речення з напівпредикатами. *Об'єкт* – специфіка речень з напівпредикатами у їхньому безпосередньому зв'язку з провідними принципами мовознавства – формальним, функційним та логіко-граматичним.

Перш за все, слід зазначити специфіку розгляду складних речень в англійській лінгвістиці – поліпредикативні одиниці належать до мовного рівня, вони потенційно вже існують у мові й лише пристосовуються до мовленнєвої ситуації за своєю структурою та складністю, до того ж складність речення розглядається як структурна специфіка, чим і зумовлено провідну роль формального чинника в класифікації складних речень.

У синтаксичному розгляді речення виокремлюють два рівні: реченнєвий рівень (the sentence level) та рівень фрази (the phrase level) [3, с. 228]. Підмет із присудком – частини речення, що слугують стрижнем-зв'язком позамовної дійсності та мовних утворень, – належать до рівня речення, а відтак – і наявність двох або більше пропозицій впливає на структурні схеми мови, тоді як другорядні члени речення належать до фразового рівня, оскільки пристосовують, наближують, уточнюють наявну в мові схему речення.

В англійській мові речення ототожнюється з актом мислення, тож є лише сполучниковий та безсполучниковий зв'язок між послідовними реченнями, що слугують відбиттям мисленнєвих процесів людини. Так, М. Блох відзначає існування сполучникового та безсполучникового зв'язку в англійській мові. Традиційно надаючи формальному чинникові перевагу над семантичним, М. Блох, услід за М. Поспеловим, протиставляє безсполучникові речення сполучниковим не в межах двох формально-синтаксичних типів речення (складнопідрядних та складносурядних), а, власне, протиставляє безсполучникові речення реченням із формально вираженим сполучним засобом.

Слід зазначити, що відмінкова система англійської мови, на відміну від російської та української, репрезентована лише двома відмінками, тож можливість граматичного синкретизму компонентів безсполучникових речень значно збільшується. Наприклад, іменник або займенник в англійській мові, перебуваючи в позиції додатка, може одночасно виступати суб'єктом дії у сполуках, що містять нефінітні форми дієслова. За таких умов глибинний синтаксис речення виводить зазначену одиницю із синкретичною функцією на провідне місце як складника предикативного центру висловлення другого рівня.

Зокрема, неоднозначно можна розцінювати так звані речення зі складеним дієслівним присудком подвійної зорієнтованості (compound verbal predicate of double orientation) [3, с. 237]. З одного боку, ані формально, ані граматично такі речення (з погляду англійської граматики) не належать до складних. З іншого боку, такого типу речення характеризуються, по-перше, подвійною пропозицією, по-друге – не мають формально виражених елементів-зв'язок, що дає змогу зарахувати їх до складних речень з безсполучниковим зв'язком. Однак варто зазначити, що саме в цьому випадку ми можемо говорити про належність такого типу речень до мовленнєвого рівня, оскільки їхня подвійна зорієнтованість виявляється в мовленні, а не закладена в мові як системі. Наприклад: *At last I saw him staying at the door; he had to catch the return boat* (Востаннє я бачила його, коли він стояв біля дверей; він мав встигнути на човен, що повертався) (S. O. Jewett). У наведеному реченні (першій його частині) наявний граматичний підмет, виражений особовим займенником I, та граматичний присудок – фінітна форма дієслова see, вжитий у формі минулого часу (Past Simple Tense). Одиниці, що граматично виступають другорядними членами речення (додатком та обставиною місця) являють собою вираження другої пропозиції. У звороті наявний займенник, ужитий у непрямому відмінку, що є суб'єктом дії, позначеної нефінітною формою дієслова. За умови самостійного функціонування речень на позначення двох пропозицій, існували б такі два прості речення: *I saw him at last* (Я бачила його востаннє). *He was staying at the door* (Він стояв біля дверей). Унаслідок контамінування двох простих синтаксичних одиниць і постає речення зі складеним дієслівним присудком подвійної зорієнтованості, граматичний присудок якого, з одного боку, узгоджується з граматичним підметом, а з іншого – передбачає наявність нефінітної форми дієслова на позначення дії суб'єкта, що перебуває в позиції другорядного члена речення.

Природа такого явища пояснюється наявністю в англійській мові нефінітних форм дієслів (non-finite forms of the verbs): інфінітива (the infinitive), герундія (the gerund), Participle I та Participle II, що поєднують у собі ознаки дієслова (якому притаманна в реченні роль присудка), проте перебувають на периферії дієслівної парадигми й від того характеризуються послабленістю семантики дії у бік прикметника або навіть прислівника. Граматична парадигма таких одиниць є не повною, порівняно з дієслівною, яка включає час, спосіб, вид, а також особу та число для дієслова *be*, оскільки в ній наявна лише часова аспектуальність, а не повний спектр часових виявів (наприклад, перфективна форма вказує на те, що дія відбулась, на момент мовлення важливий власне результат цієї дії) та спосіб, а також наявність валентних позицій, подібних до дієслівних. В англійській мові нефінітні форми дієслів характеризуються відносною самостійністю, їхнє вживання в реченні передбачає наявність другорядних членів речення, що їх характеризують, поширюють або уточнюють.

Явищем, що слугує на користь відносної самостійності нефінітних форм дієслів, постає й орієнтація у реченні власне дієслова і його нефінітної форми на різні суб'єкти дії, завдяки чому речення із зазначеною категорією слів і називають реченням подвійної зорієнтованості. Таким чином, у висловленні утворюється два комунікативні центри процесуальної семантики, навколо яких і будуються зазначені речення. Наявність у реченні двох суб'єктів дії та двох дій, виконуваних цими суб'єктами, і дає нам змогу говорити про наявність безсполучникового зв'язку в межах речення зі складеним дієслівним присудком подвійної зорієнтованості.

Слід зауважити, що ми не виводимо такий різновид безсполучниковості на рівень мови як такий, що є сталим і регулярним. Таке поєднання є суто контекстуальним і постає внаслідок конденсації змісту висловлення або контамінування мовних одиниць.

У своєму дослідженні ми дійшли таких *висновків*: в англійській мові здебільшого безсполучниковість постає на рівні мовлення, зокрема в синтаксичних одиницях, що виникають унаслідок редукції повідомлюваної інформації або контамінування двох семантично суміжних комунікативних одиниць.

За таких умов вважаємо за доцільне розрізнати пропозиційно-комунікативні безсполучникові речення, до яких залучаємо речення, що містять напівпредикативні одиниці та речення зі складеним дієслівним присудком подвійної зорієнтованості, та власне безсполучникові складні речення. Такий поділ зумовлено нерівнозначністю відбиття складної пропозиції у безсполучникових складних реченнях, де пропозиція симетрично співвідноситься з кількістю граматичних основ компонентів речення, та речень, що також відбивають складну пропозицію, але містять граматично повнозначну форму дієслова та нефінітну форму дієслова, а також називають двох суб'єктів дії. Те, яка дія виражається особовою формою дієслова, найчастіше безпосередньо залежить від об'єктивної послідовності подій, однак варто зауважити, що детермінувальним моментом за такого розгляду виступає час, коли мовець повідомляє певну інформацію про дії або події.

Питання регулювання вживання мовцем пропозиційно-комунікативного безсполучникового речення або власне безсполучникового речення, що за змістом може корелюватись із пропозиційно-комунікативним, а також механізм фокусної динаміки у безсполучникових складних реченнях потребує більш детального вивчення і постає *перспективою наших досліджень*.

Література

1. Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – Изд-е 3-е, испр. – М. : Высш. шк., 2000. – 178 с.
2. Загнітко А. П. Типологія семантико-синтаксичних відношень / А. П. Загнітко // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вип. 3. – Донецьк : Вид-во ДонДУ, 1997. – С. 22–34.
3. Кобринина Н. А. Грамматика английского языка : Морфология. Синтаксис : Учебн. пособие для студ. пед. ин-тов и ун-тов по спец. № 2103 “Иностранные языки” / Н. А. Кобринина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – С.Пб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
4. Кручинина И. Н. Бессоюзные соединения предложений / И. Н. Кручинина // Русская грамматика : в 2-х т. [глав. ред. Н. Ю. Шведова]. – Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 712 с.

Аннотація

И. С. Святобаченко. Нефинитные формы глагола как средство реализации пропозиционально-коммуникативной бессоюзной связи

Статья посвящена исследованию специфики явления бессоюзия в английском языке, в частности типологических особенностей использования нефинитных форм глагола. Предложена классификация бессоюзных предложений на основе характера реализации предикативных компонентов бессоюзного сложного предложения.

Ключевые слова: бессоюзие, сложнопредложение, пропозиционально-коммуникативное и собственно бессоюзное сложное предложение, нефинитные формы глаголов.

Анотація

И. С. Святобаченко. Нефинитні форми дієслова як засіб вияву пропозиційно-комунікативного безсполучникового зв'язку

Статтю присвячено дослідженню специфіки явища безсполучниковості в англійській мові, зокрема типологічних особливостей використання нефінитних форм дієслова. Запропоновано класифікацію безсполучникових речень на основі характеру реалізації предикативних компонентів безсполучникового складного речення.

Ключові слова: безсполучниковість, складне речення, пропозиційно-комунікативне і власне безсполучникове складне речення, нефінитні форми дієслів.

Abstract

I. S. Svyatobachenko. The Non-Finite Forms of the Verb as the Means of the Propositional-Communicative Asyndetical Connection Realisation

The article investigates the specificity of the asyndecy in English, the typological features of using the non-finite forms of the verbs in particular. It is worked out the asyndetical sentence classification according to the character of the predicative components realization in asyndetical complex sentence. It is offered to differentiate the propositional-communicative asyndetical sentences (the sentences containing the non-finite forms of the verbs and sentences with the predicate of double orientation) and properly asyndetical sentences. Such classification is conditioned by the different levels of the representing the complex proposition in asyndetical complex sentences within which the proposition symmetrically corresponds the number of predicates in the sentence components, and the sentences which also represents the complex proposition, but contain the verb and the non-finite form of the verb and also nominate two subjects of the action. The asyndetical sentence in this case considers as the phenomenon of both of the language and speech levels as well. The classification of such kind was done for the first time and has no analogues.

Key words: asyndecy, complex sentence, propositional-communicative and properly asyndetical complex sentence, non-finite forms of the verbs.

РЕЦЕНЗІЇ. АНОТАЦІЇ. ХРОНІКА. ІНФОРМАЦІЯ

В. Н. Прохоренков
(Херсон)

О СИНТАКСИЧЕСКОМ ОСЛОЖНЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рецензия на учебно-практическое пособие Ю. И. Беляева “Простое синтаксически осложненное предложение в современном русском языке”: для студ. филол. факульт. универс. – Херсон, 2013. – 268 с.: рукопись.

Пособие предназначено для студентов IV курса направления подготовки б.020303 Филология (русский язык и литература)*

Учебно-практическое пособие профессора Ю. И. Беляева “Синтаксис простого осложнённого предложения в современном русском литературном языке” является органичным дополнением к его же учебнику “Синтаксис современного русского литературного языка”, вышедшему из печати вторым изданием в 2003 году в г. Херсоне и в 2007 году в г. Ченстахове (Польша).

Содержание учебно-практического пособия для студентов-филологов, изучающих систематический курс современного русского литературного языка, подчинено описанию различных модификаций элементарного предложения, создающих в границах монопредикативной единицы привнесённую в неё добавленную грамматическую значимость – дополнительную предикативность, являющуюся идентификационным признаком целого класса предложений, не имеющих в настоящее время общепринятой единообразной интерпретации. В центре внимания пособия находится феномен, требующий не только теоретического осмысления его лингвистической природы и места во всей совокупности предикативных образований русского языка, но и прикладной аспект его обозначения в письменной речи, что имеет совершенно оправданную дидактическую направленность, обеспечивающую повышение культуры письменной речи.

Обзор официальных академических источников и наиболее доступных студентам учебников и учебных пособий русских, украинских и белорусских авторов прослеживает путь, по которому шла восточнославянское языкознание к современному (хотя и неоднозначному) пониманию лингвистической природы синтаксически осложнённого предложения.

Специальный раздел пособия посвящён толкованию понятия “обособление”. Утверждается, что “сводить понятие осложнения простого предложения только к отношениям дополнительной предикативности нельзя, так как осложняют простое предложение и его однородные члены” [А. Ф. Прияткина 1990].

Примечательно, что автор исходит, с одной стороны, из необходимости чётко отличать синтаксическое (семантико-синтаксическое) осложнение простого предложения, требующего разнообразного пунктуационного оформления предназначенных для этого форм и конструкций в письменной речевой практике от собственно семантического осложнения, выявляемого на уровне пропозитивного анализа и не имеющего специальных синтаксических средств реализации. С другой стороны, подчёркивается необходимость видеть содержательную общность этих типов осложнения, дающую возможность осознавать язык как системно-структурное образование.

В учебно-практическом пособии рассматриваются способы и средства синтаксического осложнения элементарного предложения с опорой на понятия, вскрывающие его околядерную формально-синтаксическую структуру. С учебно-методической точки зрения вполне приемлемым представляется то, что автор выделяет и подробно характеризует, с одной стороны, обособленные обороты, соотносимые по средствам выражения с частями речи (деепричастиями, причастиями, прилагательными, существительными, компаративами, инфинитивами, наречиями, производными предлогами), с другой стороны, – с второстепенными членами предложения (обстоятельствами, разными типами определений, приложениями). Это позволяет активно включать рассматриваемые вопросы в ранее изученный материал морфологии и синтаксиса.

Интерес представляет и то, что среди оборотов не всегда последовательно различаются полупредикативные, сближенные с главными членами предложения, и привносящие в базовое предложение меньшую степень дополнительной предикативности, т.е. выявляется центр и периферия.

Отдельно в пособии рассматривается вопрос об обособленных дополнениях. Автор считает возможным не включать в их состав обороты с предлогами *кроме, помимо*, а выделить

обособленные дополнения как самостоятельный тип осложняющих оборотов, формируя таким образом мысль о том, что каждому второстепенному члену предложения изоморфен обособленный член, а сказуемому как основному носителю предикативности в двусоставном предложении – второстепенное сказуемое, оформляемое во многих случаях обособленным оборотом с деепричастием или причастием. Такая параллель обеспечивает понимание одной из сторон грамматической сущности синтаксического осложнения простого предложения.

К числу обособленных оборотов отнесены пояснение с его разновидностями (включая уточнение) и обороты с производными предлогами, а так же обороты с подчинительными союзами, в том числе сравнительными. Подчеркивается особая роль подчинительных союзов в системе осложняющих компонентов простого предложения.

Достаточно обоснованным представляется включение в число обособленных оборотов присоединительных, противительных, уступительных, условных, уточняюще-присоединительных и других форм и конструкций, осложняющих простое предложение.

Теоретически обоснованным выглядит и противопоставление обособленным оборотом сочинительных рядов однородных главных и второстепенных членов предложения, поскольку, как утверждается, они кроме потенциальной дополнительной предикативности вносят в осложняемое предложение значения, свойственные бессоюзным и подробно описанным союзным рядом, в пределах которых реализуются сочинительные отношения между членами предложения. Именно эти значения отличают ряды от значений обособленных членов предложения.

Достаточно полно при анализе сочинительных рядов в пособии описываются однородные и неоднородные определения ввиду широкой возможности субъективного толкования их природы и вызываемых в силу этого трудностей их пунктуационного оформления на письме, функции обобщающих слов при однородных членах предложения.

Во всех последующих разделах рассматриваются противопоставленные осложняющим простое предложение членам предложения, осложняющие компоненты которых не являются его членами.

Автор пособия много внимания уделяет анализу содержательных и конструктивных особенностей вводных (субъективно-модальных) и вставных компонентов простых синтаксически осложнённых предложений, разграничивая их прежде всего по функциям и средствам выражения. Надо заметить, что семантические разряды вводных форм и конструкций в описательной и практической частях пособия размещены неидентично, что может вызвать определённые трудности при изучении этого раздела.

Вводные и вставные формы и конструкции рассматриваются автором в целом как разнофункциональные величины, входящие в третью группу компонентов, осложняющих простое предложение, наряду с обособленными оборотами и однородными членами. В эту группу включены так же обращения и междометия, рассмотренные, на наш взгляд, намного подробнее, чем во многих иных учебных пособиях по синтаксису. Попутно с этим затрагивается проблема частиц и звукоподражаний в простом предложении русского языка, что также не характерно для учебной литературы по данному вопросу.

Несомненным достоинством нового издания является то, что оно вводит в широкий оборот содержания знаний студентов высших учебных заведений Украины понятия, разработанные А. Ф. Прияткиной в “Синтаксисе осложнённого предложения”, вскрывающие его функциональные особенности: конструктивное и неконструктивное осложнение, союзное осложнение, типы предикативности и др.

Думается, что особую дидактическую ценность имеют практические аспекты нового пособия. Во-первых, они представлены группировкой хорошо сведённых по соответствующим разделам книги правил пунктуации синтаксически осложнённых предложений, обобщённых с опорой на традиционные (Д. Э. Розенталь) и новейшие нормативные справочники (В. В. Лопатин, Н. М. Пипченко). Правила по всем разделам пособия, как, впрочем, и в теоретической его части, проиллюстрированы богатой и вполне убедительной выборкой оригинальных примеров из классической и современной русской прозы и поэзии.

Во-вторых, каждый раздел пособия содержит не только пунктуационную интерпретацию обособленных и других осложняющих простое предложение форм и конструкций, но и определённый набор упражнений для самостоятельной работы студентов, выполнение которых должно стимулировать более глубокое осмысление и прочное закрепление изучаемого.

Полезность этого пособия заключается в комплексном подходе к описанию самого понятия осложнения простого предложения, разных классов осложняющих его компонентов, их

противопоставлении друг другу и выявлении общности, формирующей лингвистическую сущность этих единиц, предназначенных языком для создания особого типа простых предложений.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Арцешашева Ольга Вікторівна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Васюкова Наталія Віталіївна – викладач кафедри підготовки миротворчого персоналу за стандартами ООН Національного університету оборони України (Київ, Україна)

Герасименко Ірина Анатоліївна – доктор філол. наук, доцент, завідувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Дмитрієва Юлія Леонідівна – здобувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Дорофєєв Юрій Володимирович – кандидат філол. наук, доцент, декан факультету перепідготовки Кримського республіканського інституту післядипломної педагогічної освіти (Сімферополь, Україна)

Дьячок Наталя Василівна – кандидат філол. наук, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Жуков Юрій Юрійович – здобувач кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Іванова Надія Іванівна – кандидат філол. наук, доцент кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Колесніченко Олена Леонідівна – ст. викладач кафедри мовознавства і російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Котова Анна Володимирівна – доцент кафедри англійської мови Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, Україна)

Кудря Оксана Анатоліївна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Олешков Михайло Юрійович – доктор філол. наук, професор кафедри філологічної освіти Нижньотагільської державної соціально-педагогічної академії (Нижній Тагіл, Росія)

Прохоренков Василь Миколайович – кандидат філол. наук, доцент кафедри російської мови й загального мовознавства Херсонського державного університету (Херсон, Україна)

Самойленко Олена Валентинівна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Святобаченко Ірина Станіславівна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Соловцова Олена Валеріївна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Сулейманова Ольга Аркадіївна – доктор філол. наук, професор, завідувач кафедри західноєвропейських мов та перекладознавства Інституту іноземних мов ГБОУ ВПО МГПУ “Московський міський педагогічний університет” (Москва, Росія)

Таукчі Олена Федотівна – кандидат філол. наук, доцент, завідувач кафедри англійської філології Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Теркулов В'ячеслав Ісайович – доктор філол. наук, професор, завідувач кафедри російської мови Донецького національного університету (Донецьк, Україна)

Ушева Наталя Станіславівна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Фірсова Ірина Володимирівна – аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Харченко Віра Костянтинівна – доктор філол. наук, професор, завідувач кафедри російської мови й методики її навчання Белгородського державного національного дослідного університету (Белгород, Росія)

Чернишова Ірина Вікторівна – ст. викладач кафедри англійської філології Горлівського інституту іноземних мов ДВНЗ “Донбаський державний педагогічний університет” (Горлівка, Україна)

Чікібаєв Аркадій Геннадійович – кандидат філол. наук, доцент кафедри іноземних мов Донецького інституту туристичного бізнесу (Донецьк, Україна)

Шепель Юрій Олександрович – доктор філол. наук, професор, завідувач кафедри перекладу й лінгвістичної підготовки іноземців Дніпропетровського національного університету ім. Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна)

Янко Юліана Костянтинівна – літературний редактор редакційно-видавничого відділу Автомобільно-дорожнього інституту Державного вищого навчального закладу “Донецький національний технічний університет” (Горлівка, Україна)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арцебашева Ольга Викторовна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Васюкова Наталия Витальевна – преподаватель кафедры подготовки миротворческого персонала по стандартам ООН Национального университета обороны Украины (Киев, Украина)

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филол. наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Дмитриева Юлия Леонидовна – соискатель кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Дорофеев Юрий Владимирович – кандидат филол. наук, доцент, декан факультета переподготовки Крымского республиканского института послыдипломного педагогического образования (Симферополь, Украина)

Дьячок Наталья Васильевна – кандидат филол. наук, доцент кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Жуков Юрий Юрьевич – соискатель кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Иванова Надежда Ивановна – кандидат филол. наук, доцент кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Колесниченко Елена Леонидовна – ст. преподаватель кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Котова Анна Владимировна – доцент кафедры английского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Харьков, Украина)

Кудря Оксана Анатольевна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Олешков Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (Нижний Тагил, Россия)

Прохоренков Василий Николаевич – кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Херсонского государственного университета (Херсон, Украина)

Самойленко Елена Валентиновна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Святобаченко Ирина Станиславовна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Соловцова Елена Валерьевна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Сулейманова Ольга Аркадьевна – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой западноевропейских языков и переводоведения Института иностранных языков ГБОУ ВПО МГПУ “Московский городской педагогический университет” (Москва, Россия)

Таукчи Елена Федотовна – кандидат филол. наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (Донецк, Украина)

Ушева Наталья Станиславовна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Фирсова Ирина Владимировна – аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Харченко Вера Константиновна – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

Чернышова Ирина Викторовна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков ГВУЗ “Донбасский государственный педагогический университет” (Горловка, Украина)

Чикибаев Аркадий Геннадьевич – кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Донецкого института туристического бизнеса (Донецк, Украина)

Шепель Юрий Александрович – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Днепропетровск, Украина)

Янко Юлиана Константиновна – литературный редактор редакционно-издательского отдела Автомобильно-дорожного института Государственного высшего учебного заведения “Донецкий национальный технический университет” (Горловка, Украина)

AUTHORS

Artsebasheva Olga Viktorivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Chernyshova Iryna Viktorivna – Senior Lecturer of the English Philology Department, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Chikibaev Arkadi Gennadiyovych – Assistant Professor of the Foreign Languages Department, Donetsk Institute of Tourism Business, Candidate of Philology (Donetsk, Ukraine).

Dmitrieva Yulia Leonidivna – Applicant for the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Dorofeyev Yuri Volodymyrovych – Assistant Professor, Dean of the Faculty of Re-Training, the Crimea Republic Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Candidate of Philology (Simferopol, Ukraine).

Dyachok Natalia Vasylivna – Assistant Professor of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University”, Candidate of Philology (Horlivka, Ukraine).

Firsova Iryna Volodymyrivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Gerasymenko Iryna Anatoliivna – Chair of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University”, Doctor of Philology, Assistant Professor (Horlivka, Ukraine).

Ivanova Nadia Ivanivna – Assistant Professor of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University”, Candidate of Philology (Horlivka, Ukraine).

Kharchenko Vira Konstantynivna – Chair of the Department of the Russian Language and Methodology, Belgorod State National Research University, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russia).

Kolesnichenko Olena Leonidivna – Senior Lecturer of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Kotova Anna Volodymyrivna – Assistant Professor of the Department of the English Language, Kharkiv National University named after V. N. Karazin (Kharkiv, Ukraine).

Kudrya Oksana Anatoliivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Oleshkov Mykhailo Yuriyovych – Professor of the Department of Philological Education, Nizhniy Tagil State Social-Pedagogical Academy, Doctor of Philology (Nizhniy Tagil, Russia).

Prokhorenkov Vasyl Mykolayovych – Assistant Professor of the Department of the Russian Language and Linguistics, Kherson State University (Kherson, Ukraine).

Samoylenko Olena Valentynivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Shepel Yuri Oleksandrovykh – Chair of the Department of Translation and Foreign Students’ Linguistic Training, Dnipropetrovsk National University named after Oles Gonchar, Doctor of Philology, Professor (Dnipropetrovsk, Ukraine).

Solovtsova Olena Valeriivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Suleymanova Olga Arkadiivna – Chair of the Department of West European Languages and Translation, The Institute for Foreign Languages, “Moscow City Pedagogical University”, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia).

Svyatobachenko Iryna Stanislavivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Taukchi Olena Fedorivna – Chair of the English Philology Department, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University”, Assistant Professor, Candidate of Philology (Horlivka, Ukraine).

Terkulov V’yacheslav Isayovych – Chair of the Russian Language Department, Donetsk National University, Doctor of Philology, Professor (Donetsk, Ukraine).

Usheva Natalia Stanislavivna – Postgraduate of the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

Vasyukova Natalia Vitaliivna – Lecturer of the Department of UN Standards Peacekeeping Personnel Training, Ukraine National Defence University (Kyiv, Ukraine).

Zhukov Yuri Yuriyovych – Applicant for the Department of Linguistics and the Russian Language, Horlivka Institute for Foreign Languages, HSEE “Donbass State Pedagogical University” (Horlivka, Ukraine).

ШАНОВНІ АВТОРИ!

У нашому збірнику наукових робіт друкуються статті з романо-германських та слов'янських мов, теорії мови, лінгвістики тексту, дискурсології, концептуального аналізу, міжкультурної комунікації.

Матеріали збірника можуть бути корисними для науковців, викладачів вищих та середніх загальноосвітніх навчальних закладів, аспірантів, пошукувачів і студентів.

Редакція звертається до Вас з проханням при підготовці матеріалів до друку в «Лінгвістичному віснику» оформлювати наукову літературу відповідно до вимог редакційної колегії.

Макет сторінки, типографські погодження

Для оригінал-макета використовується формат А 4.

- обсяг – 6-12 сторінок;
- шрифт – Times New Roman – 14 пт;
- міжрядковий інтервал – 1,5;
- абзацний відступ – 1,25 см;
- береги – 2 см;
- апостроф набирається клавішами “Alt” + “0146”;
- лапки потрібно набирати однакові по всій статті (“лапки”);
- тире треба набирати за допомогою коду “Alt” + “0150”, а не використовувати дефіс;
- сторінки не нумеруються, текст друкується без переносів;
- в першому рядкові сторінки, у правому куті друкуються **ініціали, прізвище**. У другому рядкові, у правому куті – **назва міста**. У третьому рядкові, у лівому куті – УДК. У наступному рядкові друкується **НАЗВА СТАТТІ** (відцентрована). Після назви – текст статті;
- для стилістичного виділення фрагментів тексту слід вживати шрифт *курсив*;
- посилання в тексті подаються в квадратних дужках із зазначенням порядкового номеру джерела зі списку літератури та номеру сторінки [1, с. 37–38], багатотомні джерела – [5, т. 2, с. 53] (**функція “виноска” не використовується**);
- через один рядок після тексту статті подається **Література** (за абеткою);
- завершують публікацію через один рядок після списку літератури **три анотації російською, українською та англійською мовами** (кожна анотація з ключовими словами) – шрифт *курсив* (шрифт – Times New Roman – 12 пт);
- ілюстрації додаються окремим файлом.

Зразок оформлення статті

А. А. Иванов
(Харьков)

УДК 81'1=16+81' 373.2+81' 373.21

ПРОПРИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Текст статті.

Литература

1. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
2. Горбаневский М. О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов / М. Горбаневский, В. Максимов // Ономастика Поволжья : мат-лы X Международной конференции, 12–14 сентября 2006 г. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 37–44.

Аннотация

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (объем – до 500 символов)

Ключевые слова:

Анотація

Автор. Назва статті (українською мовою)

Текст анотації українською мовою (обсяг – до 500 символів)

Ключові слова:

Abstract

Author. The title of the article (in English)

Abstract (in English) (1200-1500 symbols)

Key words:

До редколегії подаються такі матеріали:

- роздрукований текст статті з анотаціями та ключовими словами;
- роздруковані відомості про автора(ів): прізвище, ім'я, по батькові; учені ступінь і звання; місце роботи і посада; домашня адреса, контактний телефон, адреса e-mail;
- рецензія наукового керівника для авторів, які не мають наукового ступеня (за підписом кандидата або доктора наук за відповідним профілем; підпис засвідчується печаткою);
- диск з текстом статті, виконаним у текстовому редакторі Word і збереженим у форматі RTF, анотаціями англійською, російською і українською мовами та з ключовими словами (RTF) та відомостями про автора(ів);

Відомості про автора(ів) (українською, англійською мовами та мовою оригіналу)

<i>Прізвище, ім'я, по батькові</i>	
<i>Науковий ступінь</i>	
<i>Вчене звання</i>	
<i>Повна назва організації, де працює автор</i>	
<i>Назва підрозділу</i>	
<i>Посада</i>	
<i>Поштова адреса організації</i>	
<i>Номер телефону організації</i>	
<i>Домашня адреса</i>	
<i>Номер телефону автора(ів)</i>	
<i>E-mail</i>	
<i>Назва статті</i>	

З питань друку статей у «Лінгвістичному віснику» звертатися до головного редактора Герасименко Ірини Анатоліївни
 пр. Перемоги, б. 72, кв. 222, м. Горлівка-46, Донецька обл., Україна, 84646.
 Тел: +38 (050) 999-42-00.
 E-mail: iragerasimenko@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

В нашем сборнике научных работ публикуются статьи по лингвистике (германским, романским, славянским языкам, теории языка, лингвистике текста, дискурсологии, концептуальному анализу, межкультурной коммуникации).

Сборник адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в “Лингвистическом вестнике”, руководствоваться требованиями Редакционной коллегии к оформлению научной литературы.

Макет страницы, типографские согласования

- Для оригинал-макета используется формат А 4.
- объем – 6-12 страниц;
- шрифт – Times New Roman – 14 пт;
- межстрочный интервал – 1,5;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- поля – 2 см;
- апостроф набирается клавишами “Alt” + “0146”;
- кавычки следует набирать одинаковые по всей статье (“кавычки”);
- тире необходимо набирать с помощью кода “Alt” + “0150”, а не использовать дефис;
- страницы не нумеруются, текст печатается без переносов;
- в первой строке страницы, в правом углу печатаются **инициалы, фамилия**. Во второй строке, в правом углу – **название города**. В третьей строке, в левом углу – УДК. В следующей строке печатается **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру). После названия – текст статьи;
- для стилистического выделения фрагментов текста следует применять начертание *курсив*;
- ссылки в тексте подаются в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и номера страницы [1, с. 37–38], многотомные источники – [5, т. 2, с. 53] (**функция “выноска” не используется**);
- через одну строчку после текста статьи подается **Литература** (в алфавитном порядке);
- завершают публикацию через одну строку после списка литературы **три аннотации на русском, украинском и английском языках** (каждая аннотация с ключевыми словами) – начертание *курсив* (шрифт – Times New Roman – 12 пт);
- иллюстрации подаются отдельным файлом.

Пример оформления статьи

А. А. Иванов
(Харьков)

УДК 81'1=16+81' 373.2+81' 373.21

ПРОПРИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Текст статьи.

Литература

1. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
2. Горбаневский М. О некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов / М. Горбаневский, В. Максимов // Ономастика Поволжья : мат-лы X Международной конференции, 12–14 сентября 2006 г. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 37–44.

Аннотация

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (объем – до 500 символов)

Ключевые слова:

Анотація

Автор. Назва статті (українською мовою)

Текст анотації українською мовою (обсяг – до 500 символів)

Ключові слова:

Abstract

Author. The title of the article (in English)

Abstract (in English) (1200-1500 symbols)

Key words:

В редколлегию подаются такие материалы:

- распечатанный текст статьи с аннотациями и ключевыми словами;
- распечатанные сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество; ученая степень и звание; место работы и должность; домашний адрес, контактный телефон, адрес e-mail;
- рецензия научного руководителя для авторов, которые не имеют ученой степени (за подписью кандидата или доктора наук по соответствующему профилю; подпись заверяется печатью);
- диск с текстом статьи, выполненным в текстовом редакторе Word и сохраненным в формате RTF, аннотациями на английском, русском и украинском языках и с ключевыми словами (RTF) и сведениями об авторе(ах);

Сведения об авторе (авторах) (на русском, украинском и английском языках)

<i>Фамилия, имя, отчество</i>	
<i>Научная степень</i>	
<i>Ученое звание</i>	
<i>Полное название организации, в которой работает(ют) автор(ы)</i>	
<i>Название подразделения</i>	
<i>Должность</i>	
<i>Почтовый адрес организации</i>	
<i>Номер телефона организации</i>	
<i>Домашний адрес</i>	
<i>Номер телефона автора(ов)</i>	
<i>E-mail</i>	
<i>Название статьи</i>	

По вопросам публикации статей в “Лингвистическом вестнике” обращаться к главному редактору Герасименко Ирине Анатольевне:

пр. Победы, д. 72, кв. 222, г. Горловка-46, Донецкая обл., Украина, 84646.

Тел: +38 (050) 999-42-00.

E-mail: iragerasimenko@mail.ru

INFORMATION FOR THE AUTHORS

“Linguistic Visnyk” publishes articles of original research in linguistics. The articles deal with linguistic theory, linguistic description of English, French and a variety of other natural languages, morphology, syntax, semantics, historical linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, and other areas of interest to linguists. It is meant for scholars, philologists, postgraduates, students and those who are interested in current problems of linguistics.

Please follow the guidelines below in the preparation of your manuscript.

Articles accepted for publication in “Linguistic Visnyk” must contain new and relevant information of the original nature, with the results of scientific and scientific-practical researches and correspond to the thematic profile of the journal. Submitted materials must not be published earlier in other prints.

In compliance with the Requirements of Higher Attestation Commission, the authors of the articles, submitted for publication in the scientific journal, should stick to the following rules:

- the manuscript’s volume should be 6-12 pages (A 4);
- the article should be submitted in one copy (line spacing – 1,5, print – Times New Roman, type size – 14, margins – 2 centimeters, indented line – 1,25 centimeters, without extra omissions, line break; quotation marks “ ”; hyphen and dash should not be confused (install automatic hyphenation “Alt” + “0150”); apostrophe “Alt” + “0146”);
- in the right top corner initials and surname of the author (authors) must be printed in bold print; below must be the name of the city / town; the title of the article must be placed in the center of a line, in bold type;
- the articles should be supported by a review of a scientific tutor (for young scholars).

Sample

А.А. Иванов
(Харьков)

УДК 81’1=16+81’ 373.2+81’ 373.21

ПРОПРИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Literature

1. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 382 с.
2. Горбаневский М. О. некоторых противоречиях в трактовке национально-культурной принадлежности антропонимов и топонимов / М. Горбаневский, В. Максимов // Ономастика Поволжья : мат-лы X Международной конференции, 12–14 сентября 2006 г. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 37–44.

Abstract

Author. The title of the article in English.

Abstract in English (1200-1500 symbols)

Key words:

Анотація

Автор. Назва статті (українською мовою)

Текст анотації українською мовою (обсяг – до 500 символів)

Ключові слова:

Аннотация

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (объем – до 500 символов)

Ключевые слова:

The article must be accompanied by a CD with the text of the article and 3 abstracts (Word; RTF); tables, schemes, figures and diagrams must be written on a separate sheet of paper and in a separate file, numbered and titled; references must be formed in a form of a bibliographic list at the end of the article in the alphabetical order. References are given in square brackets with the number of the source and page, (example, [3, с. 50-51]).

Manuscript is attached by:

- the required documents;
- author's reference – name, surname and patronymic name (full), official name of job place, position, scientific degree, scientific rank, data for communication with the author (phone numbers, e-mail);
- 3 abstracts (no more than 10 lines) and key words (5-7) in English, Ukrainian and Russian, (including the title). Abstract should contain a brief structure of the article and the following aspects of its content: subject, theme, aim of research; method and methodology for conducting research; results of research; sphere of application of the results.

The article must include the conceptual / theoretical underpinning, relating to the previous research, methodology, the context, findings / results and value of your research for your potential audience.

The authors are responsible for selection and validity of the information, facts, quotations, statistic and sociological data, geographical names, proper names, and other information. Published materials may not coincide with the opinion of the editors, Board of editors, as far as they are open to discussion. The Visnyk Editorial Board does not return the manuscripts of the articles and floppy discs.

Author's Reference (in English, Russian and Ukrainian)

<i>Name, surname and patronymic name (full)</i>	
<i>Scientific degree</i>	
<i>Scientific rank</i>	
<i>Official name of job place</i>	
<i>Department</i>	
<i>Position</i>	
<i>Address of the institution</i>	
<i>Telephone number of the institution</i>	
<i>Home address</i>	
<i>Telephone number of the author(s)</i>	
<i>E-mail</i>	
<i>The title of the article</i>	

Contact details

Submissions of articles and related correspondence, general enquiries and questions about the form of the manuscript should be sent to Gerasimenko I. A., editor in chief:

Pobeda St, 72, 222, Horlivka-46, Donetsk Region, Ukraine, 84646.

Phone number: +38 (050) 999-42-00;

E- mail: iragerasimenko@mail.ru

ЗМІСТ

ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ МОВИ

<i>Ю. В. Дорофеев</i> ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВАРИАТИВНОСТИ.....	9
<i>О. В. Соловцова</i> ЕВОЛЮЦИЯ ПОГЛЯДОВ НА КАТЕГОРИЮ ПРЕДИКАЦИИ В НАУКОВОЙ ПАРАДИГМЕ.....	14
<i>В. И. Теркулов</i> ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ	18
<i>Н. С. Ушева</i> ДО ПИТАНИЯ ПРО ЛОГИЧНЫЕ ПОДСТАВЫ КЛАССИФИКАЦИИ ОПОЗИЦИЙ	21
<i>Ю. К. Янко</i> ПОНЯТИЕ “ОЦЕНКА” В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	25

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТУ
ДИСКУРСОЛОГИИ, ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

<i>Н. В. Васюкова</i> ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	30
<i>Е. Л. Колесниченко</i> ИРОНИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОЛОГОВ М. М. ЖВАНЕЦКОГО).....	33
<i>М. Ю. Олешков</i> РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	37
<i>О. А. Сулейманова</i> ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В АТТРИБУТИВНОЙ ГРУППЕ: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	42
<i>И. В. Фирсова</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	47
<i>І. В. Чернишова</i> ПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ВИСЛОВЛЮВАНЬ З ТЕМПОРАЛЬНИМИ МАРКЕРАМИ ОЦІННОСТІ “СВОГО/ЧУЖОГО” ПРОСТОРУ (НА МАТЕРІАЛІ АНГЛІЙСЬКОГО ТЕКСТУ БІБЛІЇ)	50
<i>А. Г. Чикибаев</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ.....	53
<i>Ю. А. Шепель</i> СНОВА О КОМПЬЮТЕРНОМ СЛЕНГЕ.....	57
<i>Ю. Л. Дмитриева</i> ОБРАЗНО-АССОЦИАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА ‘БЕРЕЗА’ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА).....	63

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ МОРФОЛОГІЇ І СЛОВОТВОРУ

<i>О. В. Арцбашева</i> ДІЄСЛОВО У РОЗВІДКАХ П. О. БУЗУКА	70
<i>Н. В. Дьячок</i> К ВОПРОСУ О “НУЛЕВОЙ” АФФИКСАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	73
<i>А. В. Котова</i> СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС ДЛИТЕЛЬНЫХ И ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	77

<i>О. В. Самойленко</i>	
РЕТИМОЛОГІЗАЦІЯ ЯК ПРИЧИНА ТА НАСЛІДОК ПОЯВИ КВАЗІКОМПЗИТИВ.....	79
ФУНКЦІОНА СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧНИХ ТА ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ	
<i>И. А. Герасименко</i>	
СЛОВА С ІМПЛІЦИТНИМ ЗНАЧЕННЯМ ЦВЕТА	84
<i>О. А. Кудря</i>	
КЛАСИФІКАЦІЯ КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ В АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ.....	88
<i>V. K. Kharchenko</i>	
THE CONSTANT OF POLYSEMANTICISM.....	91
ТЕОРЕТИЧНІ ПИТАННЯ СИНТАКСИСУ	
<i>Н. И. Иванова</i>	
РЕКУРСІЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМОЙ І ВСТАВКИ.....	96
<i>Е. Ф. Таукчи</i>	
О СПОСОБНОСТІ СЛОВ ВСТУПАТЬ В СИНТАКСИЧЕСКІЕ КОНСТРУКЦІИ	100
<i>І. С. Святобаченко</i>	
НЕФІНІТНІ ФОРМИ ДІЄСЛОВА ЯК ЗАСІБ ВІЯВУ ПРОПОЗИЦІЙНО-КОМУНІКАТИВНОГО БЕЗСПОЛУЧНИКОВОГО ЗВ'ЯЗКУ.....	104
РЕЦЕНЗІЇ. АНОТАЦІЇ. ХРОНІКА. ІНФОРМАЦІЯ	
<i>В. Н. Прохоренков</i>	
О СИНТАКСИЧЕСКОМ ОСЛОЖНЕНІИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНІЯ	108
ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ.....	110
СВЕДЕНІЯ ОБ АВТОРАХ	112
AUTHORS.....	114

Наукове видання

ЛІНГВІСТИЧНИЙ ВІСНИК

Випуск 1

Відповідальний за випуск Д.В. Василенко
Технічний редактор А.М. Калашников
Комп'ютерне верстання та макетування А.В. Шевченко

*За зміст і достовірність фактів, цитат, власних імен
та інших відомостей відповідають автори*

Підписано до видання 08.05.2013 р.
Формат 60x84/8. Папір 80 г/м².
Ум. друк. арк. 11,24. Обл.-вид. арк. 15,75.
Ум.-вид. арк. 14,65.
Тираж 300 прим. Зам. № 30/1.

Видавництво Горлівського інституту
іноземних мов ДВНЗ «ДДПУ»
Свідоцтво про державну реєстрацію суб'єкта видавничої справи
ДК № 1342 від 29.04.2003 р.
84626, м. Горлівка, вул. Рудакова, 25